

Анастасия Шерр

САМИР 2

Изо льда
в пламя

Дилогия. Книга вторая

Я научилась жить без него, без любимого мужчины, которого у меня отняли. Научилась бороться и выживать в окружении злобных нелюдей. Стала сильнее ради своего будущего. Но смогу ли пережить воскрешение того, кого даже не мечтала увидеть ещё раз?

— Ты... жив?

— А ты? Ты жива, Настя? Как тебе жилось без меня? Не скучала?

Немо открываю рот, сглатываю. Закрываю глаза и мотаю головой.

— Не может быть... Ты не настоящий. Мне просто чудится.

— О нет, Настенька. К твоему огромному сожалению, я очень даже реален.

- [Анастасия Шерр](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Анастасия Шерр

Самир 2. Изо льда в пламя

— Я рада, что у тебя такой хороший аппетит, дорогая. Ты приходишь в себя и это, несомненно, идёт на пользу твоему здоровью и здоровью малыша, — её уста источали сладкий мёд, только я знала — это самый настоящий яд. Отрава, которой она пропитывает меня, словно паучиха.

— Это всё благодаря твоей заботе, — отвечаю приторно-сладкой улыбкой и силой заталкиваю в себя очередной кусок. Вкус еды не чувствую уже давно, как не ощущаю и голода, жажды. Но упорно заставляю себя питаться, чтобы не ослабнуть. Это непозволительная роскошь. Особенно сейчас, когда у моего малыша осталась лишь я одна.

— Самир бы этого хотел... Чтобы я позаботилась о его семье, — глаза Алимы увлажняются, и я отчётливо слышу, как скрипит зубами Тагир. Мне не жаль этого ужасного человека, нет. Но я могу его понять. Каждый день думать о том, что ты для любимого человека ничего не значишь... Любой в зверя превратится.

От упоминания имени мужа, в груди мгновенно всё застывает и покрывается льдом. Я научилась не показывать свою боль, она здесь никому не интересна. Я научилась держать её под замком, печатью на сердце. Она теперь часть меня. Вторая я. Изуродованная, исполосованная шрамами девочка, которую больше никто не любит.

— Спасибо за превосходный завтрак, я пойду к себе, соберусь, — поднимаюсь со стула, поглаживаю большой живот. — Хочу сегодня поехать в город кое-что купить.

Вижу, как лицо Алимы вытягивается, и уже знаю, что она скажет.

— Дорогая, может, сегодня не стоит? Тучи собираются.

— Я всё же поеду, — смотрю в глаза змеи и вижу в них сомнение. Боится, что я сбегу.

— Ну, если ты так хочешь... Но я не могу отпустить тебя без охраны. Сама знаешь, за тобой до сих пор охотятся бандиты, и я не прощу себя, если с вами что-то случится.

Я, конечно же, соглашаюсь, потому что другого выхода нет. Всё равно за мной будут следить её люди, а я не должна вызывать подозрений. Побег нужно спланировать тщательно и с умом, чтобы я смогла родить малыша, но при этом нас не обнаружили.

— Спасибо тебе, Алима. Самир был бы тебе благодарен, — и сейчас я как никогда искренна. Потому что останься мой мужчина в живых, он бы отблагодарил её, как она того заслуживает.

Алима берёт меня за руку, поглаживает тыльную сторону ладони.

— Мы все потеряли родного человека. Ты можешь рассчитывать на меня, дорогая. Я позабочусь о тебе.

Разумеется. Сразу же, как только родится мой ребёнок. Она и её муж с огромной радостью позаботятся обо мне. И наш с Самиром сын останется сиротой. А эта психопатка заберёт его себе. Ну уж нет!

— До встречи, — посылаю её ещё одну лживую улыбку и удаляюсь, потому что с каждым днём мне всё труднее играть на публику.

В комнате кручусь перед зеркалом, осматриваю себя со всех сторон. Синяки под глазами, осунувшееся лицо. Я будто в старуху превратилась за эти дни. Самиру это не понравилось бы. Он бы сказал, что я не слежу за своим здоровьем и обязательно заставил бы меня поесть. Печально улыбнулась, коснулась ладонями живота. Малыш, как обычно, не подаёт признаков жизни, и от этого становится нехорошо. Шатает. Хватаюсь за шкаф,

глубоко дышу.

— Всё будет хорошо. Потерпи немного. Когда ты родишься, мы уже будем далеко отсюда. Так далеко, что ни один враг нас не найдёт, — благо, у нас есть возможности. Самир оставил мне целую империю, и, когда я смогу вступить в наследство, мне будут не страшны ни Алима со своим муженьком, ни бандиты, убившие моего мужа. — Мы всех их уничтожим. Вот увидишь. Они ответят за свои злодеяния. За твоего папочку, за нас... — стону от боли в левой части груди. Будто сердце разрывается. Я редко плачу. Не позволяю себе отворять дверь боли. Запечатываю её, блокирую, отключаю чувства. Потому что не имею права забывать о малыше.

В кармане комбинезона несколько раз вибрирует телефон, оповещая о входящих сообщениях. Я смахиваю слёзы, тепло улыбаюсь. Сегодня день, когда приходит перевод на карту. Раньше я всегда поражалась памяти Самира. Он всегда перечислял средства день в день, час в час. Только недавно поняла, что переводы автоматизированы, но мне всё равно приятно и тепло... Будто он жив, будто до сих пор заботится обо мне. Мой мужчина подумал обо всём заранее, и теперь доступ к его счетам, недвижимости и бизнесу в целом не имеет никто, кроме меня. Есть, правда, ещё один счёт, который ждёт кого-то другого, и, пока не огласили завешание, я не знаю, о ком ещё заботился Самир... Быть может, это Алима.

Разблокировав экран мобильного, удивлённо хмыкаю. Кроме сообщения из банка висит оповещение из сайта знакомств, о котором уже и позабыла. Это Аноним. С тех пор, как я попрощалась со своим другом по переписке и рассказала ему, что в моей жизни уже есть любимый человек, Аноним не писал ещё ни разу.

«Кто-то давно не появлялся в сети. Где же моя грустная девочка?»

Закрыв вкладку приложения, сунула мобильный обратно в карман. У меня много дел и совсем некогда отвлекаться на пустую болтовню. Может, позже отвечу... Но признаюсь, впервые за долгое время мне стало легче. Совсем немножко, капельку. И всё же. Наверное, это от того, что я осталась совсем одна и даже поговорить по душам не с кем.

Поджав губы, снова достала телефон.

«Она просто устала...»

«Как твои дела? Что-то произошло?» — Аноним, как обычно, чувствует моё настроение. А может, мне просто так хочется думать.

«Много всего произошло. Я не хочу сейчас об этом. Извини».

Через секунду телефон вибрирует снова.

«Нам нужно встретиться».

Хмурюсь, закрываю приложение, оставляя его предложение без ответа. Встречаться с ним, разумеется, я не планирую. Если в моей жизни когда-нибудь и появится мужчина, то это будет очень нескоро. Если подобное вообще возможно. Я не уверена, что смогу забыть Самира или предать его. Никогда. Самое дорогое, самое главное в моей жизни — мой малыш. Только он. А интрижки с интернет-знакомыми меня не интересуют.

— Здравствуйте, — улыбнулась тучному мужчине, и его взгляд стал ещё мрачнее. Угрюмый, большой, наводящий своей черной щетиной и рубленным лицом ужас — то, что надо.

— Это вы мне назначили встречу? — недоверчиво сощурился.

— Да. Вы не сердитесь, пожалуйста... Я вас обманула, когда сказала, что хочу обсудить

договор на охрану объекта. Я...

— Это я уже понял. Всего доброго, — мужчина поднялся и на полном серьёзе собрался уйти.

— Стойте! Подождите! Мне нужно...

— Слушайте сюда, дамочка! — он резко развернулся, вперился в меня злым взглядом. — Я не охранник и не водила. Пять минут моего времени стоят дороже, чем брюлики в ваших ушах. Если вам нужен телохранитель, чтобы понтоваться перед подружками, вы можете позвонить в ЧОП и договориться с администратором. У меня на это времени нет.

Да уж, ну и характер. Тем лучше.

— Постойте, Захар Евгеньевич...

— Дмитриевич!

— Простите! Постойте! Мне нужна именно ваша помощь. У меня есть деньги. Много денег. Ваше время будет оплачено сполна.

Он усмехается, мотает головой, видимо, еле сдерживаясь от того, чтобы не закатить глаза.

— Дамочка...

— Я вам не дамочка, ясно? — обрываю его, повысив голос, на что густые брови мужчины взлетают вверх. Видать, с ним редко разговаривают в таком тоне. — Меня зовут Анастасия Сабурова. Я жена... Вдова Самира Сабурова. Вы ведь слышали о таком? — Разумеется, он слышал. Я выбрала Лазарева не просто так. — Мне нужна ваша помощь, и если вы готовы меня выслушать, то присядьте, пожалуйста. За мной следят, и у меня не так много времени. Я сбежала от охранника, но он скоро меня найдёт.

Имя моего мужа произвело на него впечатление, и мужчина вернулся к столу, сел. Сложив руки в замок, молча уставился на меня.

Восприняла затянувшуюся паузу, как сигнал к действию, откашлялась.

— Я хотела бы попросить вас о...

— О помощи. Это ясно. Но прежде чем вы соберётесь с мыслями и озвучите их, я хотел бы знать, почему вы не обратились к кому-нибудь из друзей вашего мужа? Насколько я знаю, у Самира Камаловича было много друзей. Причём очень влиятельных. Намного влиятельнее, чем я.

— Всё просто. Я им не доверяю. Кто-то ведь убил моего мужа. — И это явно не его повёрнутая сестра. — Я знаю, что вы сотрудничали с Самиром, и у вас были довольно доверительные отношения. О вас отзываются, как о честном человеке. Ну, и наконец... У вас не было мотива убивать его... — Никак не могла произнести это без дрожи в голосе, и Лазарев это замечает. Щурится. Изучает. — Скорее, даже наоборот. Вам было выгодно сотрудничество с корпорацией Самира, ведь так? Судя по документам, которые я видела, именно ваши охранники работали во всех заведениях, принадлежащих моему мужу.

Да, всё, несомненно, так. Я знаю, о чём говорю. Мне пришлось втихаря пробраться в офис Самира и порыться в его бумагах. Так как его компьютер был изъят полицией, пришлось поднапрячься с поиском информации, но всё же удалось найти несколько полезных бумажек.

Меня интересовал человек, которому я смогу довериться. Тот, кто достаточно умён, чтобы помочь мне, и достаточно порядочен, чтобы при этом не навредить. Лазарев подходил идеально. Кажется. По крайней мере, я нашла о нём много информации, и вся она

положительная. Самир доверял ему. Плюс ко всему, он владелец нескольких очень серьёзных ЧОПов. Именно его охранные предприятия предоставляют свои услуги самым влиятельным людям страны. Он сможет меня защитить. Если захочет, конечно. Нужно, чтобы захотел.

— Хорошо. Убедили. Продолжайте.

Я сложила вспотевшие ладони на живот, смочила пересохшие губы. И, не торопясь, рассказала всё, что произошло после гибели Самира. О том разговоре, подслушанном в доме Алимы. О том, что меня собираются убить. Обо всём.

Лазарев задумчиво кивал, смотрел мне прямо в глаза, отчего становилось неловко, но доверие к нему росло. Быть может, я плохо разбираюсь в людях, но этот человек точно не из плохих.

— Что ж... Ситуация у вас действительно непростая. И полиция тут вряд ли поможет. Насколько я знаю Тагира, он крепко завязан с криминалом.

— Вы знаете Тагира? — нервно смяла пальцами салфетку, Лазарев обратил внимание и на это.

— Это моя работа. Знать всех, кто меня окружает. Все эти люди меня окружают. Понимаете? — Наверное, в моих глазах он заметил сомнение, потому что тут же отреагировал. Сложив ладони на стол, посмотрел своим ястребиным взглядом. — Анастасия. Если вы хотите, чтобы я попытался вам помочь, вы должны мне доверять. Если же не готовы, тогда найдите другого спасителя.

Тряхнула головой, непроизвольно прикусила губу.

— Нет, нет! Всё нормально. Я, правда, доверяю вам, иначе не назначала бы встречу. Простите. Понимаете, я в этих делах... Ничего не понимаю. Знаю лишь, что мне и моему ребёнку грозит опасность. Помогите нам. А я... Я не останусь в долгу. Вы получите столько денег, сколько захотите.

Лазарев кисло усмехнулся, подался корпусом вперёд.

— Анастасия, об этом мы поговорим позже. Для начала решим вашу проблему. Мне нужно пару дней всё обдумать, а потом я свяжусь с вами. Пока держитесь так, как держались до этого. Не вызывайте подозрений. Сейчас не дёргайтесь, сидите смирно. В кафе вошёл ваш сопровождающий. Я сейчас исчезну, а вы сделайте вид, что зашли выпить стакан сока. До встречи.

Я растерянно моргнула, повернулась назад. И точно. За мной пришёл телохранитель, приставленный «заботливой» Алимой. Повернулась обратно, но Лазарева уже не было. Он будто испарился.

Охранник, наконец, увидел меня, медленно подошёл и встал позади, будто там и стоял. Он сам не понял, как упустил меня из виду и теперь ни за что не проговорится, испугавшись увольнения. Замечательно.

— Стакан сока, пожалуйста!

— О, ты снова уезжаешь? Тебя теперь трудно застать дома, — Алима поджидала меня в гостиной, восседая в кресле с чашкой кофе в руке. Как обычно, вся в чёрном. Приталенное, длинное платье сидело на ней весьма элегантно, но этот жуткий цвет меня убивает. Так она, видимо, показывает свою скорбь. Лживая гадина. Всем своим видом кричит, как ей больно. И страдает она одна. Я не собираюсь переубеждать её.

— Да, я снова на шоппинг, — беззаботно улыбаюсь, поправляю сарафанчик, купленный в одном из бутиков во время прошлой вылазки. Пусть думает, что я законченная дурочка, помешанная на шмотье и цацках. — Мне так тяжело... сама понимаешь. Вот и пытаюсь отвлечься, — хлопаю глазками для пущей убедительности. Какой бы хитрой и коварной она не была, я буду хитрее и коварнее. И умнее. На десять шагов впереди.

В тёмном взгляде черных глаз Алимы загорается презрение — моя цель достигнута.

— Ты умница, — а с губ, накрашенных гадкой ярко-алой помадой срывается сладкая ложь. — Сейчас для тебя самое важное — это выносить здорового малыша. Я бы поехала с тобой, но у меня много дел.

— Да не стоит, я сама, — отмахиваюсь так же дурашливо, улыбаюсь ещё шире. — У меня же есть охранник. Правда, он уже еле ноги таскает. Устал мои сумки носить.

— Удачи, — скрипит Алима и первой не выдерживает. — Я тоже пойду. Поработаю.

Не успеваю порадоваться капитуляции врага, отвлекает мобильный.

«Доброе утро, красавица. Как спалось?»

Смачиваю пересохшие губы, долго думаю над ответом. Вчера я всё время порывалась попрощаться с Анонимом окончательно и удалить аккаунт на сайте знакомств. Но что-то не позволило... Видимо, моё ужасное одиночество, заставляющее выть в подушку по ночам. Я так устала от него.

«Привет. Спалось отлично, иду на шопинг!»

Ответ приходит незамедлительно:

«Шопинг — это хорошо, но ты не ответила на моё предложение встретиться».

«Прости... Я не могу».

Прячу телефон подальше в сумочку. На сердце отчего-то появляется тяжесть. Так, словно я сейчас совершила ошибку. Но это ложное ощущение, вызванное страшным одиночеством и потребностью иметь рядом если не любимого, то хотя бы верного друга. Ошибкой же будет попытка сделать вид, что у меня всё хорошо и пойти на встречу с ним. Я не предам Самира. Не смогу.

Меня встречал полноватый, круглолицый дяденька довольно преклонного возраста, в идеально выглаженном костюме.

— Здравствуйте, Анастасия... Эээ...

— Здравствуйте, Евгений Павлович. Просто Анастасия, — я подала мужчине руку и тот крепко её пожал. Этот явно поприветливее Лазарева. Правда, и роль у него другая. Хотя и не менее важная.

— Итак, вы хотели бы поговорить о завещании, я правильно вас понял? — отодвинув мне стул, присел и сам, а официант водрузил на стол две папки меню.

— Можно сказать и так, — вернув меню обратно, улыбнулась. Я знаю здесь всё наизусть. Когда-то в этом ресторане мы ужинали с мужем... Да и ресторан, собственно, принадлежал Самiru. И сейчас принадлежит. Только уже мне. — Чай с мятой, пожалуйста. А вы чего-нибудь желаете?

— Да, мне чашку кофе, будьте так добры. Видите ли, Анастасия, я не могу говорить о завещании, пока не придёт время его огласить. Я, конечно, понимаю, что речь идёт о большом состоянии, но не могу всем желающим рассказывать то, что рассказывать по закону не имею права. К тому же, как вы уже знаете, Самир Камалович отдал распоряжение, что

завещание может быть оглашено только через полгода после его смерти. А вступит в силу и того позже. Извините.

— Подождите, что значит, всем желающим? Кто-то ещё спрашивал о завещании?

Мужчина настороженно кивнул, почему-то огляделся по сторонам.

— Мне даже угрожали.

— Кто?

Евгений Павлович нервно передёрнул плечами, почесал подбородок и, отхлебнув кофе, тихо заговорил:

— Самир Камалович оставил слишком лакомый кусок, понимаете? За годы работы юристом я чего только не повидал. Знаете, Анастасия, люди воевали и за меньшее. Родственники и друзья становились заклятыми врагами. Поэтому я не удивился, когда ко мне пожаловала сестра Самира Камаловича.

Ну, конечно. Куда же без Алимы? Этой пронырливой гадюки, желающей отобрать у меня не только жизнь и деньги, но и моего сына.

— Она хотела узнать, что и кому завещал мой муж, так? И что же вы ей на это ответили?

Мужчина почесал затылок, вздохнул полной грудью.

— Нет, Анастасия. Она хотела не знать... А подменить завещание. И, разумеется, я ответил ей отказом. Она, конечно, попыталась припугнуть меня, — нотариус усмехнулся, поправил очки, съехавшие на кончик носа, и этот жест мне почему-то показался каким-то доверительным, что ли... Этот человек сам вызывал доверие и был открыт для собеседника. Он не стал заискивать или юлить, как положено делать людям, когда они хотят уйти от ответа. И был он со мной предельно честен, что тоже очень импонировало. — Но я, знаете ли, может, и не волк, каким был наш многоуважаемый Самир Камалович. Зато стреляный заяц. Её угрозы ни к чему не привели, и вскоре девушка поняла, что я в этой большой системе лишь маааленькая, — показал двумя пальцами, едва ли касаясь ими друг друга, — шестерёнка. Крошечный винтик в огромной машине. И даже если навредить мне и вывести из строя, ничего не изменится. Потому что завещанием занимаюсь не я один. Все активы, пассивы — всё, чем владел Самир Сабуров, надёжно охраняется серьёзной системой, очень сильными людьми, которых не запугать. Я искренне уважал вашего супруга, Анастасия. Он был непростым человеком. Необыкновенным. Складу его ума и хватке позавидовали бы великие умы мира. Забота о вас и вашем благополучии — моя самая главная обязанность. Однако даже ради вас я не могу нарушить закон.

Я закивала, прикусив щеку изнутри, чтобы не разреветься, словно глупая школьница. Как же так вышло? Самир был окружён такими верными, умными людьми... И всё равно погиб.

— Я благодарю вас за честность и прямоту, Евгений Павлович. Но вы неправильно меня поняли. Я и так знаю, что Самир всё своё имущество, за исключением пары счетов, завещал мне. Думаю, это не секрет ни для кого. Именно поэтому на вас пытались надавить и принудить подменить завещание. Я пригласила вас на встречу, чтобы попросить быть моим поверенным. Я, как вы понимаете, новичок в бизнесе. И, конечно же, было бы разумным решением всё продать и сбежать отсюда подальше. И я планировала так сделать изначально, но... Знаете, я изменила своё решение. Я продолжу дела Самира.

Вот тут мне удалось его удивить. Глаза мужчины расширились почти до размера линз его очков, а губы растянулись в недоверчивой улыбке.

— Простите, Анастасия... Вы, верно, шутите? Вы, наверное, просто не понимаете, о чём идёт речь. Это не тот бизнес, управление которым сможет взять на себя (прошу заранее меня простить) хрупкая, милая девушка.

Я уверенно выдохнула, убрала руки от живота и сцепила их в замок. Картина, пожалуй, и правда, очень комичная.

— Понимаю ваши сомнения. Я сама до конца не верю в свою победу, но уверена, что хочу попробовать. И во всём этом сумасшествии поможете мне вы и ваша система. Вы очень точно выразились по поводу винтика в огромной машине... Только я не соглашусь по поводу маловажности этого винтика. Без него встанет вся машина, какой бы мощной она не была. Я предлагаю вам пост моего заместителя. Ну... Если это можно так назвать. Так что вы скажете?

Я не нервничала и не переживала. Была уверена, что он никуда не денется. Однако хорошие, доверительные отношения построить необходимо.

— Признаюсь, вы меня поразили в самое сердце, Анастасия. А ведь я уже давно ничему так не удивлялся. Это самое странное и безрассудное решение, которое мне приходилось принимать с тех пор, как я пошёл учиться на юриста. И знаете что? Я согласен.

Победа! Ещё одна маленькая, совсем незаметная победа. Но дальше победы будут больше, шире, масштабней. Я начала с маленьких винтиков и шестерёнок.

— Сколько ещё мне валяться здесь, как овощ? — процедил сквозь зубы, сжал челюсти.

Врач кинул на него равнодушный, безэмоциональный взгляд, поправил очки.

— А куда вы с такими ранами собираетесь? Вы и двух шагов не пройдёте. Я, пардон, ваши внутренности еле собрал в кучу. Постельный режим назначают не просто так. В вашем случае это жизненная необходимость.

— Доктор прав, Самир. Тебе нужно сначала очухаться, а потом уже решишь все свои дела. К тому же, появилась новая инфа. Тебе сейчас воскресать никак нельзя, — подал голос Монгол, до этого угрюмо молчавший.

Сабур перетёк злым взглядом на него, стиснул зубы от боли. Но к ней он привык за последние недели. А вот к новым испепеляющим чувствам — нет.

— Там Настя моя! Одна! В то время, как меня уже все похоронили. Ты свою женщину вот так бросил бы?

— Мы присматриваем за ней, Самир. Успокойся и постарайся поскорее выздороветь. Твоя Настя, кстати, не так беззащитна, как тебе кажется.

— Не понял? — зыркнул на врача, засадившего в вену очередную иглу. — Иди отсюда, хватит, — тот недовольно нахмурился, дело своё всё-таки закончил и поднялся.

— Медсестра пусть приглядывает. И следите, пожалуйста, чтобы Самир Камалович не поднимался. Ещё раз швы разойдутся и...

— Иди уже, поняли мы, — рыкнул на него Монгол, тяжело вздохнул.

— Что там с Настей? И почему она до сих пор не здесь? — игнорируя приказ доктора, приподнялся, привалился к изголовью кровати.

Монгол повернул стул задом наперёд, уселся.

— Что-то задумала твоя женщина. Похоже, она собирает себе союзников. Тех, с кем ты работал или как-нибудь пересекался. Активно интересуется бизнесом. Сегодня встречалась с твоим нотариусом, а вчера с Лазарем. Тот не сказал, зачем они встречались, сам знаешь

этого жука. Прессовать его пока не стали. Похоже, жена твоя решила взять его на защиту. Нотариус твой тоже не раскололся. Пожал плечами и сказал, что она интересовалась датой, когда в силу вступит завещание. В общем, пиздит он, как дышит, но я пока не стал вмешиваться. Что скажешь?

— А что за новое дерьмо, из-за которого я не могу воскреснуть?

Монгол поджал губы, достал из заднего кармана джинсов свёрнутый втрое файл.

— На твоё честное имя открыли охоту. Самир Сабуров был бы в международном розыске, если бы был жив, разумеется. Кстати, часть твоих иностранных счетов уже заморожена. Кому-то наверху очень захотелось твоих денег.

Самир быстро пробежался глазами по бумаге, отбросил её. Он не мог сказать, что сильно удивился. Было бы странно, если бы стервятники не воспользовались моментом и не попытались бы раздербанить его империю.

— Но ты не парься сейчас об этом, брат. Я с тобой. Выздоровливай для начала, а там по ходу дела разберёмся.

Самир не парился. Не о бизнесе так точно. Там как раз всё в порядке. Он думал только о ней. О солнечной девочке, которая больше не вписывалась ни в один план.

Его жизнь была разложена по полочкам, распланирована до мельчайших подробностей. Он знал, чего хочет от жизни, знал, каким будет завтрашний день. Настя ему нравилась всегда. Разумеется. Он просто не женился бы на женщине, которая не заводила, не возбуждала, не вызывала желания овладеть ею целиком. Но любовь... Нет. Он даже не верил в её существование.

Всё произошло слишком быстро. Резко. Как молния, ударившая в грудь, пронзившая сердце разрядом тысяч вольт. Он не помнил тот момент, когда влюбился в неё. Это случилось мгновенно, стремительно. За считанные секунды. И жизнь пошла не по плану.

Притаившись за дверью кабинета, нашла взглядом Алиму. Та склонилась над кипой бумаг, озадаченно наморщила лоб.

— Мы в долгах... Скоро нагрянут кредиторы, и что мы им скажем? Я думала, ты хоть немного соберёшь к концу месяца.

Её муженёк отбросил газету в сторону, прищурившись, подался вперёд.

— А я тебе говорил, как можно решить эту проблему. Но ты же упёрлась! Ребёнок, видите ли, ей нужен!

Алима отзеркалила его движение, склонилась над столом и я даже в освещении одной настольной лампы заметила, как зло заблестели её чёрные глаза. Да уж, любовью и взаимопониманием в этом доме и не пахнет. Тем лучше для меня. Было бы хуже, если бы они действовали сплочённо.

— Даже не думай об этом, Тагир. Пока она не родит — нет. Потом хоть в порошок её сотри. Мне плевать на эту суку.

— Я понял, — ему явно не нравится приказной тон супруги, но поделаться с этим он ничего не может. Видимо, Алима крепко держит его за яйца. Про себя усмехнулась. А я становлюсь стервой. Злой и беспринципной. Но в этом мире, среди этих людей по-другому не выжить.

— У этой суки уже хахаль завёлся, представляешь? — шипит вполголоса, комкает какую-то бумагу и швыряет её в корзину. Я фиксирую в памяти каждое её движение, запоминаю каждое слово, стараясь не принимать близко к сердцу оскорбительные слова. Я должна оставаться хладнокровной и здравомыслящей, хоть это и не просто. — Переписывается с ним и улыбается! Дрянь такая...

Она следит за мной даже дома — это не секрет. И это хорошо. Пусть лучше думает, что я бегаю развлекаться. Аноним мне в этом поможет своими сообщениями.

— Что это меняет? — Тагир отвечает угрюмо, зло даже.

— Как что? Самир совсем недавно... Ушёл. А эта уже к любовнику на свидания бегаёт! Она от охранника ускользает, чтобы встретиться с ним. Как гадко!

Я чувствую физически, как меня обволакивает её ядом и пропитывает им. Алиме, правда, тоже стоит посочувствовать. Очень непросто играть в дружбу и преданность, когда на самом деле её испепеляет желание перегрызть мне глотку.

— Я устал слушать о твоём братце, — Тагир ставит на стол стакан из-под виски, поднимается на ноги. — Идём спать.

— Проверь, уложила ли нянька детей. Я задержусь.

— Снова будешь рыдать над его фотографией?

— Возможно. В любом случае, тебя это не касается, — она отвечает ему едко, с гадкой ухмылочкой. Будто дразнит. Вижу, как Тагира передёргивает, широкие плечи расправляются, и загорается взгляд, стоит ей поднять на него глаза.

— Тебе не кажется, что это уже перебор? А если увидит кто? Если увидят наши дети? Со мной и так никто не хочет иметь дел, потому что ты везде суёшь свой нос. А этот позор поставит точку на моём бизнесе.

— Достаточно, Тагир! — рычит на него стерва и вскакивает со стула. Уперевшись руками в столешницу, смотрит ему в глаза. — Ты прекрасно знаешь, почему мой отец и его

партнёры тебе не доверяют! Ты связан с криминалом. Иди и реши проблему с кредиторами. Покажи всем, какой ты мужик.

— Что говоришь? Показать тебе мужика? — он не спеша обходит стол, приближается к Алиме. Трудно не заметить, как она сжимается, словно боится его, хоть и вздёргивает подбородок. Только это не страх. Это отвращение. Мне посчастливилось стать женой того, кого я полюбила практически сразу. А вот Алиме нет. Мне страшно представить, что чувствует женщина, которая вынуждена спать с нелюбимым. Тем более таким страшным, как Тагир. — Давай я покажу тебе! — он резко хватает её за предплечье, отрывает от стула и бросает на стол, тут же придавливая рукой её голову. Алима дёргается, шипит как змея.

— Отпусти!

— Почему нет, жена? — Тагир встаёт позади, задирает её юбку и расстёгивает свои брюки. Я прилипаю к стене, не смотрю. Мерзко. — Разве это не твоя обязанность — удовлетворять и радовать своего мужа?

— Отпусти, иначе пожалеешь! — по звуку пощёчины понимаю, что ей удалось вырваться.

Слышу раздражённое рычание Тагира.

— Мы не спим вместе уже несколько месяцев! Я мужчина, и мне нужна ласка, Алима!

— Так иди к своим любовницам, — отвечает та, чем-то звенит. — Уходи, я занята.

Я исчезаю так же бесшумно, как и появилась, и через минуту уже сижу в своей комнате, поедая шоколадные конфеты, смотрю телевизор. Беззаботно, с глупой улыбкой на лице. Вернее, так я только выгляжу. На самом же деле мой мозг не прекращает бурную деятельность даже во сне. Я всё время представляю, как бы отреагировал на ту или иную ситуацию Самир, и стараюсь действовать, как действовал бы он. Холодно, трезво, отмечая любые мешающие эмоции. И лишь ночью, когда тяжёлые раздумья не дают уснуть, я тихо плачу в подушку, изливаю свою боль, чтобы утром снова нацепить фальшивую маску дурочки.

Дверь в мою комнату открыта специально, я жду, пока мимо будет проходить Тагир. Услышав его шаги, поднимаюсь с постели и, встав спиной к выходу, расправляю невидимые складки на шелковом халатике. Да, это отвратительно, и Самир меня за подобное убил бы, но на войне все средства хороши.

Шаги стихают. Да, я попала прямо в яблочко. Несмотря на мой внушительный живот, синяки под глазами и уставший вид, я всё ещё красива. Для такого как Тагир — даже слишком.

— Добрый вечер, — он бесцеремонно входит в мою комнату, и я дёргаюсь. Мы не часто говорим и практически не пересекаемся, так что испуг мне изображать не приходится, я, и правда, напугана таким резким вторжением в моё личное пространство.

— Здравствуйте, Тагир...

— Просто Тагир.

О, как! Сразу быка за рога? Я даже на мгновение засомневалась, правильно ли поступаю. Он очень опасный мужчина.

— Мм... Тагир, — хлопаю ресницами, улыбаюсь. Ну чисто дура.

Он спохватывается, опустив взгляд на мой живот.

— Я услышал какой-то шум. Подумал, что нужна помощь.

О, да. Охотно верю. Он с удовольствием меня придушил бы, чтобы поскорее захватить наследство, да хозяйка не велела, выпороть обещала. Я, кстати, до сих пор так и не поняла,

что заставляет такого жуткого зверя как Тагир прогибаться под не особо умную Алиму.

— Ой, простите! Это я двигала кресло...

Перетекает взглядом на то самое кресло, выгибает бровь.

— Зачем?

— Да просто так... Чтобы удобнее телевизор смотреть.

До чего же бессмысленный разговор. Ну кто так с девушками заигрывает?

— Аа... — задумывается. — В твоём положении опасно. В следующий раз зови кого-нибудь из охраны. Или меня.

Уже лучше, Казанова. Но всё равно не то.

— Спасибо вам большое, — премило улыбаюсь, чувствуя, как сводит скулы.

— Ладно. Спокойной ночи, — так и не осознав, зачем пришёл, он отворачивается к двери.

— Спокойной ночи, Тагир, — лопочу ему вслед и тут же добавляю: — Надеюсь, я не доставляю вам хлопот? Алима очень добра ко мне, и мне так жаль наблюдать, как сильно она страдает... И вы тоже, — если бы мои слова можно было сравнить с физическим ударом, то это была бы сильная подача прямо в коленную чашечку.

Тагир застывает в дверном проёме, мужские плечи напрягаются.

— Нет, вы не подумайте, я ни в коем случае не лезу в ваши отношения, но прошу вас, не обижайтесь на Алиму. Она просто раздавлена горем и потому не уделяет семье внимания. Ох, что я говорю... Я не то хотела сказать... На самом деле она очень любит вас. Но ей нужно время, чтобы отойти от потери брата, — Тагир резко поворачивается, щурит тёмные глаза. — Да и как такого как вы не любить. Вы же настоящий мужчина. Дайте ей время, и всё наладится. У нас всех.

Он плотно поджимает губы, отрывисто кивает и быстро уходит. Я же не сдерживаю торжествующую улыбку. Всё идёт по плану.

— Доброе утро! — бодро приветствую Тагира, а тот отрывает угрюмый взгляд от газеты, плавно перетекает им на меня. Он за столом один, и я этому рада. Не придётся играть ещё и для Алимы. Да и с её супругом нам теперь лучше почаще видаться наедине.

— Доброе, — отвечает, снова впериваясь в газету.

Я сажусь за стол, улыбаюсь домработнице, которая ставит передо мной тарелку с яичницей.

— А Алима...

— Её нет! — отвечает поспешно и немного раздражённо. — Уехала к отцу, — добавляет уже более спокойно и отпивает кофе из белой чашки.

— А...

— Детей тоже с собой забрала.

— Что ж, ясно. Приятного аппетита вам, Тагир, — говорю мягко, немного обиженно. Он опускает газету, сканирует меня своим колючим взглядом.

Я намазываю хрустящий тост джемом, откусываю. Специально пачкаю губы и слизываю остатки клубники языком. На Тагира не смотрю, но знаю, что он следит за каждым моим движением. Я не сильна в соблазнении, однако, кое-что умею. Несколько раз испытывала женский дар привлекать внимание на Самире. И он реагировал. Смею предположить, что всё-таки владею мастерством кружить головы. Оно пока не отточено, но это даже хорошо.

Мужчины любят невинность.

— Тебе тоже, — отвечает не сразу, спустя какое-то время. А голос осипший, хрипловатый. Я слышу и его дыхание. Оно участилось. И это хороший знак. Правда, мне немного страшно. Что, если не справлюсь? Не смогу довести начатое до конца? Или что-то пойдёт не так? Я сейчас ведь рискую не только своей жизнью, но и жизнью моего малыша.

Однако ради малыша всё это я и затеяла. Не хочу его потерять, не хочу скитаться с ним и прятаться. Мой сын — Сабуров! Его отец был сильным человеком, и он будет таким же. И я должна быть несокрушимой. Хоть и хочется иногда заплакать и спрятаться от всего мира где-нибудь подальше. Но такую роскошь я себе позволить не могу. Потому и пружинаю. Боюсь, рыдаю по ночам в подушку, но просыпаюсь утром и иду дальше.

Ловлю на себе заинтересованный взгляд Тагира, внутренне вся сжимаюсь, а внешне остаюсь спокойной. Заправляю за ухо локон, тянусь за соком.

А Тагир вдруг вскакивает, откашливается.

— Хорошего дня тебе, Анастасия, — и поспешно уходит, будто бежит. Быстро же его скосило.

— И вам, Тагир! — бросаю ему вдогонку и отнюдь не эротично заталкиваю в рот внушительный кусок. Попался!

«Привет, красавица. Как дела?»

Тепло улыбаюсь входящему сообщению, быстро набиваю ответ:

«С чего ты взял, что я красавица?»

«Уверен в этом. А это не так?»

«Нет. Я кривая, косая и вообще похожа на лягушку», — дурачусь. Иногда я вспоминаю, как рано пришлось повзрослеть, и начинаю скучать по беззаботной жизни.

«Это неправда. Но ты можешь попытаться меня убедить. Пришли своё фото».

А вот это приём нечестный. Нельзя так. Мы с Анонимом живём в параллельном мире, так и должно остаться. Никаких отношений, никакого реала.

«Извини».

«Ну же. Давай. Я хочу тебя увидеть. А я буду твоим должником. Выполню любое желание принцессы».

Принцесса... Меня уже давно не называли так нежно и ласково. Пожалуй, один Самир и называл.

«Всё, о чём бы я ни попросила?» — кусая губы, задумываюсь. А ведь Аноним не зря появился в моей жизни в такой трудный период. Быть может, у него тоже имеется какая-то роль. Вряд ли моя фотография как-то навредит. Я обычная девушка, ничем не примечательная. По телевизору ни разу не светила, отказалась говорить с прессой даже после гибели Самира. А с другом (пусть даже невидимым) лучше поддерживать отношения.

Быстро делаю селфи, щёлкает камера, и фото мгновенно отправляется ему.

Тишина. Почему-то нервно смеюсь, жду.

«Я же говорил — красotka».

«С тебя желание!»

«Помню. Говори».

«Я пока не придумала».

«Я буду ждать».

Ещё долго треплемся ни о чём, а я на это время забываю, какой ужасной и напряженной стала моя жизнь. Наслаждаюсь общением с другом, рассказываю ему сюжет сериала, который смотрю по вечерам, когда на душе становится особенно паршиво.

«Спасибо тебе».

«За что?»

«За то, что слушаешь меня. Мне сейчас это очень нужно».

«Обращайся, красотка».

Тагир возвращается к ужину. Быстро заходит в столовую, но, увидев меня, притормаживает.

— Добрый вечер, — улыбаюсь всё той же искусственно-кукольной улыбкой. — Поужинаете?

Он плотно сжимает челюсти, кажется, я даже слышу их хруст. Но за стол садится.

— Алима с детьми остались у отца.

Что ж, мне это только на руку.

— Очень жаль... Ну, тогда я о вас позабочусь, — беру щипцы и ложку, накладываю на его тарелку пасту. — Попробуйте, это очень вкусно. Ваш повар сегодня превзошёл сам себя.

Он молча принимается за еду, старается на меня не смотреть. Избегает. И это тоже неплохо. Значит, я действую на него как надо.

— Вина хотите? — и, не дождавшись его ответа, наполняю бокал. — За замечательный вечер, — поднимаю свой стакан с соком. Тагир вскидывает на меня какой-то странный взгляд, хватает бокал и осушает его залпом, будто пытается погасить пожар.

— Налей ещё, — откидывается на спинку стула, требовательно смотрит на меня. В его зрачках вижу загорающийся интерес. Вряд ли это алкоголь.

Домработница забирает пустые тарелки и, коснувшись его бокала, вздрагивает — он накрывает её руку своей, отрывает от меня взгляд.

— Я ещё выпью, — он говорит негромко, но женщина отчего-то вздрагивает, опускает глаза вниз, словно боится посмотреть на него. Краснеет. Смущается? Она не молода, но и не пожилая. Не модельной внешности, но вполне симпатичная. Обычная. На неё, кроме меня, в этом доме никто не обращает внимания. Так я и думала. Однако брошенный на неё взгляд Тагира мне показался странным.

Я наливаю ему вина, сама прячусь за стаканом с соком. Отчего-то хочется смалодушничать и сбежать. Закрыться в своей комнате и написать Анониму. Спрятаться от собственных страхов, погрузившись в виртуальный мир, где меня всегда ждёт он — мой друг.

— Почему ты вышла замуж за Самира? — вдруг нарушает повисшую в столовой тишину Тагир, с любопытством разглядывает моё лицо. — Такая красивая девушка и вышла за бандита. Почему? Ради денег?

Ого... Прямолинейный какой. И отвечать мне совсем не хочется. Я знаю, как сильно Тагир ненавидит Самира. Даже сейчас, когда последнего нет. Обсуждать своего любимого с этим человеком считаю чем-то вроде предательства.

— Нет. Мой отец... Муж с моим отцом договорились о свадьбе задолго до того, как я познакомилась с Самиром.

— А, так это был брак по договорённости?

— Да, — смотреть на него больше не могу. Поднимаюсь. — Извините, я пойду. Устала. Спокойной ночи, Тагир.

Он молча кивает, снова берётся за бокал, а я спешу в своё убежище. Подальше от этого страшного человека.

Ночью просыпаюсь от какого-то шума и вскидываюсь, едва не падая с кровати. Теперь я сплю очень чутко и слышу каждый шорох. И любой звук доводит меня до паники. Часто мне снится, что Алима пришла вырезать из меня ребёнка, и я вскакиваю в холодном поту, а звук открываемой двери оказывается лишь игрой моего воображения.

Но в этот раз всё не так. Слишком реально. Я опускаю ноги на пол, тихонько крадусь к двери и, приоткрыв её, осторожно выглядываю наружу. Шум исходит из спальни Алимы и Тагира, и я не сразу понимаю, что это стоны. Женские стоны. Но за всё время я ни разу не слышала, чтобы Алима стонала. Да и, насколько я знаю, сексом они не занимаются уже давно.

Дверь в их спальню немного приоткрыта, что позволяет мне подойти ближе и в щёлочку разглядеть, что там происходит. Застыв с открытым ртом, вижу домработницу, что скачет на члене хозяина дома, при этом трогает себя за грудь и громко всхлипывает. Нечаянно отступаю и, чтобы не упасть, хватаюсь за ручку двери. Поднимаю испуганный взгляд на Тагира и, встретившись с ним взглядом, быстро отступаю назад...

Сегодня я уже не уверена в том, что поступаю правильно. Да, мне нужен сообщник из окружения Алимы. Но Тагир... Он слишком опасный. Тот взгляд, которым он наградил меня ночью, пока домработница стонала и раскачивалась на нём... Этот взгляд меня испугал. Он будто предупреждал меня. Я ощущала эту опасность физически. Как тянет она ко мне свои липкие, мерзкие щупальца.

«Ты когда-нибудь делал то, в чём не уверен? Когда не знаешь, стоит ли это делать на самом деле?»

«Ты говоришь загадками. Можно попроще?»

«Я хочу кое-что сделать. Это опасно. Но мне нужно это сделать».

«Какая опасность? Где ты сейчас?»

Улыбаюсь тому, как аноним заботится и переживает. А ведь он меня совсем не знает.

«Это я в общем. Играю с опасными людьми. Моя жизнь такова, что нужно бороться, понимаешь? И я не знаю, что мне делать дальше».

«Думаю, тебе нужно довериться своей интуиции. И если она кричит тебе об опасности, ты должна прекратить всё, что бы ты ни делала. Расскажи мне о своих проблемах».

«Ты, правда, хочешь знать о моих проблемах?»

«Да», — короткое и лаконичное. Странно, но Аноним напоминает мне Самира. Тот тоже всегда мыслил холодно и трезво. Никогда не попадался на эмоции. Кроме одного единственного раза. И он стал последним...

Я вкратце рассказываю ему свою историю, отправляю сообщение за сообщением. Он терпеливо «слушает», не перебивая. А затем молчит. Долго. Мучительно как-то. Я от нетерпения кусаю губы и хожу из одного угла комнаты в другой. Вдруг и он меня оставит, узнав, с кем связался? Зачем ему всё это?

Но Аноним снова меня удивляет.

«Ты не должна ничего бояться. Я всегда рядом».

«Спасибо».

Мне вдруг становится легче. Да, я, конечно, понимаю, что Аноним всего лишь поддерживает меня. Но это придаёт сил и вселяет надежду.

«Нет, Настя, ты меня не поняла. Я всегда рядом. Никто не причинит тебе вред. Ни Алима, ни Тагир, ни кто-нибудь другой. Я вырву печень любому, кто посмеет протянуть к тебе руки. Поняла меня?»

Меня бросает в жар и холод одновременно, а сердце болезненно сжимается. Виски охватывает пульсацией, и шум в ушах не даёт сосредоточиться на единственно важной мысли.

«Кто ты?!»

«Я твой друг, Настя».

— Нет... — шепчу, глядя на телефон, отбрасываю его на кровать. — Ты не друг. Вовсе не друг.

Одеваюсь впопыхах. Впрыгиваю в первый попавшийся комбинезон и медленно подхожу к кровати. Будто заметив меня, телефон вдруг взрывается трелью, а на экране появляется надпись «Скрытый номер».

Прикладываю динамик к уху, хрипло отвечаю.

— Здравствуй, Настя, — всхлип застревает где-то в горле, потому что я слышу голос Самира. Закрыв рот рукой, мычу что-то неразборчивое, мотаю головой. — Поговори со мной. Пожалуйста. Девочка...

— Кем бы ты ни был... Больше не звони мне. Никогда. И не пиши.

— Настя...

— Не смей, слышишь?! — срываюсь на крик, а в горле начинает саднить от боли. — Не смей! Не смей притворяться Самиром! Я не знаю, кто ты и знать не хочу! — трусливо нажимаю на кнопку отбоя и отключаю мобильный. Вытаскиваю из него сим-карту, ломаю её на две равные половинки. — Враньё! Ложь!

С домработницей сталкиваемся в столовой. Она накрывает на стол, а я, встретившись с ней взглядом, опускаю глаза.

— Доброе утро. Сегодня только вы дома завтракаете.

А вот это хорошо. Не хотелось бы сейчас видеть никого из жуткой семейки Алимы. Меня всё ещё колотит и зверски тошнит. В голове звучит его голос, а там, за грудной клеткой так больно, что не хватает воздуха.

Я знаю, что со мной играют, пытаются свести с ума. Знаю, что они не остановятся ни перед чем. Для этих извергов нет ничего святого. И я должна быть сильной. Должна собраться с духом и идти дальше. Ради моего сына должна собраться, ради Самира!

— Спасибо, — сажусь за стол. Почему-то кажется, что от домработницы пахнет парфюмом Тагира, и я пытаюсь отвлечься на это.

— Хотите чего-нибудь другого?

— Нет, спасибо. Омлет меня полностью устраивает.

Облегчённо выдыхаю, когда она удаляется. Какой бы ни была Алима, измена — гадко. Эта женщина легла в чужую постель, с чужим мужчиной. Спала с ним, трогала его... А потом будет этими же руками подавать еду Алиме и её детям. Отвратительно. И хоть я простила Самира за его измены, но ту раздирающую боль помню до сих пор. Никто

подобного не заслуживает.

А Самир... Мой Самир. Я слышала его голос так отчётливо, будто это, и правда, был он. Вот только я видела его тело. Видела своими глазами, как его убили. Меня путают, играют, сводят с ума. Но они глубоко заблуждаются, если думают, что смогут меня сломить. Я — Анастасия Сабурова. Мой муж передал мне не только свои материальные богатства. Он передал мне свою силу и непоколебимость. Никто не сможет меня победить. Никогда.

У торгового центра меня встречает мужчина в чёрном костюме, и я невольно ежусь от его ястребиного взгляда. На улице адская жара, а он в костюме, ну не странно?

— Здравствуйте, Анастасия, — кивает мне мужчина, приоткрывая дверь иномарки. — Захар Дмитриевич вас ожидает.

— Здравствуйте. А почему Захар Дмитриевич не приехал сюда? — но охранник молчит, а я вспоминаю слова Лазарева: «Вы должны мне доверять. Если не готовы, тогда найдите другого спасителя». И тут же голос Захара в моей голове заглушает Самир: «Настя...»

Тру виски, пытаюсь избавиться от наваждения. Нельзя. Нельзя поддаваться и расклеиваться. Только не сейчас.

— Поехали, — сажусь в машину, дверь захлопывается.

Лазарев встречает меня в своём особняке. Почтительно открывает дверь, подаёт руку.

— Проходите, Анастасия. Я рад принимать вас у себя в гостях, — сегодня он более вежливый, и я неуверенно улыбаюсь. Привычка не доверять всем вокруг, кажется, уже пустила во мне корни. Как второй характер выработался. — Вы выглядите напуганной. В этом мой телохранитель виновен?

— Нет. Сегодня случилось нечто... В общем, один человек позвонил мне и представился Самиром, — голос срывается, но я упрямо глотаю рвущуюся наружу истерику. — Я слышала голос мужа так отчётливо, будто это, в самом деле, он.

Захар кладёт мне на плечо свою теплую руку, сжимает.

— Анастасия, вам лгут. Пытаются выбить вас из колеи. Раз уж вы ввязались в эту игру, должны быть готовой ко всему. Они будут бить по самому больному. Ваш муж, ваш ребёнок. Всё, что дорого вам, станет мишенью. Не хотите этого? Тогда продайте бизнес и уезжайте. Вас оставят в покое только в этом случае.

Сажусь в предложенное кресло, с благодарной улыбкой принимаю стакан с водой.

— Нет, Захар Дмитриевич. Я не оставлю дело Самира.

Он присаживается напротив, складывает руки на подлокотники кресла.

— Но тогда вы должны понимать, что будет нелегко. Ваш супруг... У его бизнеса две стороны. С одной — чистая, абсолютно прозрачная корпорация. Никаких долгов перед налоговой, благотворительность, обустройство города. Но вторая сторона... Там очень много подводных камней. Там криминал. Только криминал не уровня Тагира. Там всё настолько серьёзно, что не каждый мужчина потянет. Понимаете меня?

Я понимала. Да. Я знала, кем был Самир. И что может произойти со мной, если всё же проиграю. Но я также знала, что случится со мной и сыном, если сдамся. Поправив пиджак, прижала руки к животу, снова сердце окатило болью. Я не имею права пасовать.

— Мой муж был непростым человеком. Я догадывалась о том, что всё гораздо... серьёзнее, чем кажется со стороны. Евгений Павлович скоро приедет?

— Да... Я хотел предупредить вас, что он немного опоздает, — нотариус с усмешкой

развёл руками. — Но у вас был выключен телефон.

— Ах, да... После того звонка я сломала сим-карту.

— Это не проблема. Я оформлю для вас новый номер. Расскажите мне о том звонке. Что говорил тот человек, представившийся Самиром?

Закрыв глаза, горько усмехнулась. Я его другом считала. А он оказался одним из них. Я столько рассказывала о себе, делилась своей болью... А он оказался врагом.

— Я общалась с этим человеком. Мы переписывались с ним... На сайте знакомств, — тут заметила, как поползла вверх бровь Лазарева. — Вы не подумайте, мы просто общались. Это сложно объяснить.

— Я понимаю. Продолжайте. Как давно вы с ним переписывались?

— Ещё с тех пор, как был жив Самир.

— Вы знаете его имя? Что этот человек рассказывал о себе?

А я вдруг поняла, что ничего о нём не знаю. Трепалась о себе всегда я. И он говорил только обо мне. Ох...

— Его ник — Аноним. Больше я ничего не знаю. Он не называл своего имени, и фото нет.

Лазарев вздохнул, покачал головой. Потянулся к столу и, налив мне ещё воды, наполнил свой бокал коньяком.

— Я установил слежку за Тагиром и его супругой. Так же мои люди следят за их домом. Но я ещё кое-что обнаружил.

— И что же?

— За вами наблюдают, Анастасия. И это не охранники Алимы. Их слишком много, и эти люди везде. Я увёз вас сюда, чтобы оторваться от них хотя бы на время и поговорить без лишних ушей. Детектор на прослушку у двери не сработал, значит, на вас нет жучков и прочей нечисти.

По телу прошла дрожь, по спине скатилась капелька холодного пота. Так значит, я всё это время опасалась не тех? Алима — не самый страшный враг? Да за что же мне всё это?!

— Но кто они? Кто эти люди? Кто их послал за мной следить?

— Я не знаю, Анастасия. Мне потребуется время, чтобы это узнать. А пока вы будете под наблюдением у моих людей. И нам нужно вас обезопасить как можно скорее. Я нашёл выход, — его лицо приобрело уверенное выражение, а я почему-то подумала, что его предложение мне не понравится.

Дверь вдруг распахнулась, прерывая слишком тяжёлую тишину. Я сглотнула, перевела взгляд на вошедшего нотариуса. Тот в своей излюбленной манере поправил очки, поприветствовал меня кивком головы.

— Приветствую вас.

— Евгений Павлович! Рад, что вы, наконец, посетили нас. А мы тут с Анастасией решаем вопрос её безопасности. Присаживайтесь, поучаствуйте, — Лазарев приподнялся, пожал предложенную руку. — Выпьете?

— Здравствуйте, Евгений Павлович, — я глотнула воды, чтобы смочить пересохшее горло и снова повернулась к Лазареву. — Так что же вы хотите мне предложить? — протянула настороженно.

Он почесал волевой подбородок, пригубил коньяк и поставил бокал на стол. Вздохнув, не спеша наполнил ещё один стакан, подал его нотариусу.

— Видите ли, Анастасия, дело серьёзное, вы сами это понимаете. И для вашей защиты

мне нужно, чтобы вы круглосуточно находились рядом. Иначе никак. Да, мои люди за вами наблюдают, но этого недостаточно. В любой момент у вас могут начаться преждевременные роды, или ваши враги решат использовать вас и вашего ребёнка в своей игре. Вас могут похитить или навредить вам. Понимаете меня? После того, как завещание вступит в силу, вы окажетесь под прицелом.

Разумеется. В этом не было никаких сомнений. Сейчас все стервятники соберутся вокруг меня, чтобы вонзить в моё горло свои когти.

— Я это знаю. Что вы предлагаете?

— Мы с Евгением Павловичем посовещались и решили похитить вас первыми, — заключил с победной улыбкой, а нотариус кивнул в подтверждение его слов.

— Что это значит? Похитить? Как это?

— Не волнуйтесь, Анастасия, — тут подал голос Евгений Павлович, сжав мои похолодевшие пальцы своей пухлой рукой. — Мы всё тщательно продумали, и никаких форс-мажоров возникнуть не должно. На несколько месяцев вы исчезнете из поля зрения всех, кто может вам навредить. За это время я поднатаскаю вас в делах, помогу освоиться. Вы родите ребёнка. А потом, спустя время, когда завещание вступит в силу, вы объявитесь для того, чтобы возглавить корпорацию Сабурова. Только будете уже не одна. Вам нужен влиятельный супруг, с которым в нашем мире считаются и которого боятся. Он у вас будет, — нотариус указал глазами на Лазарева. Тот взглянул на меня.

— Не беспокойтесь. Брак будет фиктивным. Когда охота за сокровищами закончится, мы с вами разведемся. Вы получите бизнес Самира Камаловича, а я достойную оплату за свои услуги. Идёт?

Скрестив руки на груди, я медленно выдохнула. Никаких эмоций сейчас. Соберись же!

И хоть я понимала, что они правы, и это действительно выход, сердце отчего-то болезненно ныло и плакало. Оно не хотело предавать Самира. Его память, нашу недолгую, раненную любовь...

— Я не знаю. Это очень серьёзное решение. Я должна подумать.

Мужчины закивали, соглашаясь, а я вгляделась в их лица. Ни один, ни другой не вызывают сомнений или недоверия. Да и в случае, если я на самом деле соглашусь на эту сделку, можно грамотно составить брачный контракт, который защитит меня от любых афер. Однако голос Самира в голове твердил не торопиться. А Самиру я привыкла доверять.

На террасе дул теплый летний ветерок, где-то в саду пели птицы. Я вертела в руках телефон с новой сим-картой и обдумывала предложение Лазарева. С одной стороны, всё казалось логичным и правильным. Мне не справиться без помощи влиятельных людей. Один, как известно, в поле не воин. Тем более, когда этот один — беременная, одинокая женщина, окружённая врагами, будто стаей волков.

Но с другой... Мне казалось, что Самир этого не одобрил бы. Да что я говорю? Он убил бы меня за предательство.

Прячась от неприятных мыслей, зашла в приложение сайта знакомств, открыла анкету Анонима. Он в сети... Наверное, ждёт меня. Ждёт, чтобы снова обмануть, запутать. Посмеяться надо мной. Смешно сказать, я по нему скучаю. Ведь я думала, что у меня есть друг. А оказалось, доверять нельзя никому.

«Ты здесь. Давай поговорим. Мне нужно объясниться», — на экране всплыло его сообщение, но я нажала на крестик и вышла из приложения. Достаточно. Больше никто никогда не будет мной манипулировать. Отправив само приложение в корзину, покончила с душевными терзаниями. Я больше не маленькая, доверчивая Настя. Я жена Самира Сабурова. Мать его ребёнка. А в будущем владелица его империи.

— Захар Дмитриевич? Я согласна.

— Что ж, это правильное решение, Анастасия. Я рад, что даже в такой сложной ситуации вы мыслите здраво, — рядом с Лазаревым послышался женский шёпот, и мужчина что-то коротко ответил.

Это хорошо, что у него есть женщина. Никаких посягательств с его стороны, просто бизнес. Он помогает мне, я оплачиваю его услуги. Всё правильно.

— Спасибо вам. За всё. Доброй ночи.

Позади послышался какой-то шум, и я поспешила отложить телефон. Ни к чему хозяевам этого дома знать о моих планах. Сумасшедшая Алима может всё испортить, хоть теперь, зная о существовании более сильных врагов, её я боюсь гораздо меньше.

— Добрый вечер, — послышался голос Тагира, и я вздрогнула. Не вовремя я затеяла эту игру. Совсем не вовремя.

— Добрый, — хотела было встать, но громадная рука легла на моё плечо, надавила, принуждая остаться в прежнем положении.

— Сиди.

Он ввалился в соседнее кресло, широко расставив ноги, и уставился на меня. Еле уловимый запах алкоголя заставил напрячься.

— Как прошёл ваш день? — спросила, разумеется, не ради любопытства. Просто выносить его присутствие и так тяжело, а в тишине — так и вовсе.

— Замечательно. А твой?

— Я...

— Настя, тебе понравилось то, что ты видела в моей комнате ночью? — прямо в лоб, да так, что я дышать перестала от испуга.

— Это... Это меня не касается, — опустив глаза на свои руки, мысленно взмолилась, чтобы он ушёл. Оказывается, играть в такие игры непросто. Одно дело привлечь к себе внимание, совсем другое — выдержать его. Мне бы только продержаться до того времени,

пока Лазарев всё подготовит и поможет мне скрыться.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Алима не должна ни о чём знать.

— Разумеется, — заставила себя ободряюще улыбнуться, на что Тагир ответил своей улыбкой. Такой злой и страшной, что по телу дрожью прошёл ужас.

— Вот и замечательно. И ещё... — он наклонился вперёд, чтобы поймать мой взгляд. — Никогда больше не играй со мной. Я терплю тебя только из-за Алимы. Она хотела, чтобы ты осталась у нас на время.

— Я поняла... — как наивно полагать, что смогу тягаться с таким бесчувственным животным, как этот Тагир. Хотела запутать их, а запуталась сама. Ещё одно доказательство того, что я не готова сражаться одна. Мне не выстоять даже против Алимы.

Дверь за Тагиром захлопнулась, а я укуталась в плед и закрыла глаза. Как же сложно, оказалось, жить без Самира. Когда-то он был моим кошмаром, и я теряла сознание, стоило лишь подумать о том, что он станет моим мужем. А теперь... Теперь я не могу справиться без него.

— Нахрена ты это сделал, а? А если она кому-нибудь расскажет? Тебе нельзя сейчас воскресать, Самир, — Илья наградил его укоризненным взглядом. — Кто-то крепко взял тебя за яйца. Причём шакалы сидят слишком высоко. Даже я не смог их достать. Твою жену мы охраняем. Для неё нашу клинику оборудовали, лучших гинекологов туда притащили. Утомонись и жди. Потребовалось время, чтобы подмять всех работников твоей сестрицы под нас, но теперь всё нормально. За ней тщательно смотрят. Дождёмся срока и увезём.

Сабуров раздражённо оттолкнул от себя врача, что метил иглой в вену.

— Я хотел возместить себе всё, что недополучил от родителей, подарив это своим детям. Хотел быть хорошим отцом. А сейчас даже не вижу, как он растёт под сердцем матери.

— Ты увидишь, когда он родится. Обещаю, брат.

— Я оставил их в самое сложное время. Пока я здесь отлёживаюсь, она там одна.

— Она не одна.

— Она без меня! — рявкнул так, что врач попятился к двери. Холодным спокойствием Самир больше не мог похвастаться. — А я не могу ходить. Не могу защитить их! Валяюсь здесь, как гребаное бревно!

— Ну что, опять разбушевался? — в комнату вошёл Монгол, пропустил к двери врача. — Опять доктора обижаешь? Я бы на его месте тебе уже галоперидола кубиков десять всадил.

Илья поднялся со стула, сунул руки в карманы брюк.

— Ноги твои скоро бегать будут. А жена родит. И снова будете вместе. Пока потерпи. Так нужно. Если «оживёшь» сейчас, на тебя всех собак повесят. Нам это не нужно. И не забывай, кто мы. Мы твои друзья. Мы не позволим обидеть твою женщину, Самир.

Он знал, что Настя в безопасности. Но не знала этого она. И это всё меняет.

— Никаких сроков. Привезите её ко мне. Сегодня. Сейчас.

Осторожно выглянула из комнаты — вроде никого. Не слышно шума, и на первом этаже, как обычно бывает по утрам. Видимо, Алимы до сих пор нет дома, а Тагир уже ушёл.

Я спустилась вниз, зашла в столовую. Завтрак накрыт на одну персону.

— Приятного аппетита, Анастасия, — домработница вежливо улыбнулась, а меня снова затошнило. Никак не забыть мне их с Тагиром развлечения.

— Спасибо. Вы можете идти, Дия, — есть в её присутствии не хотелось. Как и видеть эту женщину.

Завтрак казался пресным и невкусным, а мысли в голове устроили хаос. Всю ночь я раздумывала над тем, правильно ли поступила, когда, испугавшись Тагира, поспешно согласилась на предложение «руки и сердца» Лазарева. Снова изучала бумаги, которые удалось сфотографировать в кабинете Самира. Лазарев был не последним человеком в этой пирамиде из загадочных лиц и неизвестных мне, но оттого не менее значимых фамилий. И оплату за свои труды получал более чем достойную. К тому же, Самир ему доверял даже свой дом. Наши охранники работали в конторах Лазарева.

В итоге я пришла к выводу, что лучше довериться Захару, нежели плыть по течению и ждать, пока Алима с Тагиром решат меня прикончить.

Услышав приглушённый говор, доносящийся из кухни, я отложила вилку, тихо поднялась со стула. В этом доме всегда нужно быть начеку, а потому я очень внимательна. Пару раз моя настороженность сыграла мне на руку. А то так бы и жила в счастливом неведении, что меня хотят убить, а моего ребёнка использовать, как наследника империи Сабурова.

Подошла к приоткрытой двери, прислушалась. Дильноза с кем-то говорила по телефону, и я уже собиралась, было, уйти, но услышала нечто, что мгновенно сковало тело напряжением:

— Она сейчас ест. Хорошо. Как только закончит, я выведу её на улицу.

Что? Это она обо мне? Зачем она выведет меня на улицу? По телу прошёл озноб.

— А что мне ей сказать? — замолчала, выслушивая собеседника. — Но... Да, я поняла. Под любым предлогом посадить её в машину. Не пугать. Всё ясно. Я попрошу её съездить со мной в город.

Стук моего сердца, казалось, слышала даже она. Это Тагир... Это он приказал меня убить! Решил воспользоваться тем, что Алимы сейчас нет, и... Ведь я теперь знаю его тайну. Видела их с Дилей... И если я расскажу Алиме, она уничтожит его.

А что, если это не Тагир? Быть может, это Алима... Вдруг она решила запереть меня в каком-нибудь сумасшедшем доме до родов, а потом по её приказу из меня вырежут ребёнка и убьют. Мой сыночек никогда не узнает, как звали его мать, никогда не услышит моей колыбельной. Эта змея заберёт его себе, а её мужа мой сын будет называть отцом и искренне недоумевать, почему тот его не любит.

Отпрянув от двери, я быстро вернулась на место, окоченевшими пальцами схватила приборы.

— Анастасия, могу я вас попросить съездить со мной в город? — Ах ты ж, гадина! Сколько заплатят тебе, проклятая, за то, что ты сейчас загубишь две жизни?

Растягиваю губы в заученной приторно-сладкой улыбке.

— Что-то случилось?

— Хозяйка просила забрать детей от бабушки, а сама она останется там ещё на день. Няня заболела, и она говорит, никто не позаботится о них лучше, чем вы. Позвонить вам она не смогла, говорит, у вас что-то с телефоном.

Так вот что они придумали? Обмануть меня, окрутить. Использовать детей, чтобы не смогла отказать.

— Ох, ну, конечно, съездим. Я уже по ним соскучилась, — изображаю радость вполне искренно. Думаю, я уже смогла бы обмануть даже Станиславского. — Сейчас только соберусь, ладно?

Пока Дильноза убирает со стола, я поднимаюсь наверх, по дороге быстро печатаю сообщение Захару:

«Они что-то задумали. Я слышала, как домработница говорила с кем-то по телефону и обещала выманить меня на улицу. Там ждёт какая-то машина... Помогите мне!»

Ответ приходит мгновенно:

«Я понял. Не показывай, что раскусила их. Немного потяни время. Мне нужно полчаса».

Самир нервничал. Внутри горечью плескалось какое-то поганое предчувствие. Может, пока, и правда, рано показываться Насте? А вдруг она испугается и родит раньше времени? Или что-то пойдёт не так? Например, ей навредят во время похищения?

— Ну что ты маешься? — Монгол налил в стаканы виски, протянул один Самиру. — Всё нормально будет. Привезут её аккуратно и тихо. На вот, хряпни для спокойствия.

— Мне же нельзя, — хмыкнул, принимая бокал. — Твоего врача паралич расшибёт, если узнает.

— Сегодня можно. Вон тебя как порубило. Поседеешь ещё до приезда жены.

Сделав большой глоток, откинулся на подушки.

— Поседеет она, когда меня увидит. Нужно как-то подготовить. Я боюсь за них, — Самир впервые чувствовал такой дикий страх. словно оголёнными проводами по нервам. Так не боялся даже в детстве, когда брат с сестрой придумывали для него новую пытку, а потом воплощали её в жизнь. Никогда не боялся. Это чувство было атрофировано с малых лет, будто сама природа позаботилась о его выживании. Он не боялся, когда участвовал в кровавых разборках и пускал первую кровь. И когда ему её пускали — тоже не ощущал страха. А теперь трясутся руки от предстоящей встречи с женой. С его маленькой Настенькой, одинокой и испуганной. С единственным солнечным лучом в его беспутной, черной жизни.

Время тянулось так медленно, что впору выть. Сжав опустевший стакан, попытался шевельнуть пальцами ног. Ничего. Ноль ощущений.

— Подготовим. И тебя, и её. Ты только глупостей сейчас сгоряча не наделяй, ладно? Я тебя всегда знал, как законченного прагматика и циничного, безжалостного ублюдка. Таким и оставайся, Самир. Я скажу тебе по своему опыту. С женщинами всегда сложно, когда допускаешь их сюда, — прижав руку к своей груди, Монгол усмехнулся. — Не теряй разум.

Сабур бы и рад. Да не получается мыслить здраво. Он слишком много времени потерял.

Зазвонил мобильный Монгола, и тот, бросив предупредительный взгляд на Самира, ответил. Выслушав, сбросил вызов, нахмурился.

— Ребята упустили её. Сбежала твоя Настя. Ей кто-то помог.

Услышав хруст собственных челюстей, дёрнулся встать, хватаясь за поручни медицинской койки.

— Тихо! Тихо ты! Лежи! — Монгол сжал его плечи, пристально посмотрел в глаза. — Ты на себя посмотри, ты же крышей поехал! Что ты будешь делать сейчас в таком состоянии?

А он видит, как шевелятся губы друга, слышит голос. А суть слов понять не может. В

голове только её голос пульсирует.

Не уберёг. Не сохранил. Не смог.

— Я сейчас дам список моих людей. Тех, кому я безоговорочно доверяю. Собери их. Найди всех. Привези Карама. Они должны быть у меня сегодня, — речь вырывается из горла клёкотом, а в глазах темнеет от слабости. Грудь и бок обжигает толчками горячей крови — снова разошлись швы.

— Самир, мы найдём её. Она не могла исчезнуть бесследно.

— Найди, блядь, моих людей, Архан! Привези их, а то я, клянусь, не оставлю от твоего дома камня на камне! И принеси мне гребаные костыли! Я больше не собираюсь здесь валяться!

— Да твою же!.. — Монгол выровнялся, пнул стул, а тот с грохотом завалился набок. — Тебе нельзя вставать! Встанешь раньше — и всё, не сможешь ходить!

— Веди сюда Карама, я тебе сказал!

Лёжа в полубреду, вспоминал Настю. Самир помнил, какая она. Ни на минуту не забывал. Каждую её родинку, каждый изгиб. И влажный взгляд голубых глаз, когда ласкал её. Как дрожали её ресницы, когда он целовал её. Какая сладкая она... Вся.

Протянул руку, чтобы коснуться её лица, но оно рассеялось дымкой и ускользнуло. Стройная белая фигура промелькнула между деревьев и испарилась.

Застонав, бросился за ней, продираясь сквозь кустарники и заросли и, выбежав на поляну, чуть не свалился в бездонную чёрную яму. Она стояла на краю, обняв себя руками, по белым щекам скатывались прозрачные слёзы.

— Малышка, — протянув к ней руки, дотронулся — и всё тело обдало жаром. — Что ты здесь делаешь? Холодно же... Пойдём со мной?

Она прижалась к нему, указала пальцем на яму, а он склонился, чтобы посмотреть, и дыхание застряло в глотке. Там, внизу, в чёрной вязкой мгле лежал ребёнок.

Вскинувшись ото сна, схватился за поручни.

— Настя...

— Самир Камалович, как вы? — рядом возник Карам, удержал его за плечи. — Я не выполнил задание. Простите меня.

— Здравствуй, Карам. Ты был ранен, как ты? — принял стакан с водой и просто вылил его в себя. Однако огонь внутри не погас.

— Всё хорошо. Готов приступить к работе.

— Всех собрали? — метнул взглядом в Монгола, тот кивнул.

— Всех. Как ты и просил. Только давай будем смотреть правде в глаза, брат. Ты не в том состоянии, чтобы устраивать войну. Мы, конечно, можем повоевать и без твоего участия, но нужно сначала выяснить, с кем воевать. Мои ребята напали на след твоей жены, но потребуется время, чтобы всё выяснить. Она какие-то лабиринты понастроила. Сняла несколько квартир в разных частях города, купила несколько билетов в разные направления, в том числе и за бугор. За два дня не справимся.

Карам резко повернулся к Архану, по-военному выпрямился.

— Не беспокойтесь. Я буду глазами, ногами, и оружием Самира Камаловича. Все наши на ногах. Мы её найдём.

Открывается дверь, я слышу его шаги, цепляюсь пальцами за подоконник. Только бы не задрожать.

— Я тебя забираю. Мы едем домой, — Елисеев подходит ко мне сзади, берёт за предплечья своими руками и целует в макушку. — Как пахнешь вкусно. Это тот самый шампунь? — кусаю щеку изнутри, лишь бы не дёрнуться и не выдать своих истинных чувств.

Месяцы, проведённые в психушке, многому меня научили. Я осознала, что истерики и слёзы ни к чему не приведут. Елисеев больной на голову психопат и бороться с ним нужно по-другому.

— Мне собраться? — проговорила безэмоционально, абсолютно равнодушно.

— Не надо, ангел. Медсестра всё соберёт. А мы прямо сейчас и поедем.

— А как же выписка? — разумеется, знаю, что никакой выписки не будет. Я не сумасшедшая, и запер он меня здесь не для лечения, а чтобы сломать. Чтобы показать, что моя жизнь в его лапах. Только я не сломалась. А стала сильнее. И моя жизнь ему не принадлежит. Но пока пусть думает, как ему хочется.

— Всё нормально, Свет, — повторяет с нажимом, скользит ладонями по моим рукам вниз и берёт холодные пальцы своими горячими. Меня внутренне потряхивает, но внешне пока держусь. Напоминаю себе, что должна быть сильной. Только так я смогу вернуться домой. — Тебе скоро рожать. Я хочу быть рядом.

Да... Скоро на свет появится мой сынок. И ради него я должна стараться ещё больше.

— Спасибо за заботу, — выговариваю скрепя сердце. — Поедем? Я голодна, — поворачиваюсь к нему лицом, чтобы избавиться от ненавистных прикосновений.

Елисеев улыбается, обнимает меня за талию. Благо, большой живот не даёт ему приблизиться вплотную. Как напоминание о Самире и о том, кому теперь принадлежит моё сердце. Уж точно не этому подонку, убившему отца моего малыша.

— Вот так намного лучше. Я рад, что ты, наконец, пришла в себя. Умница, — гладит меня по голове, как собачонку. Впиваюсь ногтями в свои ладони, сжимаю челюсти. — Ну, поехали.

Персонал клиники провожает нас сочувствующими взглядами. Для них я сумасшедшая девка, которая привязала к себе порядочного мужика ребёнком и издевается над ним. Елисеев же — добрейшей души человек, которому не повезло заделать ребёнка истеричной шизофреничке. Как смешно и горько одновременно. Они все сочувствовали ему и ненавидели меня просто потому, что он платил им. Люди склонны верить тем, кто даст больше денег.

Нет, со мной обращались бережно и осторожно. Ведь я жена такого прекрасного человека. Но я видела в глазах медсестер презрение и зависть. Где же это видано, чтобы такой умный, богатый красавец да тратил своё время на такую, как я.

Первое время я пыталась вызывать о помощи и твердила им, что меня похитили и держат здесь силой. Что я не сумасшедшая, а сумасшедший он. Но они лишь делали вид, что не слышат меня и привязывали к кровати, чтобы «не навредила себе и ребёнку». Мрази. Продажные сволочи. Они просто не хотели меня услышать. Им плевать на чужую жизнь. Плевать на ненормальную русскую девку, которая орёт по ночам и зовёт маму. Всем на неё плевать.

Ведь за всё уплачено.

Оказавшись на улице, вдыхаю полной грудью, глаза начинает щипать. Вот она свобода.

Так близко... Совсем рядом. Могу её видеть и чувствовать, а дотянуться не могу. Кажется, стоит только протянуть руку... Но нет. Мне предстоит нелегкая борьба. И только в случае победы я смогу снова обрести крылья.

— Давай, ангел. Садись в машину, — передо мной открывается дверь черной машины, Елисеев подталкивает в спину, собираясь увезти из одной клетки в другую. — Я заказал столик в хорошем итальянском ресторане. Пасту хочешь?

— Да. Очень хочу. И салат с креветками.

— Тебе нравится квартира? Может, что-то нужно?

— Нет, спасибо. Меня всё устраивает. Единственное, что нужно мне и моему ребенку — это безопасность и уверенность в завтрашнем дне.

— Можешь быть спокойна. Здесь никто тебя не найдёт. И никто не посмеет навредить. Ты под надёжной охраной, — Захар ставит пустую чашку на блюдечко, — поднимается. — Спасибо за чай. Мне пора. Если что-нибудь понадобится, звони сразу мне.

Я благодарно улыбаюсь. Лазарев, пожалуй, единственный, кому я могу сейчас довериться. Разумеется, не безоговорочно, с гарантиями. Просто так я не выйду за него. Больше не попадусь ни в чью ловушку.

— Спасибо вам.

— Не «вам». «Тебе». Мы скоро станем любящими супругами, забыла? — усмехается.

— Помню, — немного коробит, потому что эта тема для меня очень болезненна. Я ужасно не хочу окончательно расставаться с Самиром. Пока я его жена хотя бы на бумаге, мне кажется, что он рядом, приглядывает за нами... А что будет потом? Как я смогу предать его? Пусть даже лишь его память. Это слишком больно, слишком остро ещё всё чувствую. И сердце моё до сих пор любит. Едва ли когда-нибудь сможет разлюбить.

Но я не могу жить одними воспоминаниями. Рано или поздно придётся отпустить его. И начать всё заново. Шагнуть в будущее ради сына и себя. И мы сможем, у нас обязательно получится.

Захар не торопится уходить. Долго смотрит на меня. Я смущаюсь от его пристального, сканирующего взгляда. Наверное, из-за этого взгляда я ему и доверяю. Чем-то похож на Самира.

— Всё будет хорошо, Настя. Поверь мне. Я не стану обижать беременную женщину. И раз уж взялся тебе помочь — не позволю это сделать каким-нибудь уродам.

— Да... То есть, я верю тебе.

— Вот и славно. А теперь отдыхай. Первое время придётся посидеть дома, но здесь есть всё, чтобы скучно тебе не было. Займись собой, отоспись, почитай, посмотри фильмы. Расслабься, в общем. Тебе это сейчас нужно. Я пока займусь подготовкой документов и подыщу тебе хорошую клинику.

Он хороший, хоть и показался мне впервые напыщенным, злобным мужланом. На самом деле первое впечатление часто бывает обманчивым. Но и слепо доверять кому бы то ни было я больше не хочу.

— Ты... Подготовишь брачный контракт? Я вышлю тебе все пункты. Для нашего обоюдного спокойствия.

Лазарев, вопреки моим ожиданиям, не обижается, не злится и не закатывает глаза. Согласно кивает.

— Обязательно.

Я закрываю за ним дверь, прислоняюсь к стене. Обвожу взглядом большую квартиру. Это всё моё: эти хоромы и ещё несколько таких же и побольше, в России и за рубежом; огромный бизнес, акции престижных компаний и уйма всего, о чём я ещё даже не в курсе. Но нет главного... Спокойствия и уверенности, что завтра я не окажусь в лапах какой-нибудь Алимы или ещё кого похлеще.

Он лежит сзади, обнимает меня за талию. Хочется отодвинуться, а ещё лучше перегрызть сухожилия на его руке, чтобы не смел больше меня касаться. Но я играю роль хорошей девочки. Нельзя сейчас бунтовать. Снова оказаться в психушке мне совсем не улыбается.

— Доброе утро, ангел, — целует меня в затылок, прижимает к себе ещё крепче. — Как спалось дома?

— Спасибо, хорошо, — выскальзываю из его объятий, благо, есть повод. — Я в туалет.

Оперевшись о раковину, борюсь с уже вошедшей в привычку утренней тошнотой. Из зеркала на меня смотрит измождённая женщина с уставшим лицом и потухшими глазами. Я больше не вижу той прежней Светы. Я постарела. Не телом... Душой. Превратилась в запуганную, дерганую мышь. Тень...

— Тебе плохо? — Елисеев появляется сзади, обнимает. Целует в макушку. А я представляю, как беру флакон с мылом для рук и ударяю ему по лицу. Снова и снова. Пока он не свалится к моим ногам. — Света?

— Что? А... Нет. Уже прошло. Я хочу есть, — один плюс в сложной беременности — она не даёт мне застопориться на своих бедах.

— Отлично, я тоже голоден как волк. Поедем в ресторан или дома что-нибудь приготовим?

— В ресторан! — отвечаю слишком резко, осекаюсь. — Я хочу прогуляться по улице.

— Понимаю, — кладёт руки мне на плечи, и они кажутся невыносимо тяжёлыми. — Ты соскучилась по прогулкам. И по нормальной жизни. Всё это будет, если ты не станешь делать глупости, — шепчет, склонившись к уху. — Всё, что ты пожелаешь, ангел.

Я желаю твоих страданий, подонок. Но вслух произношу негромкое:

— Спасибо.

Я начинаю новую жизнь. Ту, о которой когда-то мечтала. Это было так давно... Отец планировал выдать меня за Самира, и я панически этого боялась. Просыпалась от кошмаров в холодном поту и вскакивала с кровати, увидев во сне нашу свадьбу.

А теперь я хочу всё вернуть. Свадьбу, его объятия, прикосновения. Тот день, когда оттолкнула его из-за другой женщины и этим украла у себя столько счастливых дней и моментов. Я не должна была сдаваться. Не должна была показывать свою слабость. Но больше всего я хочу вернуть тот день, когда моя жизнь рухнула обломками к моим ногам. Я ни за что не отпустила бы его тогда. Привязала бы к себе, обманула, выдумала бы что-нибудь. Но не отпустила бы.

Вытаскиваю из духовки ароматный пирог и ставлю его на стол. Пахнет чудесно. Только есть его я буду снова одна. Давясь слезами и глядя на экран телевизора. Там идёт какая-то мелодрама о двух влюблённых, которых по воле злого рока разлучили коварные враги. Но в конце фильма они обязательно встретятся, поймут, как сильно ошибались, и она скажет ему, что беременна. Банально, романтично; возможно, даже пару раз улыбнусь. А потом подумаю, что хочу так же, и зарыдаю белугой. Потому что у меня так не будет. В реальной жизни не бывает чудес. На этом мой вечер закончится, и я снова провалюсь в беспокойный сон. Быть может, там встречу Самира. Поживу несколько часов в своей сказке... Пока не проснусь.

А утром снова превращусь в железную, безэмоциональную женщину. Придёт Евгений Павлович с документами и начнёт возвращать во мне бизнес-леди. Я буду старательно вникать, впитывать в себя эти новые знания, чтобы ни один враг больше не посмел поднять на меня или моего малыша руку. Никогда!

— Настенька, а вы очень способная. Вы говорили, у вас неоконченное высшее? Может, продолжите учёбу, когда всё устанется? Это пойдёт вам на пользу.

— Да, я об этом думала ещё когда... Давно, в общем. Не знаю только, будет ли у меня время. Всё это сложно. Очень тяжело, оказывается, управлять таким бизнесом. Да и сын родится скоро. Боюсь, не потяну всё и сразу.

— А мы вам на что? Положитесь на нас, на ваших верных подданных, — простодушно улыбается Евгений Павлович. — Мы поддержим вас, да и нянек ещё никто не отменял. В двадцать первом веке такие вещи уже не должны никого волновать. Тем более вас, имеющую все возможности. Вы должны заняться бизнесом. И не только его поддержкой, но и развитием. Учёба — один из главных факторов. Поверьте мне, ваш сын будет вам благодарен, когда придёт его черёд взять дела в свои руки.

Старичок, конечно же, прав. Без сомнений. И я сделаю всё, чтобы мой сын мною гордился.

— Знаете, я, пожалуй, соглашусь. Вы сможете мне помочь в этом?

Евгений Павлович удовлетворённо кивает, протягивает мне очередную бумажку.

— Мы обязательно вернёмся к данному разговору чуть позже. А сейчас изучите один документ. Обратите внимание вот на этот вот пункт. Вам здесь ничего не кажется странным? Здесь есть ошибка.

Я впериваюсь взглядом в таблицу, пару минут изучаю. И почти сразу же нахожу неточность.

— Да, вот она. Здесь не сходится окончательная сумма.

— Замечательно! Просто великолепно!

Елисеев стоит спиной ко мне, сбрасывает щетину точными, выверенными движениями. Откладывает «опаску» на край раковины, склоняется, чтобы умыться. Я хватаю бритву и одним ударом вонзаю её в спину подонка...

— Света.

Встрепенувшись, часто моргаю, чтобы скрыть ту ненависть, что, должно быть, горит сейчас в моих глазах. Если продолжу упиваться такими фантазиями, точно сойду с ума.

Он притягивает меня к себе, заставляет уткнуться лицом в грудь. И меня вдруг прорывает. Будто лопнула последняя частица терпения, которую я так бережно хранила эти дни.

— Зачем я тебе? Почему ты не оставишь меня в покое? Почему, Денис?

Над головой слышится тяжёлый вздох.

— Потому что не могу, Света. Я уже пытался, помнишь? Не получается. Как увидел тебя впервые, и всё... Башня съехала напрочь. А ты не начинай всё это заново. Прошли мы уже этот этап, — отстранил меня, взглянул в глаза. — Я не отпущу, Света. Если только грохнешь меня, как мечтаешь. Только так.

Смотрю на него с ужасом. Этот человек Дьявол... Самый настоящий. Он даже мысли мои читает.

— А ты не боишься, что однажды я это сделаю? Убью тебя?

Его губы растягиваются в улыбке, а потом он взрывается от хохота, запрокинув голову. Я сжимаю кулаки до боли и хруста в костяшках пальцев. Смех прекращается так же резко, а рука Елисеева хватается меня за горло.

— Я ничего не боюсь. И никого, — склоняется ниже, проводит тыльной стороной ладони по моей щеке. — Но ты можешь попытаться, ангел.

Несколько месяцев спустя

— Не надо-о-о! Не убивай, Сабур! Клянусь, это не я! Не знаю я, где твоя жена! — рыхлая морда покрывается красными пятнами, а сам чиновник трясётся, как женщина.

— Фу, бля. Жалкое зрелище, — комментирует Монгол, скрестив на груди руки. — Не он это, брат. Ты посмотри, сейчас уссытся от страха. Уже всё рассказал бы, если бы что знал.

Самир поднимает нож на уровень своих глаз, долго скользит взглядом по лезвию.

— Этот нож перережет твою глотку раньше, чем ты поймёшь, что происходит, Володя.

— Я же сказал, я понятия не имею, где она! Хочешь, я всех своих ментов на ноги поставлю и найду тебе её? А? Или, хочешь, я в розыск её объявлю? Я всё сделаю, Сабур! Всё! Только не убивай!

Да, похоже, и правда, ничего о Насте не знает. Монгол прав. Ему бы духу не хватило соврать с ножом у глотки. Не тот человек. От него страхом за версту воняет.

— Ты ничем не можешь меня заинтересовать, Володя. Ты всего лишь мелкая сошка в огромном механизме. Исчезнешь — никто и не заметит. На следующий день уже замену найдут. Даже жена твоя тебя не вспомнит. Любовника в твой дом приведёт и будет с ним сношаться на глазах у твоих детей. Хочешь этого?

Он затряс головой, всхлипнул на бабский манер.

— Не надо! Я всё верну, правда!

— Значит, то, что мне сказали, — правда? Это ты заморозил часть моих счетов? Для чего, Володя? Чтобы свой кусок урвать? И как ты планировал это сделать? У тебя же мозгов на подобное не хватит. Может, помог кто, а, Володя? — Лезвие ножа угрожающе блеснуло на свету, и трус нервно сглотнул. — Давай, рассказывай мне всё, пока я твою чиновничью морду на куски не порезал, — Самир перевёл взгляд на Карама, еле заметно кивнул, и тот, схватив Полонского за шиворот, швырнул пададь под ноги. Острие ножа прижалось к жирной шее, Володя заскулил. — Слушаю.

Захлёбываясь горькими слезами, словно истеричная сучка, Полонский рассказал, как по «верхам» прошёл слушок о его, Самира, гибели, и как этому возрадовались некоторые мрази. Разумеется, такой лакомый кусок те, которые всю жизнь дрожали от одного имени Сабура, упустить не могли. Ведь короля больше нет, осталась лишь его молодая, ничего в этом не смыслящая жена. Как не сорвать такой куш?

Но чем больше Володя углублялся в рассказ, тем ясней становился тот факт, что Настя им не понадобилась. С помощью судебного запрета шакалы добились ареста нескольких довольно крупных счетов и собирались их потихоньку раздербанить. Сложно, но если подойти с умом — вполне возможно. Настя им помешала бы только в том случае, если бы влезла в это дело и начала разборки. Но девочке было, конечно же, не до того, да и не разбирается она в этих делах. После того, как Самир исчез, она обращалась за помощью к Захару и Палычу, но те отказались ей помогать, и Настя исчезла. Но куда? Где она может быть? Он всю страну вверх ногами перевернул. Даже начал проверять её билеты за границу. Как в воду канула.

Лишила его сна, маленькая дурочка. Сбежала, спряталась. Одна там где-то... С ребёнком. Эта мысль сводила с ума. Всю душу измотала.

— Полонский есть. Кто у нас там следующий? Кому ещё была выгодна моя гибель? — затянулся горьким дымом, выпустил его вверх.

Монгол громко хмыкнул, открыл дверь.

— Без обид, брат, но легче пересчитать тех, кому не была выгодна. Быстрее будет, — подал знак Караму, а тот подтолкнул коляску к машине.

— Не трогайте! — рявкнул предупредительно. — Я сам.

— Самир Камалович, я помогу только, — помощник попытался протянуть к Самиру руки, за что тут же отхватил увесистую оплеуху.

— Ты что, не понял меня? Я сам! — схватившись за поручни, резко переместил тяжесть тела на руки и завалился в салон. Уже лучше. Быстрее.

— Ну ты упрямый, — Архан уселся рядом, откинулся на подголовник. Сабур когда-то считал, что быть неходячим (слово «инвалид» почему-то не давалось) — не стыдно. Пока сам не сел в коляску. Теперь чувствовал себя беспомощным дерьмом, что изрядно бесило. — Это же не навсегда, чего ты так паришься?

Он боялся. Хотел найти Настю и скорее её увидеть, но присутствовал страх увидеть в её глазах жалость и разочарование. Или даже сожаление, что он жив.

— Кто там дальше по списку, спрашиваю?

— Да вроде всех уже прошерстили. Знаешь, Ворох устанет подметать за нами. Может, притормозишь пока? Жена твоя жива — это понятно. Завещание уже вступило в силу. Она ничего не продала, а значит, скоро вернётся сама. А мы будем её ждать.

— Не понимаю, зачем нужна эта показуха?

— Вот ради показухи и нужна. Тебе пора выходить в люди. Я знаю, что тяжело, но... Ты должна, Настя. Так ты быстрее излечишься.

Излечиться... Пожалуй, это было бы славно... Потому что каждый день, вспоминая день родов, я рву свою душу в клочья. День, когда я должна была стать счастливой. Но случилось то, чего предвидеть не могла. Не хотела, вернее...

— И что ты предлагаешь? Напялить свадебное платье и притвориться счастливой невестой?

— Да. Именно это я и предлагаю, дорогая, — Захар поставил передо мной чашку с ромашковым чаем. Без чая я теперь не засыпаю. Да и с ним, в общем-то, тоже нет. — Все должны увидеть, какая ты счастливая и какой замечательный у тебя муж, — ослепительно улыбнулся. — Чтобы ни одна скотина не нарисовала себе во влажных мечтах, что тебя можно обидеть. — Пора, Настя. Помнишь? Вперёд и только вперёд!

Я слышала его крик. Слышала... Мне так казалось. На самом деле мой сын не издал ни звука. Я хотела верить, что все не так... Однако, сейчас, спустя время, понимаю, что тот кошмар — самая настоящая правда. Мой малыш, моя надежда...

Не забуду свои роды никогда. Они были ужасно тяжёлыми и долгими, а я не верила в то, что они когда-нибудь закончатся. Не в боли дело, разумеется. В нём. В моём маленьком комочке счастья, которого я лишилась...

Щёки обжигает солёной влагой, и я ступаю босыми ногами на зелёную траву. Подставляю лицо ласкающим лучам солнца, но ему не высушить моих слёз. Моё горе мог

унять лишь один человек, но и он покинул меня.

Рядом осторожно шагает Амур — белоснежный щенок, которого я перед родами нашла на улице. Он был такой одинокий, всеми брошенный и забытый. Моё сердце сжалось от жалости, и в ту же минуту у малыша появился дом.

— Сегодня я выхожу замуж, Амур. Ты рад за меня?

Щенок неуверенно виляет хвостиком, а в глазах сомнение.

— Да знаю я. Знаю... Но Самиру уже всё равно. У меня ничего не осталось, а так хоть дело его продолжу. Да и устала я прятаться, Амур. Хватит.

Малыш вздыхает, падает пузиком на траву и поджигает под себя лапки. Он всегда грустит, когда грустно мне. В кармане брюк взрывается трелью мобильный, но я не спешу отвечать. Я знаю, это звонит Захар, чтобы меня поторопить. Но так хочется побыть ещё в своём мире, где я в последнее время прячусь, как в коконе. Мне здесь комфортно. Уютно.

Захар не унимается, и мне приходится нажать на кнопку принятия вызова.

— Я почти готова. Дай мне пять минут.

— Хорошо, — звучит понимающе, и я слабо улыбаюсь.

— Ну вот, Амур. Пора.

Утро поражает меня лёгкостью и отсутствием отёков. Неужели начинаю приходить в себя? Хотелось бы... Я ведь теперь не одна. Я должна быть сильной, чтобы защитить свою красавицу.

Да, у меня родилась девочка, хотя по результатам УЗИ я ожидала мальчика. Моё маленькое чудо, моя красавица. Она так похожа на Самира, что сердце заходится. Первое время я ужасно боялась, что Елисеев с ней что-то сделает. Он ведь одержим своей ненавистью к Самиру. Я не могла спать и есть, ни на минуту не отходила от неё. Первые дни Денис пытался приблизиться к Лизе, но я устраивала истерику, и он отступал. В итоге он перестал подходить к кровати, и я немного расслабилась. Стало легче. Елисеев, конечно, подонок и убийца, но едва ли станет мстить ни в чём не повинной малышке.

Кормлю проснувшуюся кроху, укладываю в кроватку. Улыбаюсь, поглаживая маленькую головку, покрытую тёмным пушком.

— Мамина радость. Какая же ты у меня красотка. Сколько сердец разобьёшь — не счесть. Вся в своего папу.

Лиза причмокивает губками, изображает что-то вроде улыбки. И внутри разливается тепло. Такое успокаивающее, такое светлое чувство вселенского счастья.

Выхожу из комнаты и уже по инерции следую на кухню. Мне кажется, я даже смирилась со своей ролью безмолвной жертвы. Только иногда пытаюсь сопротивляться, чтобы не забыть, не потерять ту Свету, которая всегда шла против злого рока.

— Доброе... — и замолкаю, потому что его за столом нет. Завтрак уже ожидает нас, как и всегда, но Дениса нет.

Я слышу его голос с террасы и тихонько, на цыпочках иду туда.

— Что? Жена Сабурова? Да плевать мне на неё сейчас! Где доказательства, кроме сраного пиджака? Ты до сих пор не нашёл его труп? Серьёзно?! — меня пробивает дрожь, когда слышу о Самире. Крепко сжимаю ручку двери, чтобы она ненароком не скрипнула и Денис меня не услышал. — Нет! Это не прошлое дело! Не собираюсь я забывать! Ты что, не знаешь, кто такой этот Сабур? Он же скользкий, как змей! Он выскользнет из любого

дерьма! Я не поверю, что он сдох, пока сам не увижу, понял? Где его зарыли? Почему никто, включая жену, не видел его труп? Делай что хочешь, но найди мне доказательства. Понял? Я жду! А потом займусь его бабой.

Меня будто молнией пронзает. Оперевшись о стену, рвано выдыхаю. Он о Самире говорил... И о жене его. О той бедной девчонке, у которой тоже должен был родиться ребёнок. Но что это было? Они не нашли тело Самира? Так может...

— А кто это тут подслушивает? — Елисеев появляется в проёме двери, ловит меня за руку. — Мм?

— Я... Пришла тебя на завтрак позвать. Там всё уже готово, — принимаю невозмутимый вид, чтобы он не понял, что я всё слышала.

Денис прищуривает глаза, изучает меня.

— Ладно, пойдём. Как Лиза?

— О, у неё всё замечательно. Уже поела.

Рука Елисеева ложится на мою талию, по-хозяйски сгребает меня, прижимает к нему. А я прикусываю губу от страха. Только бы не услышал, как сильно колотится моё сердце.

Мы завтракаем в тишине. Денис непривычно молчит. Наверное, свои чёрные делишки обдумывает.

— Какие планы на сегодня? — подаю голос, отвлекая его. Елисеев приподнимает брови, переводит на меня задумчивый взгляд.

— Что? А, планы... По делам отъеду ненадолго. А потом вернусь и могу погулять с вами.

— Это было бы замечательно, — благодарно улыбаюсь, кладу в рот кусок огурца. — Лизе нужно почаще дышать свежим воздухом.

— Да, я понимаю. Но сама знаешь, почему я не позволяю тебе выходить на улицу одной. Ты иногда ведёшь себя не очень хорошо. Мягко говоря, — откладывает на стол салфетку и встаёт из-за стола. — Хорошего дня, ангел. Мне пора.

Я бросаю быстрый взгляд на его телефон, что всё ещё лежит на столе, и, пока Денис не опомнился, бросаюсь к нему.

— И тебе хорошего дня, — сжимаю пальцами лацканы пиджака, целую в щеку, чем, естественно, удивляю его.

Елисеев несколько секунд смотрит мне в глаза, а потом, хмыкнув, уходит. Я же хватаю мобильник и бегу с ним на террасу, пока Денис не очухался и не вернулся.

Набираю номер, который выбит в памяти вечной татуировкой, дрожа и кусая губы, слушаю бесконечно длинные гудки.

Голос мамы звучит радостно и бодро, она вежливо здоровается, думая, что звонит Елисеев.

— Это я, мам! — говорю слишком эмоционально и, оглянувшись на дверь, сбавляю тон.

— Доченька? Как ты? Что-то случилось? Ты же вечером должна была...

— У меня мало времени, мам. Послушай меня. Всё, что ты знала до этого, — ложь. Елисеев чудовище, мам. Он нас с дочкой держит здесь насильно. Не верь ему, пожалуйста.

— Но... Мы же только вчера с тобой говорили, и всё было хорошо, — голос мамы недоверчивый, растерянный. Ещё бы. До этого момента она жила в счастливом неведении. Елисеев присылал наши «счастливые» лица на фотографиях, всячески обхаживал, отправляя от нас подарки. Мама так радовалась, что моя жизнь, наконец, наладилась, а тут я с такой жестокой правдой.

— Мама... Все эти месяцы я не могла тебе сказать, потому что говорю с тобой всегда при нём. Он постоянно рядом, следит за мной и запрещает выходить в сеть. Он чудовище, мама. Это он убил Самира... Отца моего ребёнка. А сегодня я слышала, как он говорил с кем-то о жене Самира. Мама, ты должна её предупредить. Ей угрожает опасность! Слышишь меня?

— Доченька, я ничего не понимаю! Ты меня пугаешь, милая! — она срывается на крик.

— Мамочка, родная, хорошая моя, — я попыталась смягчить свой голос и придать ему немного рассудительности. — За нас с Лизой не волнуйся. Он не причинит нам вреда. Мы сможем вырваться. Я жду удобного момента. А ты должна найти жену Самира Сабурова и предупредить её об опасности. Расскажи всем про Елисеева. Это он убийца! И сама будь осторожна! За тобой могут следить!

Мама что-то говорит мне в ответ, но я уже не слышу, потому что телефон буквально отдирают от моего уха. В ужасе поворачиваюсь и встречаюсь с гневным взглядом Дениса.

— Ай-яй-яй, — цокает языком, медленно надвигается на меня. — Ты так и не поумнела, да?

Я помню нашу с Самиром свадьбу. Помню так отчётливо, как будто это было вчера. Я была в белом платье от знаменитого кутюрье, а голову украшал ободок из живых цветов. Самир тогда взглянул на меня и сказал, что я самая красивая невеста на свете. А я смущалась, даже ещё немного побаивалась его. Это было ведь не так давно. А теперь... Теперь ничего из этого нет, а я выхожу замуж за абсолютно чужого человека.

— Ты потрясающе выглядишь, — Лазарев сжимает мою руку, пока мы под вспышками фотоаппаратов спускаемся по ступенькам ЗАГСа к машине. За нами следует вереница людей, которых вижу впервые. Это гости. Но кто они, я понятия не имею. Наверное, показуха, как и всё, что сейчас здесь происходит.

Хмурюсь, когда очередная вспышка ослепляет меня, а в лицо тычется микрофон. В этой суматохе я не слышу вопрос журналиста, но отчётливо различаю имя своего мужа. Не того, что сейчас ведёт меня под руку, а настоящего... Того, память которого я только что предала. И я мгновенно зверею:

— Кто позвал сюда этих журналюг? Везде носы свои суют!

— Я и позвал. Нам же нужен слушок? А кто разнесёт весть лучше, чем эти? Знаю, меня тоже раздражают. Пару секунд потерпи, пожалуйста.

Как же я всё это ненавижу! Как хочу, чтобы этот ужасный день поскорее закончился. Сил больше нет. Я не думала, что будет настолько тяжело. Я всё ещё люблю Самира. А сегодняшнее моё «да» уничтожило ту слабую веру, что всё ещё жила во мне. Будто в огне она горела, а я слышала её вопли. Обезумевшие крики маленькой девочки Насти, которая всё ещё верит, что тогда под ником «Аноним» был он, её возлюбленный. А я удавить её хочу. Чтобы не была такой наивной и глупой. Чтобы больше не позволяла нас мучить.

Облегчённо выдыхаю, когда мы оказываемся в машине, и дверь захлопывается прямо перед носом какого-то настырного «папарацци». Даже злорадство какое-то испытываю.

— Теперь я могу ехать в офис? У меня очень много дел накопилось. Все контракты зависли, производства стоят. Евгений Павлович обнаружил, что некоторые управляющие в гостиницах и ресторанах начали подворовывать. Почувствовали, что во главе никого нет, и расслабились. Пора уже им дать знать обо мне.

Лазарев одобрительно кивает, достаёт из внутреннего кармана пиджака наш контракт.

— Ты права. Начни с завтрашнего дня. Сегодня мы будем отмечать нашу свадьбу. Ресторан уже готов, нас ждут.

— Ох... Я совсем забыла про празднование. Скажи, без этого никак? Не можем пропустить эту часть? Мне как-то не хочется снова этот спектакль проигрывать, — смотрю на Захара умоляюще, но он непреклонен.

— Насть. Ты же понимаешь, что так нужно. Поверь мне, я бы и сам лучше занялся делами, чем это вот всё. Но нам нужно, чтобы люди поверили, понимаешь? Чтобы знали, что я за тебя порву, а не просто попугаю. Тебе нужна сила. Из нашего брака и будешь её черпать.

Да, он, как всегда, прав. Как бы сложно ни было, нужно улыбаться и играть. Я сама так решила.

— Мы нашли её, Самир Камалович! — дверь в кабинет распахивается, ударяется о стену. — Нашли, — выдыхает помощник.

Самир мог бы поклясться, что в этот момент ощутил покалывание в ногах. Даже вскочить захотелось.

— Ну? Где она?!

— Только вам не понравится то, что я скажу...

— Говори! — просипел, потому что глотку мгновенно сжали железные щупальца страха. Слишком часто он испытывает это чувство. Слишком часто для того, кто раньше вообще ничего не боялся.

— Я скажу. Только вы вначале пообещайте, что будете держать себя в руках?

Дёрнулся встать, схватился за край стола, а Карам бросился к нему.

— Говори, где Настя? Она жива? — впился пальцами в столешницу так, что та затрещала. Карам остановился в полуметре, судорожно вздохнул. Да что за вести там такие? — Говори!

— Она жива, Самир Камалович. Только...

— Карам, если ты продолжишь блеять, я снесу тебе голову, — прошипел, отталкивая проклятую коляску, и, оперевшись о стол, таки встал на ноги. Чувствительность в лодыжках переросла в боль, он стиснул челюсти. По виску потекла капля пота, а под рёбрами нещадно заныло, будто снова открылась рана.

— Анастасию нашли. Вернее, она сама объявилась. По всем каналам эта новость гремит. Самир Камалович, она замуж вышла. За Лазарева.

Сабур застыл, уставился в одну точку. Прямо в лоб помощнику, на что тот попятился. Даже такой искалеченный, Самир наводил на окружающих ужас. Наверное, что-то было в его глазах. Что-то, что заставляло бояться.

— Ты пошутил сейчас так неудачно? — прохрипел, делая первый шаг, продолжая держаться за стол. — Или ошибся? Ты скажи мне, Карам, я пойму, — предупреждающе, зло. Отпустил стол и шагнул уже без страховки.

— Нет, шеф. Не шучу. И не ошибся. Сегодня состоялась свадьба. Они... Празднуют сейчас в вашем ресторане. В «Фениксе». Банкет большой.

По мере того, как Карам говорил, внутри у Самира что-то выгорало. Тело как уголь и чернело, превращаясь в пепел. Повернулся к столу, схватил пульт от телевизора и упал на стул, придвинутый помощником.

— Посмотрите, как счастлива невеста! Надо же! Кто бы мог подумать, что горе несчастной вдовы не продлится долго... — диктор говорил что-то ещё, но Сабур уже не слышал из-за звона в ушах. Он увидел её. Крупным планом. Счастливую невесту...

Она улыбалась и светилась. Длинные волнистые локоны сплетены в замысловатую причёску, белое платье... Настя позировала на камеры в обнимку с Захаром, а Самир схватился за стол, подался вперёд, всматриваясь в экран.

Он не верил своим глазам. Не хотел. Но её улыбка... Эта проклятая улыбка, которую он видел когда-то вблизи. Которую целовал и трогал пальцами. И взревел, швыряя в экран пульт. Стекло пошло мелкой сеткой, и изображение исчезло.

— Сукаааа! Сукаааа! — отшвыривая от себя бумаги, её снимки, которые распечатали для ищеек. Они разлетелись по паркету, превращаясь в разноцветный ковёр. И улыбка снова эта. Смотрит на него и улыбается... — Сукаааа...

— Самир Камалович, я принёс нехорошее известие, простите. Но вы должны знать ещё кое-что...

Нет, он не хотел больше ничего знать. Не сейчас, когда его от приступа отделяет несколько слов и ангельская улыбка на прелестном лице красавицы.

— Не говори. Я не хочу этого слышать, — задыхаясь, хватая со стола стакан с выпивкой и осушая его одним глотком. — Уходи, Карам. Оставь меня.

— Я должен сказать, Самир Камалович.

Вздохнул, закинув руки за голову и закрыв глаза.

— Что ещё?

— Ваш ребёнок... Сын. Он...

Самир шумно вдохнул, задержал воздух в лёгких. Потому что уже знал, скоро дышать не сможет.

— Что с ним?

— Мы нашли и его. Вернее, больницу, где он родился. Он... Его нет, шеф. Родился... неживым.

Болезненный стон сорвался с губ, будто его под дых ударили. Будто в рану воткнули ржавый гвоздь и провернули несколько раз. Вцепившись в волосы, застыл. Хватая ртом воздух, захрипел от удушья, оттолкнул приблизившегося помощника.

— Что делать, Самир Камалович? Убить их?

От бесконечных улыбок у меня болят щёки, и сводит скулы. А ещё ужасно хочется сбежать. Сорвать с себя это проклятое платье и вышвырнуть его в урну. Всё мне казалось искусственным и мерзким. Моя причёска, макияж, одежда. И даже украшения из драгоценных камней. Я словно ощущала на себе презрительный взгляд Самира и чувствовала, как сильно он во мне разочарован. Он бы не простил предательства. Ни за что.

А ещё мне казалось кошунством это веселье. Совсем недавно я горевала, а теперь стою с бокалом шампанского и со счастливым выражением лица слушаю какого-то мужчину, что желает нам с Захаром любви и деточек побольше. Последнее — как удар под дых. Болезненный и ранящий. Я начинаю задыхаться, хватаюсь за руку Лазарева и впиваюсь в его ладонь ногтями. Душевная боль несравнима с физической, она настигает неожиданно и накрывает меня так резко, что кружится голова.

— Мне... Мне нужно выйти, Захар. Нехорошо.

Он понимает меня с полуслова. Поспешно прощается с нашим будущим партнёром по бизнесу и уводит на просторный балкон, где я, наконец, глубоко вдыхаю. Берёт меня за предплечья, заглядывает в глаза.

— Ты опять задумалась. Опять начала вспоминать.

— Да, — еле ворочаю языком от внезапно накативших равнодушия и слабости. Так было в первые дни после родов. Я чувствовала себя овощем. Никак вообще. Словно моё тело из ваты. Даже в голове вместо мыслей пустота. Такая звенящая, ужасная в своей тишине.

Не стоило мешать седативные с алкоголем.

— Так, давай, успокойся. Дыши. Давай, — подталкивает меня к перилам и забирает пустой бокал. — Тебе хватит на сегодня. Больше не пей. Ты ещё не оклималась, а лучший способ затриггерить — напиться.

Триггер — вот как называется моё состояние.

Триггер — всё, что осталось мне от моей прежней жизни.

— Давай уедем. Не могу больше. Чувствую себя паршиво.

Захар накидывает мне на плечи свой пиджак, приобнимает.

— Да, пожалуй, хватит. Сейчас поедem. Ты только убери эту мученическую мину, ладно? Все эти люди должны видеть твою силу и решимость, а не слёзы. Помнишь, что я говорил?

— В этом мире выживает сильнейший, — киваю.

— Умница.

Мы едем к Лазареву. Теперь я, как его законная жена, должна жить здесь, однако, как только переступаем порог, мне становится не по себе.

— Моё пребывание здесь точно не доставит тебе неудобств? Твоя девушка, надеюсь, понимает, что это — всего лишь...

— Успокойся, Насть, — он ободряюще улыбается и за руку заводит меня в гостиную, где накрыт ужин при свечах. Романтика, видать. Я сразу это замечаю, и становится вдвойне паршиво. — Твоё проживание в этом доме навредит нашим с ней отношениям не больше, чем свадьба.

— То есть, всё-таки навредит? — снимаю его пиджак, отдаю подбежавшей к нам домработнице. — Добрый вечер, Виталина, — улыбаюсь женщине, а она коротко

поздравляет нас и удаляется.

— Нет, не навредит. Это работа. Всё нормально, Настя. Ты не должна об этом думать. Это не твоя проблема.

Значит, проблема. Что ж, Захар прав. Не моё дело. Раз он на это решился сам, то и с девушкой своей тоже пусть сам разбирается.

— А это? — указываю на стол. — Обязательно?

— Это для тебя. Ты за целый день ни крошки не съела. Я прислугу отпустил, сам сейчас уеду. Ты поешь и как следует отдохни. Завтра трудный день.

Наверное, было бы правильно попросить его остаться в своём доме, но я не стала. Он не ребёнок и не благородный рыцарь. Он просто выполняет свою работу. К тому же, у него своя личная жизнь, где нет места работе. И это правильно. Да и мне, если честно, очень хочется побыть одной. Отойти от очередного стресса и подготовиться к завтрашнему дню. Завтра начинается новая жизнь.

— Кстати, тебя тут ждут уже, — Захар хлопает себя по бедру, подманивая вбегающего в гостиную Амура.

Но щенок минует его и несётся со всех ног ко мне. Опускаюсь на пол, прижимаю малыша к себе.

— Привет, мой хороший, привет! Ну как ты тут? Освоился уже? — судя по мужскому тапку, который он притащил за собой, ещё как освоился. Поднимаю виноватый взгляд на Захара. — Извини. Ему просто надо купить палочку для зубов.

— Отдыхайте, — негромко произносит Лазарев и тихо уходит, что понимаю только по звуку закрывающейся двери.

Мы с Амуром съедаем каждый свою порцию: он — миску любимого корма, а я — тарелку ризотто с морепродуктами. Амур любит поест, я же впикиваю в себя еду, потому что так надо.

Потом методично напиваюсь, поглаживая посапывающего рядом щенка и глядя на экран телевизора. Там снова какая-то мыльная опера, где в конце все счастливы, живы и здоровы. И мне верилось, что такое возможно, пока не потеряла своего сына. Теперь же... Я не знаю, во что верить.

Бутылка вина заканчивается, и я открываю новую, но тут же её закупориваю. Нет. Нельзя. Завтра я должна быть на ногах и в здравом уме. Я должна вернуться и отомстить всем, кто сделал это со мной. Всем до единого. Пусть каждый из них знает, что я доберусь до их подлых, алчных душонок и вытрясу их!

Я всё ещё Анастасия Сабурова.

На экране появляются титры, и я закрываю глаза. Во сне, быть может, и у меня будет «хеппи энд».

Главный офис пустует, его я и выбираю. Самир почему-то питал слабость к одной из гостиниц и всегда работал там. Небольшой кабинет, где всегда было убрано и строго. Бумажечка к бумажечке и ни единой пылинки. Так было раньше. Сейчас же всё разбросано и перевернуто вверх дном. Сначала полиция там что-то искала, потом мы с Евгением Павловичем просматривали бумаги. Да и будь там идеальная чистота, чего добиться очень просто, я бы всё равно не смогла работать в том помещении. Слишком больно всё ещё, слишком тяжело.

У кабинета меня ждёт секретарь, которого я выбрала на онлайн-собеседовании, взрослая, опытная женщина, опрятная и очень неглупая с виду.

— Антонина Александровна, добрый день, — протягиваю ей руку для знакомства, и женщина с улыбкой отвечает:

— Рада видеть вас лично, Анастасия Ивановна. Очень надеюсь, что сработаемся.

Захар приобнимает меня за талию, подталкивает к кабинету.

— Когда закончите знакомство с новым рабочим местом, принесите нам кофе, — и, закрыв за нами дверь, обращается уже ко мне: — Настя...

— Да-да, я помню. Не расшаркиваться. Но ведь она будет моей подчинённой, хотя бы познакомиться нам нужно. Я... Не привыкла вот так вот с людьми. Жестко.

Мой новоиспечённый муж проходит к креслу, отодвигает его от стола.

— Сядь, — а я смотрю на него недоверчиво и глупо улыбаюсь.

Мне казалось, что я готова. А теперь вот не кажется. Куда больше это кресло идёт самому Захару. Он представительный, солидный. Одет в строгий тёмный костюм, пахнет деньгами и властью. От него веет силой и уверенностью, а я... Я всего лишь женщина. Слабая и напуганная. И пусть выгляжу не менее представительно и шикарно, всё же я женщина. А этот мир не для нас. Он слишком жестокий и безжалостный.

— Настя, — Лазарев снова напоминает о себе, указывает взглядом на кресло. — Садись. Я делаю, как он говорит, тёплые руки ложатся мне на плечи.

— А теперь расслабься и почувствуй себя главной.

— Я и есть главная.

— Да, но ты понимаешь это умом. Однако, не чувствуешь свою власть. А теперь посмотри на список тех, кто сегодня придёт к тебе на поклон, — двигает ко мне бумагу с именами. Внушительный такой список. — Прочитай. Смотри, сколько людей. И глянь, какие должности они занимают. Все эти люди твои подчинённые, Анастасия, — вздрагиваю от того, как звучит моё имя. Так же меня называл Самир. Анастасия...

— Не называй меня так.

— Почему? — Захар склоняется ниже. — Ты хочешь остаться Настей? Маленькой, серенькой мышкой, которую пинает каждый, кому не лень? Не заебалась от этого? Прятаться, убегать, просить о помощи? — он бьёт точно в цель, потому что в следующий момент, я — уже не сомневающаяся и робкая Настя, а холодная, расчетливая и сильно обозлённая Анастасия Ивановна.

— Ты прав. Извини. Растерялась что-то.

Захар похлопывает меня по плечу, обходит стол и садится на первый стул из длинного ряда.

— Не позволяй им манипулировать собой. Они должны слушать тебя с открытым ртом, а не ты их. Ясно?

— Да. Ну что, сколько у нас осталось времени? Успеем выпить кофе?

Слышим голоса из коридора, слышится стук, и к нам заходит Антонина с подносом.

— Ваш кофе. Там пришёл Михаил Юрьевич, директор торгового центра «Эра Молл». Спрашивает, готовы ли вы его принять? — женщина смотрит на меня, но с опаской косится на Захара. Сразу чувствуется, кто тут обладает силой и мощью.

— Нет, пусть подождёт, — говорю строго. — Пригласите, когда все соберутся.

Захар одобрительно щурится, берёт свою чашку с кофе и двигает мне мою.

Встреча проходит в напряжении. Этому служит мощь, исходящая от Лазарева, новое лицо в кресле главного (то бишь, моё) и полное непонимание того, что происходит. Мужчины разных возрастов и должностей, но все занимают высокое положение в обществе. И мне страшно от этого. Потому что в каждом из них я подсознательно вижу врага. Почему-то. Они все беспрекословно подчинялись Самиру, но смогу ли я справиться с этими прожженными акулами бизнеса. Ведь они не партнёры, они мои сотрудники.

По словам Захара, я должна их прогнать под себя, показать «кто тут главный». А я сомневаюсь, что смогу. Вот совсем не уверена.

Однако присутствие Лазарева вселяет в меня спокойствие, и я продолжаю наше знакомство.

— Михаил Юрьевич, а что случилось с арендой помещений? Почему я не вижу отчётов за прошлый месяц?

Лысоватый мужичок лет шестидесяти, с приторной улыбкой, острой бородкой и в очках с толстыми линзами подаёт мне папку.

— Здесь всё, Анастасия Ивановна. Ознакомьтесь, прошу.

Я изучаю содержимое папки и хмурюсь с каждой прочитанной строчкой всё больше.

— Таблицы практически пустые. Куда подевались деньги с аренды? В «Эра Молл» только сдаётся около пятисот помещений. Я уже не говорю о тех, которые мы используем сами. Где всё это? — кладу папку на стол, хотя хочется швырнуть её проклятому аферисту, который расслабился и явно неслабо так подворовывал, надеясь отчитаться передо мной липовым, еле живым докладом. Это злит и оскорбляет. Стоило Самиру исчезнуть, как эти сволочи принялись дербанить его имущество. Сволочи, которым он платил больше, чем получают в нашей стране депутаты.

— Но... Кризис ведь, Анастасия Ивановна. А аренда у нас не из дешёвых, сами знаете. Я сколько раз говорил Самиру Камаловичу: давайте снизим, а он...

— Самира Камаловича больше нет! — не сдерживаюсь, повышаю голос, и тихие перешёптывания тут же смолкают. — Теперь я ваш шеф! Мне вы теперь подчиняетесь. И я требую, чтобы вы предоставили мне нормальный отчёт, а не это, — отталкиваю от себя папку, она скользит по глянцевой поверхности прямо в руки Михаила Юрьевича. Поворачиваю голову к Захару. — Пусть проверят, работают ли помещения, которые якобы не сдаются. — Захар кивает, прикрыв глаза в знак согласия. — И если всё так, как я думаю, — снова возвращаю внимание директору торгового центра, — я вас не просто уволю. Я вас засужу.

После этого инцидента разговорчики и смешки прекращаются, и на меня смотрят уже по-другому. Некоторые всё ещё расслаблены, но уже не выказывают неуважения.

Спустя пару часов встреча закончена, а я выжата как лимон. Выпиваю стакан воды и выдыхаю.

— Это было не так уж и страшно, да? — Лазарев доволен. Я периодически вспоминала его уроки и использовала эти знания.

— Было бы легче, если бы и Евгений Павлович присутствовал.

Захар цокает языком, мотает головой.

— Нет, Анастасия Ивановна. Легче будет только тогда, когда ты сама научишься держать яйца этих говнюков в своих нежных, но цепких ручках. Понимаешь меня? Никто не сделает этого за тебя.

Снова стук в дверь, и я вздыхаю. Захар усмехается: мол, то ли ещё будет. И я сама прекрасно понимаю, что это лишь начало. Дальше будет сложнее.

— Войдите.

В дверном проёме появляется Антонина.

— К вам женщина пришла. Говорит, по личному вопросу.

Я сразу же выпрямляю спину, внутренне напрягаюсь. Алима? Неужели у этой гадины хватило совести прийти ко мне после всего, что она планировала сотворить? Но здесь Лазарев и охрана по всему офису. Я больше не беззащитна. Мне не страшен даже её цепной пёс.

— Пусть войдёт.

Антонина пропускает незнакомку в чёрной промокшей куртке, и я поворачиваюсь к большому панорамному окну. Дождь идёт... А я и не заметила.

— Здравствуйте. Мне нужно поговорить с Анастасией Сабуровой, — женщина всматривается в моё лицо.

— Кто вы? — она кажется мне смутно знакомой, хотя могу ошибаться.

— Я... мама Светланы. Вы её, наверное, не знаете. Она работала здесь, у вашего мужа. Она... Не важно, — вздыхает, пряча глаза.

А я начинаю догадываться, о ком она. Неужели та самая? Та Светлана, которой Самир оставил два внушительных счёта. Нетрудно догадаться, за какие заслуги, но я пообещала себе не лезть в это.

— И зачем же вы пришли?

— Моя дочь просила предупредить вас. Вам угрожает опасность.

— Это что, угроза? — гремит голос Захара, и сразу становится спокойнее.

— Нет, что вы... Нет! — женщина срывается на крик, но быстро берёт себя в руки. А я замечаю, как сильно трясутся у неё руки. Она не со злом пришла. Она напугана. Да так, что вот-вот свалится на пол. — Моя дочь попала в плен к одному очень нехорошему человеку...

— А моя жена здесь при чём? — не унимается Захар, и я останавливаю его жестом руки.

— Почему ваша дочь сказала, что мне угрожает опасность?

Женщина поднимает на меня взгляд покрасневших и опухших от слёз глаз.

— Это он убил вашего мужа. Он убил Самира Сабурова.

— Насть? Ты снова ушла в себя? — Захар ставит передо мной бокал вина, себе наливает коньяк и садится напротив. Рядом вертится Амур, выпрашивает вкусняшку, и я даю ему кусочек мяса со своей тарелки. — Смотри, закормишь. Он у тебя и так как шарик качается.

В этом весь Захар. Он всё видит, всё замечает, всё анализирует. В точности, как делал Самир. И этим сильно подкупает. Теперь, когда Самира нет рядом, он единственный, чьё мнение меня беспокоит. Потому что Лазарев всегда оказывается прав.

— Не закормлю. Он и так на диете.

— А что насчёт тебя?

— А что, мне тоже нужна диета? — осматриваю себя, притворяясь дурочкой.

— Настя.

— Я не могу об этом не думать. Я ведь каждый день вспоминаю обо всём и гадаю, кто это сделал. Кто сотворил такое... Кто лишил меня всего. Я перебрала всех. Его друзей, знакомых, партнёров и подчинённых. Даже тебя... И не могла понять, кто убил Самира. А теперь я знаю имя этого подонка. Знаю, понимаешь? Как же мне не думать, Захар?

— Я же сказал, что во всём разберусь. Я займусь этим с завтрашнего дня. Всё проверю. Обещаю. Мудак ответит за всё то, что сделал, за то, что пытался, и за то, что только созревает у него в мыслях. Ты же знаешь, я держу своё слово, — награждает меня строгим, серьёзным взглядом.

— Знаю. Я знаю. Но бездействовать так сложно. Меня это огнём теперь будет жечь. И эта девушка... Светлана. Её мать говорила, она в плену. Об этом тоже всё разузнай.

— Хорошо, — Лазарев поднимает бокал, чокается с моим. — А теперь ешь. А то выглядишь, не как большой босс, а как малолетка какая-то.

Смеёмся. Пожалуй, Захар ещё и единственный, кто может заставить меня улыбнуться. И это тоже дорогого стоит. Но уже наступил вечер, а это священное для меня время. Время, когда мы с Амуром остаёмся вдвоём. Нам так хорошо, нам так нравится.

Поглядываю на настенные часы, потираю запотевший бокал и кусаю губы, не зная, как ему сказать... Но Захар сам всё понимает, допивает коньяк и поднимается.

— Ну что ж, время позднее. Мне пора. Ещё дел невпроворот. А ты отдыхай. Сегодня был трудный день. И завтра будет нелёгкий. Спокойной ночи, Настя, — не дождавшись моего ответа, направляется к двери, а мы с Амуром спешим за ним. Провожаем до двери, ждём, пока он накинёт куртку.

— Спасибо, Захар, — говорю, уже когда он берётся за ручку двери. — За всё спасибо.

Он застывает боком ко мне, вижу, как губы растягиваются в улыбке.

— Пока не за что, Настя. Скажешь спасибо, когда твоя жизнь действительно наладится.

— Ну что, ты успокоилась? — он задаёт мне этот вопрос спустя три дня. До этого я была заперта в комнате с дочкой. Хорошо, хоть с ней не додумался разлучить. Мне всё же следует быть осторожнее.

— Успокоилась, — цежу, стиснув зубы.

— Отлично. А то я уже думал заказывать тебе палату, — закрываю глаза и внутренне вздрагиваю. Мне в психушку теперь никак нельзя. Я теперь в ответе не только за себя. Если

этот ублюдок отберёт у меня дочку, тогда я точно сойду с ума. Он проходит по детскому ковру в своих начищенных до тошнотворного блеска туфлях, останавливается у люльки. — А она подросла. Красавица. Только не пойму, на кого похожа? На тебя? Или...

— На меня!

Не хочу, чтобы он приближался в ней. Только не к моей крошке. Она не должна в этом участвовать. У неё должно быть нормальное детство. Подальше от людей, а вернее, нелюдей, вроде Елисеева. Я должна сделать всё, чтобы поскорее избавиться от него. Но пока только получается загнать себя в ловушку. Ещё глубже в чащу. Кажется, меня с каждым днём всё сильнее опутывают его руки и душат, душат... Лишают сил. Я дёргаюсь, словно птица, попавшая в силки, и с каждым движением делаю себе только больнее. Душа рвётся в клочья.

— Не нервничай, — он всё-таки отходит от люльки, и я не сдерживаю облегчённый вздох. — Давай лучше пойдём на кухню, приготовишь нам завтрак. Заодно поговорим.

— Завтрак? — Обычно дома, в том числе и готовкой, занимается прислуга. Поэтому я удивляюсь, настороженно поглядываю на него.

— Да. А что такого? Ты же моя жена, забыла? — произносит с усмешкой и, резко выбросив руку, хватается меня за предплечье, притягивает к себе. Я судорожно дёргаюсь от испуга, но не подаю ни звука, чтобы не испугать Лизу. — Я отпустил прислугу. Ты опять начала совершать глупости, и я решил, что время, проведённое втроём, поможет. Нам просто нужно время, — повторяет так, словно убеждает в этом сам себя. Большой психопат.

— Хорошо. Что ты хочешь на завтрак?

— Тебя, — шепчет мне на ухо, и я отдёргиваю голову в сторону. — Ну или хотя бы яичницу.

Пока я стою у плиты, он прохаживается сзади и каждым шорохом нервирует меня. Хочется взять раскалённую сковороду и врезать этой мрази промеж глаз. Только я могу и не успеть.

— Света, я всё обдумал и пришёл к выводу. Что так продолжаться не может. Нам нужно что-то менять.

Теплом в животе всколыхивается надежда... А вдруг он решил меня отпустить? О, это было бы прекрасно. Слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

— И что же ты хочешь изменить? — подаю голос, не отрываясь от помешивания.

Чувствую, как он приближается ко мне, по телу бегут отвратительные мурашки. Сглатываю. Только пусть не прикасается. Не хочу.

— С сегодняшнего дня мы будем жить как муж и жена, коими мы и являемся. Это значит, что ты будешь готовить мне завтраки, обеды и ужины. Будешь слушать меня во всём, будешь спать со мной. Хватит этих игр. Я слишком долго ждал. Сначала ты страдала, потом рожала, теперь опять чего-то выёживаешься. А я устал. Я положил много сил, чтобы добиться тебя. И я тебя хочу. Как свою женщину, как жену, как любовницу, в конце концов.

Кровь застывает в жилах, и я роняю лопаточку. Хватаюсь за панель и медленно выдыхаю. Я знала, что этот день наступит. Знала. И готовилась к нему, как к неизбежному. Но теперь понимаю, что совершенно не готова.

— Надеюсь, ты не будешь сопротивляться. Нам обоим это ни к чему. Мы ведь взрослые люди, — увещевает поучительным тоном, и я медленно поворачиваюсь к нему.

— Ну, если тебе нравится трахать брёвна, то — пожалуйста. Вот она я, — развожу руки в стороны и тут же получаю звонкую пощёчину.

— Я же предупреждал, — рычит, глядя, как я прижимаю ладонь к полыхающей щеке, и

наступает, загоняя меня в угол. — Объясни мне, Света, зачем ты каждый раз доводишь до крайностей, мм? Что происходит в твоей голове, а? — стучит указательным пальцем по моей макушке и вжимает в стену, когда я упираюсь в неё спиной.

— Прости. Это всё нервы. Я тебя поняла, — произношу затравленно, и он шумно выдыхает через ноздри.

— Хорошо, что поняла. А то я устал с тобой возиться.

— Самир Камалович, я привёл его. Проходи.

За Карамом вошёл щуплый парнишка лет двадцати пяти от силы. В дырявых джинсах, заношенной куртке из кожзаменителя и очках с узкими линзами. Такой себе задрот. Самир нахмурился. И это он? Великий ум человечества? Серьёзно? Но Карам молча кивнул ему, подтверждая, что да, он.

По идее, этот сопляк гений. Может, маскируется? Кто же такого заподозрит?

— Проходи, Иван. Как дела?

Покусывая нижнюю губу, пацан осмотрелся вокруг, неловко сунул руки в карманы.

— Здрасьте... Дела, в принципе, были нормально с утра, а сейчас вот не уверен. Я чё, спалился, да?

Самир усмехнулся.

— Говорят, ты толковый хакер? Где учился?

— Ну, точно спалился, блин... — парень поджал губы, вздохнул. — Так и знал, что не надо было на ментовский сайт лезть. И чё теперь? Покалечите или посадите?

— Я задал тебе вопрос, — склонив голову, посмотрел на пацана исподлобья, а тот, струхнув, отступил назад, но Карам подтолкнул его в спину.

— Да нигде я не учился. Самоучка. Я ж и вреда никакого не приношу. Так, балуюсь...

— Ну не скажи, — Сабуров взял трость, поднялся и шагнул к нему. — Такое баловство может сильно тебе аукнуться, парень. Видишь, мы ведь смогли тебя отследить? И кто-то другой сможет.

Тот окинул взглядом его костюм, снова осмотрел кабинет.

— А вы это... Вы не менты, да?

— Нет. Не они, — указал тростью на стул напротив. — Садись, Иван. Меня зовут Самир Камалович, и я не имею никакого отношения к тем, кто там тебя хочет наказать. Напротив, хочу предложить работу. Ты столько не зарабатываешь, взламывая сайты мелких ИП и госструктур. Кроме того, будешь заниматься этой хернёй и дальше — можешь нехило попасть. Рано или поздно ведь найдут. А я дам тебе крышу, деньги и хорошую аппаратуру. Безопасность гарантирую. Что скажешь?

Иван заметно осмелел, присел. Облизнув губы, задумался. Казалось, Самир слышит, как работают в его голове шестерёнки.

— А это противозаконно?

— Да. Но я уже сказал, тебе ничего не грозит. Всё, с чем ты будешь работать, принадлежит мне. Это такая игра. Тебе не стоит ломать над этим голову. Просто делай, что скажу.

— Ну... Если всё по-честному будет, и меня не кинете, то я с удовольствием.

Самир наполнил бокалы «Реми Мартином» и парень ошарашено уставился на бутылку.

— А это чё, настоящий? — округлил глаза. — Я такой себе только фотошопил. Ну,

чтобы попонтоваться перед девчонками, — улыбнулся, но, не встретив ответной улыбки, сник.

— На, сам попробуй, — Сабур поставил перед ним бокал. — Если будешь работать на меня, понтоваться больше не придётся. Ты сможешь купить себе всё, включая девчонок.

Пацан пригубил коньяк, поморщился.

— Ну и гадость. Хоть и дорогая. А «Пепси» есть?

— Что ты знаешь о киберслежке, Иван? Занимался чем-нибудь подобным?

— Да собственно... Всё знаю. Кибербезопасность — величайшее заблуждение человечества, Самир Кама... Каламо...

— Камалович, — поправил его Карам, и парень подпрыгнул, оглядываясь на помощника. Видать, хорошо сопляка прессонул.

— Да. Я так за однокурсником следил. Все его карты, номера телефонов, переписки. В общем, всё было у меня в кармане. Он даже не понял, кто его обчистил, — и тут же спохватился: — А нечего было меня пучеглазым обзывать. До сих пор эта кликуха осталась.

Самир прошёлся по кабинету, стиснув зубы от боли. Остановился у стола и посмотрел на монитор ноутбука, где улыбалась она. Фотография со свадьбы. С их с Самиром свадьбы.

— Это нормально, Иван. Мстить тем, кто причинил тебе боль. Я тоже планирую это сделать. И ты, — указал на него тростью, — ты мне в этом поможешь.

Целую в макушку свой маленький, но самый дорогой в целом свете подарочек и с улыбкой вспоминаю те дни, когда мы с Самиром были вместе. Я знала, что он меня не любит. Он никогда не врал мне и всегда был предельно честен. Но любила я, и этого было достаточно. Я была готова ждать его вечно. Нет, я не мучилась и не страдала с ним. С ним невозможно страдать. Я жила, я была счастлива. Я дышала полной грудью. До того дня, когда он решил выкинуть меня из своей жизни. Это было больно. Так больно, что сердце будто в пепел обратилось. Я как птица Феникс сгорала каждый день и каждый день возрождалась, чтобы снова сгореть.

Теперь же я сгораю, чтобы возродиться из пепла. Наступаю себе на горло, запираю душу в стальную клетку, чтобы она не вырвалась и не вспыхнула от боли. Она кричит там и бьётся о прутья, разбиваясь в кровь, разлетаясь на ошмётки...

Да, я знала, что рано или поздно мне придётся переступить через себя и шагнуть дальше. Я понимала это и когда сходилась с Елисеевым. Но тогда я не знала, кто он. Я не знала, что он сделает с моей жизнью и во что превратит её. Теперь знаю. И это знание уничтожило всё, что могло к нему родиться в душе. Кроме ненависти не осталось ничего. Чёрной, жгучей ненависти, которая пробирает до костей и испарывает вены. У меня только один выход. Один шанс.

Убить его. Уничтожить. Сотворить с ним то, что сотворил он с Самиром.

— Всё будет хорошо, моя девочка, — поглаживаю пальцем пухлую щечку Лизы, а она сладко причмокивает губками. — Мама вытащит нас отсюда. Я никому не позволю рушить нашу жизнь. Больше нет.

Укладываю крошку в кроватку и подхожу к зеркалу. Я не наряжалась с тех пор, как рассталась с Самиром. Кажется, это было так давно... Где-то в прошлой жизни. Последние месяцы я одевалась исключительно в спортивную одежду, джинсы, майки и толстовки. Косметика испортилась, а волосы отросли настолько, что достают до бедер.

Сейчас на мне красное приталенное платье, волосы собраны в высокую причёску, а на губах улыбка. Только не искренняя, не радостная. Злая и ледяная.

Слышу, как открывается дверь, Елисеев шагает в комнату.

— Уснула?

— Да... Я готова.

Он подходит сзади, кладёт руки мне талию и смотрит на наше отражение.

— Ты такая красивая, ангел. Я уже и забыл, какая ты бываешь охрененная, — он говорит правду. Я бываю, да. И буду впредь. Пойду на всё, лишь бы добиться свободы.

— Спасибо. Ну что, пойдём?

Месяц спустя

— Как такое может быть? Зависли все компьютеры и программы. Я даже не могу со своего ноутбука зайти, — спрашиваю молодого парня, но тот беспечно пожимает плечами.

— Хакерская атака, — с умным видом заключает компьютерщик и, почесав затылок, печатает набор каких-то символов. — Думаю, ничего серьёзного, кто-то балуется. Хотя... Как-то мудрёно всё...

— Можно проследить, кто это сделал? — гремит над ним Лазарев, и парень резко выравнивается, напускное спокойствие вмиг исчезает.

— Это никак невозможно. К сожалению. Очень хитро всё продумали. Несколько левых адресов — и обнаружение хакера становится в десятки раз сложнее, а тут их тысячи... Я такого вообще не видел.

— И что там происходит, пока у нас нет доступа? — шипит разъярённый Захар. — Как скоро ты получишь доступ?

— Доступ получу скоро. А вот что там сейчас происходит, трудно понять. Слишком серьёзная атака. Мне нужно ещё пару человек, один не справлюсь. Я с такими атаками ещё дел не имел.

Лазарев приглушённо ругается, кому-то звонит. А я вдруг вспоминаю Анонима. Может, это он? Ведь как-то же ему удалось вычислить мой номер телефона и узнать личную информацию. Ещё и голос Самира так натурально подделал, что я тогда чуть с ума не сошла. До сих не знаю, кто был этот человек и в какие игры он со мной играл. Я почти забыла о нём, но сегодняшнее происшествие напомнило мне... Правда, Аноним — не единственная тёмная лошадка в моей жизни. Есть ещё Алима и её почти верный пёс Тагир со своими криминальными связями. Эти сволочи тоже способны на что угодно. Не зря же они притихли.

А есть ещё и главный мерзавец. Самый сволочной и гадкий из всех. Елисеев — бывший парнёр Самира, он же его убийца. Тварь, которую никак не могут отыскать. Телефон, с которого Светлана звонила своей матери, странным образом исчез из сети, и даже не удалось выяснить, откуда был совершен звонок, а это была единственная зацепка. Однако я не теряю веры в то, что однажды посмотрю этой мрази в глаза и уничтожу его. Сотру с лица земли и я, клянусь, на это способна. Я этого страстно желаю.

— Мать Светланы сказала, что мне угрожает опасность. Может, она предупреждала об этом? — говорю негромко, когда Захар отдаёт кому-то строгие приказы немедленно прислать ему самых толковых компьютерщиков и сбрасывает звонок. С минуту внимательно смотрит на меня.

— Что ж, если действительно он — это будет его последняя ошибка. Я найду эту падаль, где бы он ни прятался. Всю жизнь скрываться не сможет. — Ну что там?! Доступ восстановил? — снова наседает на нашего офисного паренька, и мне становится жаль беднягу. Он всего три недели у нас работает и явно не дотягивает до нужного уровня. Люди, которые работали у Самира, за этот месяц повально пошли на увольнение. Причём по собственному желанию все. Некоторых я просила остаться, но они даже в глаза мне не посмотрели. Будто я пустое место. Будто меня нет. Так, словно я предала Самира, и они не

смогли меня простить. Но я этих людей не знала. Как и они меня. Едва ли ушли из-за этого. Скорее всего, просто не смогли свыкнуться с мыслью, что ими теперь командует женщина.

— Есть! Всё готово. Сейчас узнаю, что они здесь делали! — радостно выкрикивает парнишка, а я кисло улыбаюсь в ответ.

Пока он стучит по клавиатуре, отвожу Лазарева в сторону.

— Нам нужны профессионалы, понимаешь? Как, объясни мне, у хакеров получилось сломать такую сильную защиту! Её создавали очень умные люди. Не такие, как этот мальчик, а настоящие профи. А этот не смог даже уследить за безопасностью, — чувствую, как начинаю задыхаться. Я не имею права всё потерять, а так и будет, если срочно не найду достойных сотрудников. — Эта работа не для студентов на подработке. Найди мне профессионалов, Захар!

Он шумно выдыхает через нос, о чём-то долго думает.

— Знаю я всё. Но кто мог представить, что практически целый штат уволится за такой короткий срок? Сейчас приедут нормальные ребята, всё наладят, не переживай.

А через минуту я узнаю, что два секретных счета просто обнулились. Так называемый компьютерщик нервно сглатывает, проводит по взмокшему лбу ладонью, а я поворачиваюсь к Захару. Тот хмурится, сжимает кулаки и надвигается на парня.

— Ты что мелешь, блядь?! Как это деньги исчезли?! Все тридцать миллионов?!

Что-то обрывается внутри, и я хватаюсь за край стола, чтобы не упасть. Парнишка что-то лопочет в своё оправдание, а Захар рычит на него. Я же судорожно проверяю остальные счета. Деньги украли со швейцарских счетов. Провели по нескольким банкам, каким-то организациям и всё так быстро, что я, обалдев, закрываю лицо руками и крепко жмурюсь. Не может быть. Не может... Это какой-то дурной сон!

Однако всё действительно так, и радуется лишь одно — остальные счета остались целыми, будто грабителей они вовсе не интересовали. Или, скорее, просто не успели, потому что мы восстановили доступ.

— Выдыхай, — Захар сжимает мои плечи, меня окутывает запахом его приятного одеколona и сигарет. — Мы найдём их.

А я горько усмехаюсь, качаю головой. Ничего мы не найдём. Если эти люди так лихо и быстро всё провернули, то и куда деньги спрятать — тоже знали. Они готовились к этому.

— Найди проклятого Елисеева! — сиплю, хватаясь за горло, потому что говорить ещё сложнее, чем дышать. — Найди мне этого подонка!

— У тебя сегодня хорошее настроение, — он улыбается, разглядывая кекс с нарисованной кремом улыбкой.

— Да, сегодня замечательный день, — выкладываю на блюдо остальные кексы с разными рожицами.

— Лиза спит ещё?

— Да, скоро уже проснётся.

— Чем будете сегодня заниматься? — он отрезает кусок ароматной выпечки и отправляет в рот. — Ммм... Как вкусно. Я уже от твоей стряпни растолстел. Надо в спортзал походить.

— Не говори глупостей, ты в хорошей форме, — ставлю рядом с ним чашку кофе, но не успеваю убраться руку. Её перехватывает Елисеев и сильно сжимает запястье.

— Ты не слышала вопрос, который я тебе задал? — его тон из елейного мгновенно превращается в угрожающий, и я растерянно хлопаю ресницами.

— Что ты, нет... Мы с Лизой погуляем в саду. А потом... Поедим, я почитаю ей сказку, она ещё не понимает, но всегда внимательно слушает... — трещу без умолку, чтобы психопат переключился и успокоился.

Это срабатывает, Денис отпускает моё запястье.

— Хорошо. Вечером приеду, ходим в ресторан. Уложи девочку пораньше.

Я выдыхаю.

— Как скажешь.

Он поднимается, отбрасывает смятую салфетку на стол и, притянув меня к себе, целует в губы. Отвечаю ему, проглатывая лютую ненависть, что разом вскипает в жилах, и улыбаюсь, когда он, отстранившись, смотрит на меня.

— Хорошего дня, ангел.

— И тебе, Денис, — я пробовала пару раз назвать Елисеева «дорогой», но это слово застревало в глотке, и я никак не могла его вытолкнуть оттуда.

То, что происходит между нами, и так слишком. Слишком много боли и ощущения слепой, беспомощной ярости. Эти чувства сжигают меня дотла, и я понимаю, что когда-нибудь не выдержу. Сорвусь. И тогда уже мне не заслужить его доверия. А оно мне очень нужно. Чтобы однажды воспользоваться им и ударить мразь в спину.

И этот день грядёт. Совсем скоро я буду готова.

— Самир Камалович, вы готовы?

— Давай уже, — вздохнул. Он не был уверен, что хочет это видеть. Знать это. Вообще не уверен.

— Что ж, как вы и пожелали, Иван взломал её личный ноутбук и телефон. Я проверил всю информацию, что была там и не нашёл ничего из того, чего бы мы не знали. Ну, кроме одной мелочи. Вернее, мне так показалось, что это мелочь изначально. Однако я всё же проверил, и оказалось, что это очень важная мелочь.

— Короче, Карам. Не тяни. Должен что-то сказать — говори, — хрустнув пальцами, открыл экран ноутбука. А там снова она. Улыбается. Тогда ещё ему.

Помощник вздохнул, будто пытался собраться с духом, что на решительного Карам очень не похоже. Обычно он рубит с плеча, причём сразу. Самир насторожился, сжал рукоять трости и сдвинул до скрипа.

— Я обнаружил у неё в сообщениях письмо от врача из медицинского центра. Там ничего особенного, просто счёт за какие-то услуги. Медцентр тот, где прошли роды. Сначала я подумал, что это счёт за услуги, палату и тому подобное, и отложил. Но мысленно почему-то всё время возвращался к нему. И вскоре, когда отыскивал настоящую квитанцию за обслуживание, понял, что конкретно не давало мне покоя... — Карам на какое-то время замолчал, отыскивая среди кипы распечаток нужную, а Самир медленно выдохнул, пытаясь унять вновь пробудившуюся тяжесть в груди. Сколько он ни пытался, как ни старался, не мог забыть тот момент, когда узнал о смерти своего сына. Вновь и вновь проживая эту минуту, изо дня в день сгорал в этом пламени. Сабуров винил себя. Себя одного. И был, конечно же, в этом прав. Если бы он не валялся месяцами в отключке, пока на неё свалились все беды, возможно, ребёнок остался бы жив. Его ребёнок, его сын. Часть его давно обугленного и

заледенелого сердца. Он ненавидел своё сердце, которое не смогла остановить даже пуля, и теперь оно адски полыхало в ярости и боли. Ненавидел свои ноги, которые так толком и не восстановились и причиняли едва не такую же боль. Хотя нет... Та, что в сердце, сильнее в сотни, в тысячи раз. — Вот. Посмотрите на распечатку из медцентра и на эту, тоже из медцентра, но разительно отличающуюся. В первом письме, присланном на электронку, есть подпись доктора, принимавшего роды. Там же и эпикриз, и даже печать. А во втором, пришедшем на личный телефонный номер, ничего. Только номер карты и сумма. Ну разве не странно?

Сабур часто заморгал, избавляясь от недавних воспоминаний и подавляя в себе стон боли, что уже много недель рвался наружу.

— Не особо. Взятка, скорее всего, какая-нибудь, — проскрипел, пытаясь абстрагироваться. Сейчас он чувствовал, что не готов узнать о Насте то, чего не знал раньше. — Всем известно, что врачи берут дополнительную плату. Ничего удивительного.

— Увы. Я тоже хотел в этом убедиться, но... — помощник нещадно топтал попытки Самира подсознательно защитить её. Или просто не слышать того, что должно прозвучать. — В общем, по номеру карты я узнал имя врача и нашёл его. Он отказался вести диалог цивилизованно и всё отрицал. И чем больше он отрицал, тем сильнее я убеждался, что здесь что-то не так. Мне пришлось отбросить попытки поговорить с ним на человеческом языке и перейти к более жёсткому методу. Куликов Никита Семёнович — его имя. Это главврач клиники, в которой продали вашего ребёнка, Самир Камалович.

Повисла тишина. В ней Самир отчётливо слышал, как бьётся собственное сердце. Как оно колотится о рёбра, будто собирается разбиться на осколки, превратиться в кровавые ошмётки, как после разрывной пули, которыми его нашилиговали тогда от души. Но даже тогда он не чувствовал того, что ощутил сполна сейчас.

— Что ты несёшь, Карам? Мой сын родился мёртвым! — процедил сквозь плотно сжатые зубы и подался вперёд, через стол хватая помощника за лацканы пиджака. — Ты что? Что пытаешься сказать мне? Ну?!

Тот осторожно отцепил от себя руки Самира и протянул свой мобильный.

— Я знаю, что в это трудно поверить. Также осознаю, что почти невозможно принять то, что это сделала ваша женщина. Но на этой записи всё есть. Это допрос врача. Вы всё увидите и поймёте, что в тех условиях он не мог сказать неправду. Кроме того, он жив, и если вы захотите лично его допросить, то он скажет то же самое. Анастасия велела продать ребёнка. Она даже отказалась взять его на руки, когда младенец родился. Его сразу же увезли какие-то люди. Ни врач, ни сама Анастасия не знают их имён — таким был уговор. Следов никаких. Мы будем искать, но... Вы же понимаете, как всё это сложно. Практически невозможно.

Сжав края стола то треска, закрыл глаза.

— Настя не могла этого сделать. Она могла предать меня. Могла изменить. Но сын... Нет. Она не могла. И раз уж на то пошло, она не нуждается в деньгах, — стиснул зубы, потому что всё вокруг заплесало в каком-то адском вертепе. Мысли, слова Карамы. Её голос с очередной записи, где они с Захаром воркуют в его — Самира! — кабинете.

— Вы правы. Не нуждается. Только дело ведь не в деньгах было, а в самом младенце. Средства, которые она получила за ребёнка, были переданы Куликову за молчание. Он же и рассказал мне о подслушанном разговоре, который состоялся в палате Анастасии ещё до родов. Она клялась Лазареву, что не оставит ребёнка от... ублюдка. Извините...

— Хватит, — хрипло, почти не дыша.

— Мы с вами уже знаем, что отношения Лазарева и Анастасии начались сразу же после вашей, якобы, смерти. Но, возможно, они начались ещё раньше. Я проверю и это.

— Хватит, сказал! — еще сильнее стиснув зубы и всё-таки выдыхая. — Ты подготовил дом?

Карам покачал головой, явно не одобряя его намерения. Только сейчас всё казалось более логичным. Часть сердца вдруг ожила, и внутри стало тепло. Гневом опалило, и кровь вскипела. Для неё уже ничего не изменится — вердикт вынесен. Но его сын жив. Он где-то есть! Он существует.

— Самир Камалович, я уже вас спрашивал, но спрошу ещё раз. Зачем вам всё это? Почему просто не убьёте их обоих сразу, без этих предисловий? Ведь это удар по вашей чести, по вашему имени, по вашей душе, в конце концов. Если бы мы были на родине — вам бы пришлось это сделать сразу, вы ведь знаете. Эти игры ни к чему хорошему не приведут. Вы только истязаете себя. Я вижу вашу боль. Она жжёт вас изнутри. Зачем вы терпите её? Знаете, я помню, что однажды сказал ваш отец. Если началась гангрена — нужно вовремя отрезать больную конечность, иначе она отравит ядом всё тело. Вы должны избавить себя от страданий. Напейтесь, потом проспите и снова напейтесь. И так до беспамятства. А когда чувства умолкнут — отдайте мне приказ, и я всё закончу. Я сделаю это так быстро и тихо, что вы даже не узнаете, где их тела.

Самир затянулся горьковатым, крепким дымом, задержав дыхание, закрыл глаза. Боль его жжёт так же, как этот дым. Полосует по кровоточащим тканям.

— Я не из тех, кто пьёт и забывает. Это удел слабых людей. Ты всё ещё не знаешь меня, Карам? Разве не знаешь? Эта женщина будет казнена только после того, как я уничтожу её. Отберу у неё всё, чего она добивалась так долго. До последней крошки отберу. А потом она узнает, что значит предать Самира Сабурова. Реши вопрос с домом в самое ближайшее время. Чтобы всё учёл! И начинай поиски моего сына. Он должен быть у меня.

Я не готова. Не готова ко всему этому. Мне казалось, что я смогу, что став сильнее, уложу на лопатки всех врагов. Но теперь понимаю, что все усилия были напрасными.

Я не готова.

Не смогу.

Больше не смогу тянуть всё это на себе.

Смотрю на мечущихся пожарных и, прислонившись к дереву, прикладываю руки к животу.

— Мама не смогла, малыш. Не смогла. Я так мечтала о том, что ты будешь рядом, будешь жить... Но ты ушёл. Оставил меня. И я ослабла. Осталась одна и потеряла надежду. Теперь моя жизнь вот такая... А какой я хотела её видеть, вижу лишь во сне, когда ты и твой папа приходите ко мне...

— Ты не одна, Настя. Не одна, — мне на плечо ложится тёплая ладонь Захара. — Я всегда рядом. Ты же знаешь об этом, да? Так зачем расстраиваешься? Это всего лишь склады. Всего лишь помещения. Товара там было не так много. Убытки — да, но ведь главное, что никто не пострадал. Это проделки конкурентов или банально замкнувшая проводка. Как бы там ни было, всё пройдёт. Такое случается, Настя. Если ты будешь расстраиваться так каждый раз...

— Какая проводка, Захар? Какая проводка, скажи мне?! Это происходит каждый день. Каждый день что-то случается. То взлом системы, то грабёж, то вот пожар... Ты не понимаешь? Кто-то делает это специально! Кто-то пытается уничтожить всё, что у меня есть. Отобрать, сломать, сжечь, покалечить меня ещё сильнее. Я не могу больше. Не могу. Так тяжело. Это оказалось выше моих сил. Такая непосильная ноша, — отталкиваюсь от дерева, намереваясь уйти, но ноги не слушаются. Будто приросла к месту и не могу отвести взгляд от языков пламени, лижущих остатки строения.

— Настя. Я найду их. Скорее всего, это сестра Самира и её муженёк-уголовник. Они ведь хотели заполучить всё это. А заполучила ты. Вот и пытаются вывести тебя из равновесия. В любом случае я узнаю, кто это сделал, и накажу по всей строгости. Обещаю, — его слишком спокойный голос почему-то раздражает. Бесит. Почему он так спокоен в то время, когда у меня всё рушится? Почему? Почему он не Самир? Самир бы остановил всех врагов и спас бы меня.

— Ты не понимаешь? Это всё делается для меня! Они могли бы убить меня, а потом прибрать к рукам бизнес! Они могли бы сделать что угодно, но вместо этого взламывают компьютеры и сжигают склады?! Это чушь! Я не верю! Всё это со мной делает враг, намного серьёзней и страшней — Елисеев! А ты, вместо того, чтобы искать его, утираешь мне слёзы! Я только мешаю, я лишняя! Я везде лишняя! — проглотив слёзы, поворачиваюсь к машине. — Поехали в офис. У нас есть дело. И пригласи Евгения Павловича.

— Какое дело, Насть? Тут ещё не закончили. Сейчас менты приедут, надо разобраться, решить всё с бумажками, — он пытается схватить меня за запястье, но я отдёргиваю руку. — Насть, да что с тобой? Что ты задумала?

— Всё, Захар. Я решила. Всё. Я передам тебе дела и уеду. Мне нужно отдохнуть. Я устала от всего этого.

— Что? Сдаешься? Вот так легко? Тебе хватило нескольких происшествий, чтобы

опустить руки?

— Нет! Не нескольких происшествий! Сначала гибель Самира, затем гибель моего сына! И то, что я испытываю каждый день, каждую минуту... Это страшно, Захар! Я горю в этом огне! Он жжёт меня изнутри, вот здесь! — прижимаю руку к груди, хочу потушить эту полыхающую боль, но она разгорается сильнее, и по лицу начинают течь солёные слёзы с привкусом горечи.

Захар хватается меня за плечи и впечатывается своими губами в мои, а я леденею. Превращаюсь в статую. Он целует порывисто, так же резко отстраняется. Смотрит в мои глаза и медленно выдыхает.

— Ты... Ты что, Захар? Зачем это? — делаю шаг назад и, споткнувшись, падаю, но он меня ловит, прижимает к себе.

— Прости меня. Я сам не знаю, как так получилось. Ты извини, Насть. Что-то щёлкнуло в голове.

— Пожалел, да? Не стоит. Меня жалеть не нужно. Ясно?

Он кивает, морщит лоб и тяжело вздыхает.

— Ясно, Настён. Всё ясно. Только я не жалею. Я... Нравишься ты мне, в общем. Очень. Я вырываюсь из его рук и бегу к машине. Охранник распахивает передо мной дверь, и я влетаю в салон пулей. Захлопываю дверь прямо перед носом Лазарева.

— Поехали, быстро! — кричу водителю, и машина тут же срывается с места.

— Как успехи, Карам?

— Всё сделали, как вы и сказали, Самир Камалович. Анастасия и Лазарев тоже там были. Вот фото, — подаёт конверт, и Сабур кривится, принимая его. С каждым разом всё больнее на неё смотреть. Будто внутренности из него вырывают.

Первое время не верил, пытался её оправдать, понять. Да какой там... С каждым днём она сама зарывала его надежду и веру в землю. Топталась по ней ногами, держась за руку Лазарева.

Он мог бы понять и даже принять её поступок, если бы она вышла за Лазарева, чтобы защититься. Да, он оставил её. Ей было страшно. Она ведь не знала, что он жив и рядом. Не знала, что её круглосуточно охраняли даже в доме Алимы. Она осталась одна, растерянная и напуганная. Он знал это.

Но то, как они с Лазаревым смотрят друг на друга, то, как она поступила с его, Самира, сыном, то, как она ухватилась за наследство... Всё это уничтожало его веру в ту Настю, на которой когда-то женился. Той невинной девочки больше нет. Наверное, он сам виноват. Сам убил её, ту милую, добрую красавицу с печальным, притягательным взглядом. Возможно. Но как бы там ни было, её больше нет. Та, отчёты по которой он просматривает каждый день — не его жена. Не его любимая, чистая девочка, что когда-то освещала его черную душу своим светом.

Открыв конверт, уставился стеклянным взглядом на первую фотографию, где её успокаивает и обнимает Лазарев. Судорожно вдохнув, взял вторую. А там он её целует. Смял в руке конверт с остальными снимками и с силой зашвырнул в корзину.

— Я тебя спросил не об этой... А о сыне. Как продвигаются поиски?

— Ищем, конечно, но пока глухо, Самир Камалович. Ни одной зацепки. Этот врач никого не видел, даже описать толком ничего не смог. Под его описание приходится

половина населения страны.

— А что со Светланой? Ты всё узнал?

— Елисеев хорошо замёл следы, но мы уже вышли на него. Вскоре отыщем. А что делать потом? Забрать девушку у мужа и привезти к вам?

Постучал костяшками пальцев по столу, долго глядел в одну точку.

— Пока нет. Просто узнай всё. В особенности меня интересует её ребёнок. Родился ли, когда, кто. И фотографии чтобы были. Мне нужно его видеть.

Проще, конечно, было бы сразу добыть какой-нибудь волосок и сделать тест ДНК, но для этого ещё будет время. Сначала нужно разобраться с Елисеевым. Этот мудак ему кое-что задолжал.

— Приятного аппетита, — ставлю перед ним тарелку с исходящим паром блюдом, улыбаюсь намертво приклеенной улыбкой. Она, наверное, даже во сне не слезает с моего лица. В куклу превратилась в лапах этой мрази.

— Спасибо, — тянет как-то напряжённо и глядит так, будто в самую душу заглядывает. И мне становится не по себе. Неужели что-то понял? Заметил, что я подворовываю из его кошелька деньги и прячу их? Или видел, как я гуляла у забора, высматривая возможность для побега? Что?

— Что-то ещё хочешь? Может, чай заварить? — голос не дрожит и вполне спокоен. Этому я тоже быстро научилась. Нельзя показывать зверю страх, он его учует и тогда растерзает.

Елисеев отодвигает тарелку, медленно поднимается, и это, казалось бы, невинное движение вводит меня в ступор. И я не ошибаюсь. Уже в следующее мгновение прижимаю к полыхающей болью скуле ладонь и затравленно гляжу на чудовище.

— Не смотри так на меня, Света. Ты сама виновата в том, что нам никак не удаётся найти общий язык. Сама виновата, понимаешь? Думаешь, я не вижу, как ты смотришь на меня? Ты не так должна смотреть! — снова замахивается, а я зажимаюсь в угол.

— Не надо... Пожалуйста. Не кричи. Ты разбудишь Лизу.

Он не бьёт, опускает руку. А я оседаю на пол. Даже не хочу задумываться, что на этот раз послужило причиной его бешенства. Я в аду с психопатом — этого достаточно. Ему любой мой взгляд или вздох служит поводом для действий.

— Ладно. Ладно, блядь! — пинает ногой стул, и тот с грохотом отлетает в стену. — Иди в спальню и жди меня там. Я скоро приеду. Всё! Иди! — рывком поднимает меня, толкает, и я, ударившись спиной о стену, тихо всхлипываю.

— Хорошо... Как скажешь. Только не злись.

Наблюдаю за тем, как он уходит, слышу хлопок входной двери и бегу следом. Выглядываю в окно, жду, пока за его машиной закроются ворота, и выскакиваю на улицу. Вдыхаю полной грудью, проглатываю слёзы и сажусь на пороге.

— Не могу больше... Не могу. Мне так сложно, Самир. Так сложно. Если бы я тогда знала... Если бы только знала. Я бы ни за что не уехала с ним, не скрыла бы, что Лиза твоя. Я бы...

— Добрый вечер, Светлана, — из темноты прозвучал чей-то голос, и я вскочила на ноги, вскрикнув. — Не стоит пугаться, я не причиню вам вреда. Я пришёл, чтобы помочь.

— Кто... Кто вы? — проговорила негромко, делая шаг вперёд. Я так давно не слышала

русской речи от посторонних, что уже начало казаться, будто больше не услышу.

— Не привлекайте внимание. Сядьте, как сидели до моего прихода. Я не могу выйти на свет, иначе попаду под прицел камер.

— Кто вы? — повторяю, оглядываясь по сторонам. Странно, но меня пугает не таинственный незнакомец, а вероятность того, что Денис вернётся домой и увидит меня на улице.

— Меня зовут Альберт. И меня послал за вами Самир Камалович. А теперь присядьте и послушайте меня.

Что-то громко врзается в перепонки, и на несколько минут я просто гложу. Медленно опускаюсь на порог, только не потому, что так сказал незнакомец, а потому что ноги становятся ватными.

— Ты точно всё решила? Может, ещё передумаешь? — голос Лазарева вибрирует напряжением, и оно передаётся мне также.

— Не передумаю, Захар. Хочу уехать прямо сегодня. Я устала.

Он останавливается, берёт меня за плечи и разворачивает к себе. Хочу оттолкнуть его руки, но, стиснув зубы, всё-таки сдерживаюсь.

— Послушай меня, Настя. Я знаю, что тебе тяжело. Знаю, что ты сейчас хочешь сбежать от всего этого. Но ты села на этот трон и теперь не можешь...

— Я всё могу! Я здесь хозяйка! А значит могу! Всё, разговор закончен! Отпусти меня, — повела плечами, избавляясь от прикосновений, потому что они больше не дарят чувство безопасности и комфорта. Теперь, когда он вот так смотрит на меня, я всё время вспоминаю тот поцелуй.

— Настя...

— Пойдём в офис. Я больше не хочу этих разговоров. Извини.

Позорно сбегаю. Потому что не хочу смотреть на него. Мне кажется, что каждый мой взгляд, брошенный на него, — предательство Самира и его памяти. Не могу. Не могу представить себя с кем-то другим. Мне от этого воздуха не хватает. Я задыхаюсь.

Евгений Павлович ещё полчаса пытается отговорить меня, но я молча подписываю необходимые бумаги и ухожу, захлопнув за собой дверь уже не моего кабинета.

— На свободу, Настя. На свободу.

Однако я сильно ошиблась... Мой ад только начался.

— Доброе утро, Николай, — здороваюсь с охранником, тот кивает мне в ответ. — Я звонила Захару, но он недоступен, не знаешь, где он?

Мужчина пожимает плечами и открывает передо мной дверь автомобиля. Какой-то он сегодня молчаливый.

— Странно, — сажусь в машину и снова набираю номер Лазарева. За всё время, что я его знаю, телефон Захара всегда был доступен, как и сам Захар. В любое время дня и ночи.

В душу закрадывается тревога. Это же не связано с тем, что я подписала доверенность на его имя? Но тут же отметаю все сомнения. Захар не такой. Он добрый, хороший человек. Сколько раз он поддерживал меня и утирал слёзы. Сколько раз держал мою руку в своей, когда я падала в пропасть. А ведь за это ему никто не платил. А что, если с ним что-то случилось? Такое ведь возможно. Елисеев всё ещё не найден.

— Ладно. Может, просто занят. Поехали в салон красоты.

Охранник кивает, заводит мотор и плавно трогается с места. Откидываюсь на подголовник и закрываю глаза. Мне хочется плакать. Выть хочется. Всё время. Каждый день, час, минуту.

Но я упрямо иду вперёд, продираюсь сквозь истерики маленькой, несчастной Насти, которая бьётся в моём сердце и кричит так громко, что заглушает все остальные мысли. Я пытаюсь выжить, выбраться из этой ямы, но не вижу смысла. Лишь маленькая, совсем крохотная надежда не даёт опустить руки и поплыть по течению. Надежда, что однажды я проснусь, и всё будет, как прежде.

Мы выезжаем на главную дорогу, но я замечаю, что едем не в ту сторону. Вопросительно смотрю на водителя, а тот бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида. На мою реакцию смотрит. То бишь, он не ошибся, не случайно выехал не на ту полосу.

— Николай? В чём дело?

Он не отвечает. Снова возвращает свой взгляд на дорогу и набирает скорость. А я отчётливо понимаю, что сейчас происходит что-то очень плохое.

— Куда мы едем? — спрашиваю бесцветным тоном, прижимаю руку к груди в попытке удержать испуганное сердце. — Слышишь меня? Отвечай же! Куда везёшь?

Истерить и выпрыгивать на ходу из машины не имело смысла, поэтому я вжимаюсь в спинку сидения и молча жду. Удивляюсь, когда подъезжаем к главному входу в офис и оторопело смотрю на Николая.

— Приехали, — объявляет он. — Идите внутрь, Анастасия Ивановна.

Больше ни о чём его не расспрашиваю, выхожу из машины и медленно иду к крыльцу. Здесь явно что-то не так, но что — понять пока не могу. Присматриваюсь к охранникам у входа, и отчего-то накрывает дежавю. Эти люди... Это же охранники Самира! Те, что работали, когда он был жив. Но как они здесь снова оказались? Захар принял обратно?

Они не смотрят на меня. Ни один не поднял головы. Молча пропускают в здание, и я захожу в лифт. На автомате нажимаю кнопку и почему-то сжимаюсь внутренне, когда створки лифта разъезжаются в стороны.

В офисе происходит что-то дико странное. Все на своих местах. Но не те, кого уже я взяла на работу, а те, которые уволились... Те, что работали у Самира. Все до единого. Я помню их лица, помню, как они массово увольнялись. Как Захару удалось их убедить

вернуться?

Дверь в мой кабинет приоткрыта, и я медленно шагаю туда. Ведь я точно знаю, что она должна быть заперта. Впрочем, это может быть Лазарев.

Да, скорее всего он. Больше никому.

Прохожу мимо заплаканной секретарши и рядом с ней вижу другую. Ту женщину, что работала у Самира. На столе коробка с вещами. Я останавливаюсь, пару секунд наблюдаю за ними.

— Что здесь происходит?

Обе женщины выравниваются по струнке и опять-таки молчат. Внимание всего офиса обращено на меня, но никто не произносит и слова, а мне всё происходящее начинает казаться каким-то дурацким сном. Сейчас я зайду в кабинет, а там меня ждёт Самир. Ну, точно бред.

Раздражённо выдыхаю и, толкнув дверь, захожу. В кресле кто-то сидит, но пока он спиной ко мне, я не могу разглядеть лица.

— Захар? Что происходит? Как ты вернул всех этих людей? И почему у входа... — окончание фразы глохнет у меня в горле, а язык прилипает к нёбу. Потому что кресло резко поворачивается, и я вижу его... Не Лазарева, нет.

Самира.

— Это сон, — шепчу вмиг пересохшими губами, а голос походит на скрип двери со старыми петлями. — Сон... — остервенело тру глаза, лицо, почти царапаю ногтями, но видение не исчезает. Его образ не испаряется, как обычно бывает в моих снах.

Он смотрит на меня своими светло-кариими глазами, и мне становится больно от этого взгляда. Будто всё тело начинает кровоточить.

«Самира Камаловича больше нет!» — звучит в голове мой собственный голос. Звучит противно, визгливо. Тут же в сознание врываются картинки, где Захар меня целует прямо на улице, а затем обнимает. И как сейчас я вижу тёмную машину со слегка приоткрытым окном, а потом она срывается с места и исчезает за поворотом. Следующий кадр — наша с Захаром свадьба. Мне и тогда казалось, что кто-то следит за нами. Я думала, что это муки совести меня путают и истязают. Но нет. Теперь всё, будто в пазл складывается.

Странно... Почему я думаю об этом сейчас? Почему не бегу к Самиру, чтобы потрогать его и убедиться в том, что он нереален. Что это всего лишь очередной сон.

Почему смотрю в его глаза и не могу произнести ни слова? Может, потому что это не сон? Это реальность? Или я сошла с ума и смотрю сейчас в глаза не Самиру, а кому-то другому?

Я оседаю на пол. Опускаюсь на колени, но взгляд от него не отрываю. Цепляюсь за эту галлюцинацию, кладу ладони на пол. Пол холодный... Почему я это всё чувствую? Во сне ведь так не бывает.

Самир поднимается с кресла и, взяв трость, идёт ко мне. Почему трость? Почему он так сильно хромает?

Я разглядываю его в полный рост. Всё такой же высокий, угрожающе большой. Особенно сейчас, когда я перед ним на коленях. На его лице появились мелкие шрамы, и их почти уже не видно. Белый пиджак, чёрные, идеально наглаженные брюки. И огонь в глазах, но не тот, что прежде... Не такой, с каким он смотрел на меня тогда. Сейчас там ненависть полыхает. Я даже вижу на дне его зрачков языки пламени, что пожирают меня.

— Ты... жив? — выдыхаю, царапая ногтями пол и, кажется, один ломаю.

— А ты? Ты жива, Настя? Как тебе жилось без меня? Не скучала?

Немо открываю рот, сглатываю. Закрываю глаза и мотаю головой.

— Не может быть... Ты не настоящий. Мне просто чудится.

— О нет, Настенька. К твоему огромному сожалению, я очень даже реален, — он стоит надо мной, а я смотрю на его блестящие ботинки.

— Не может быть... Не может. Я же видела, как ты погиб. Я всё видела, — чувствую, как меня раскачивает со стороны в сторону, закрываю глаза. — Я видела...

— И, наверное, очень обрадовалась этому, да? Ещё бы. Свободу получила, бизнес-леди стала. Замуж за того, кого хотела, вышла. Да?

Поднимаю голову вверх, чувствую, как по щекам скатываются слёзы. Не могу произнести его имя. Немо открываю рот и шумно втягиваю в себя воздух. Горло будто стальными щупальцами сжали, а глаза слепнут от влаги. Мотаю головой, с трудом поднимаюсь.

— Я думал, что смогу оттянуть твою казнь. Но сейчас я смотрю в твои глаза, Анастасия, и понимаю, что там нет для меня надежды. Ты предала меня.

— Ты... Ты-ы-ы, — хватаю его за лацканы пиджака, цепляюсь пальцами до боли. — Ты бросил! Бросил! — сипло, задыхаясь. Я трясусь, раздираю его одежду в клочья и хриплю, как раненое животное. — Что ты сделал, Самир?! Что же ты сделал?!

Он с силой отдирает от себя мои руки, толкает к стене и я, ударившись спиной, затихаю. На его лице презрительная гримаса, а рука тянется за спину. Вытаскивает чёрный пистолет, и в то же мгновение звучит оглушающий выстрел. Перед глазами всё меркнет, я заваливаюсь на пол, а последнее, что вижу, — его ботинки с острыми носками...

Прошёлся по новому кабинету, огляделся вокруг. Будто чужое всё. Стены, мебель. Всё пустое, без души. Из окна можно увидеть море, но и это не доставляет удовольствия. Он будто до сих пор в коме. И ощущений никаких. Без неё жизнь не имеет вкуса и запаха.

— Вам всё нравится, Самир Камалович? — прозвучал за спиной голос помощника.

— Нравится. Новый дом, новая жизнь. Всё так, как и должно быть. Ну, почти. Какие новости, Карам? Нашли Лазарева?

— Нет, Самир Камалович. Вчера с утра вышел из дома и будто испарился. Такое ощущение, что он знал о слежке. На кольцо оторвался от наших ребят и исчез. Мы выяснили, что он сменил машину на заправке. В общем, судя по всему, был готов. В любом случае, из страны уехать не сможет. Найдём. Зато есть новости по Светлане. Наш человек вышел с ней на связь. Оказывается, мать Светланы была права. Елисеев удерживает девушку силой. Скорей всего, ребёнком шантажирует. Нам не удалось увидеть девочку, но Светлана сказала нашему человеку, что это ваша дочь. Она просит о помощи, Самир Камалович.

Устало потёр глаза, выдохнул.

Дочь, значит. У него есть и сын, и дочь. Света, конечно, могла и соврать, чтобы вытащить её из рук Елисеева. А могла и правду сказать. Он теперь уже с трудом различает, где правда, а где ложь. Тогда он успокоил свою совесть липовым тестом ДНК, но теперь всё изменилось. Кардинально.

— Мой сын?

Карам мотнул головой.

— Тут всё намного сложнее, Самир Камалович. Мы пока не смогли найти ни одного

следа. Не за что зацепиться. Ни один из медперсонала не смог ничего сказать. Мы допросили всех, просмотрели камеры видеонаблюдения с того дня по несколько раз, но...

— Меня не волнуют твои отмазки, Карам. Ты найдёшь моего сына. Найдёшь, а то я тебя потеряю. Всё ясно? Насчёт Светланы... Пусть человек всё подготовит и выведет её оттуда вместе с дочкой. Потом возьмёте Елисеева.

Разблокировав мобильный, нажал на красную кнопку. Настя всё ещё спала. Белые локоны разметались по подушке, а ресницы слегка подрагивают. Он так и не смог. Не смог её убить. Вчера он пришёл в офис именно с этой целью. Наказать её. Лишить всего, в том числе и жизни. Но не смог. В последний момент выстрелил мимо. Не хватило духу убить мать своего сына. Пусть эта тварь и предала, и бросила сына. Но отнять её жизнь не вышло. Показалось чем-то кошунственным.

Он купил этот дом для себя. Но понял, что не сможет жить в нём без неё. Не сможет. Всё ещё не угас огонь внутри. И когда он найдёт своего сына, она станет матерью. Даже если не захочет. Даже если будет против. Он заставит её. Или убьёт. Никому другому эта женщина не достанется.

Горечь во рту и тяжесть в голове заставили поморщиться. Застонав, открыла глаза, поплывшим взглядом уставилась в потолок. Помещение чужое. Я не бывала здесь раньше.

Повернула голову в сторону и обомлела. Я, и правда, в чужом доме. И как последний рубеж перед сумасшествием — воспоминания с прошедшего утра. Или уже дня? Сколько я здесь? Самир мне не почудился? А тот выстрел? Он ведь направил оружие на меня. Прямо в голову.

Поднялась с третьей попытки и, схватившись за тумбочку, впилась в неё пальцами. На мне светло-синяя пижама и больше ничего. Даже белья под ней нет. А рядом с кроватью тапочки стоят. Точно такие, как были, ещё когда мы с Самиром жили вместе.

Что это за маразм? Что за бред?

Я должна посмотреть, должна убедиться, что мне не привиделось. Я же видела его, слышала его голос. Я чувствовала его запах. Это не могло быть сном. И тот факт, что я сейчас не в больнице, а в чужом доме — ещё одно тому доказательство.

Дверь была не заперта и я, повернув ручку, вышла в коридор. Вокруг пусто, и от моих шагов разносится эхо. Такое ощущение, будто здесь раньше никто не жил. Пахнет древесиной и краской, свежий паркет. Новый дом, значит.

Вдали, где-то под лестницей, слышу чьи-то шаги. И замираю. Я узнаю эту походку из миллиона походок. И хоть к звуку шагов прибавился стук трости, я всё равно знаю, кто идёт.

Закрываю глаза, считаю до десяти и открываю... Самир поднимается по лестнице, и я отчётливо вижу его лицо. Тело начинает дрожать, а стук в висках оглушает настолько, что становится больно ушам.

Это не сон. Он жив. Он здесь. Приближается ко мне и, остановившись в полуметре, холодно усмехается.

— Добрый вечер, Анастасия. Как спалось на новом месте?

— Ты жив, — повторяю приглушённым голосом, и тело будто в ступор впадает. Внутри меня буря и истерика, но внешне я похожу на камень. Даже пальцы немеют.

Не сон. Не галлюцинация. Всё это настоящее, как и мой муж, которого я столько времени считала погибшим, а сейчас он стоит рядом, и я даже ощущаю его запах. Тот самый

запах, подделать который невозможно. Можно воссоздать внешность, стиль, походку. Но не запах.

Самир обходит меня дугой, так, словно боится прикоснуться. На его лице нечитаемая маска, но глаза горят тем же огнём, что и чуть ранее. Я понимаю, что происходит. Знаю, о чём он думает. Считает, что я предала его. Я полностью осознаю, как выглядит для него моё замужество и тот факт, что сразу после гибели моей семьи я села в кресло Самира и делала вид, что со мной и моей жизнью всё в порядке. И доказывать сейчас что-либо не имеет смысла. Он не станет слушать. Не поймёт и не поверит. Только я одна знаю, какой огонь сжигает мою душу. Сколько слёз я не пролила, спрятала их в себе, задавила эту боль, чтобы она не выплеснулась и не затопила всё вокруг кипящей лавой.

— Зачем я здесь? Что ты собираешься делать со мной? И почему не убил вчера? — мой голос звучит твёрдо — на это ушли месяцы тренировок. Но в животе всё сжимается от страха и предчувствия чего-то нехорошего. Потому что я сейчас не узнаю его. Его — того, кого так сильно полюбила. Передо мной злобный, изувеченный незнакомец. Это не мой Самир. Даже не тот, что уже однажды расставался со мной. Тогда я видела свою надежду в его глазах. Теперь же не вижу там ничего. Лишь мрак и чёрное пламя.

— Ты будешь жить здесь. В моём доме. Я не убил тебя, да. Собирался, но не убил. Не потому, что пожалел. Ты так легко не избавишься от меня. Это было бы слишком просто. Ты не заслужила избавления.

Меня покачнуло, но Самир не протянул руку. Посмотрел равнодушным, ледяным взглядом и сделал шаг назад. Облокотившись о стену, выдохнула.

— Нужно было убить.

Несколько нескончаемо долгих минут он сканирует меня своим взглядом, а потом всё же приближается. Склоняет голову, и в этот момент я вижу его лицо, искажённое ненавистью.

— Я всё понимаю, Настя. Могу принять даже то, что ты вышла замуж за другого. Но сын... Мой сын? Как ты могла так поступить с моим ребёнком? Со своим ребёнком, Настя!

Что-то взрывается в голове, и мой взор застилает красная пелена. От кончиков пальцев до грудной клетки лёгким покалыванием в мгновение ока разносится ярость. Она такая чёрная и густая, что забивается в горло и лёгкие.

Я отталкиваюсь от стены и подхожу к нему вплотную.

— Я не виновата в том, что произошло, Самир. Ты виноват. Это всё из-за тебя. Слышишь? Ты виноват. Ты бросил нас. Оставил. И теперь тебя для меня не существует. Ты погиб тогда на моих глазах. Мой муж Самир погиб. Его нет больше. А тебя я не знаю.

Он ничего не говорит. Пару мгновений осматривает меня с головы до ног, а после, когда я не выдерживаю и отворачиваюсь, склоняется к моему уху. Сначала кажется, что он принюхивается к моим волосам, но это не так. Он просто пытается запугать. Только во мне горит огонь, который не погасить страхом. Ничем не погасить. Я чувствую, что скоро взорвусь.

— Ты останешься здесь до тех пор, пока я не решу иначе. Дом в твоём распоряжении. Но не чувствуй себя как дома. У тебя больше нет дома. Здесь ты будешь в роли няньки, не более.

Пока слова Самира доходят до меня, он удаляется, спускается вниз по лестнице. Я бросаюсь к перилам и заторможено смотрю ему в спину.

Что он только что сказал? Нянька? Какая ещё нахрен нянька?

Отчего-то сжимается сердце. Снова перед глазами тот день, когда я лишилась своего малыша. Закрываю глаза, и горло сдавливает спазмом. Сжимаю кулаки.

Не поддамся. Не стану крайней и не позволю ему обвинять меня. Это он всему виной. Человек, исковеркавший мою жизнь. Человек, чью гибель я уже однажды пережила. Тот, о возвращении которого грезил по ночам. Теперь же... Теперь я ненавижу его.

Слоняюсь по дому, ищу выход, но с каждой последующей минутой кажется, будто наоборот загоняю себя в угол. Выхода нет. Я здесь словно в клетке уже столько дней. Несколько ужасно долгих дней. Я совсем одна. Самир больше не появляется, а я не знаю, радоваться этому или же огорчаться. Я не боюсь его, нет. Когда увидела его там, в офисе, будто что-то щёлкнуло внутри. Все чувства и эмоции атрофировались за одно мгновение.

Сейчас понимаю, насколько сильно я хочу вцепиться в его лицо и добавить ещё пару шрамов. Во мне горит всё, полыхает. Мне хочется кричать и царапаться, но я уже настолько привыкла подавлять эту боль внутри себя, что практически стала с ней одним целым. Я больше не умею говорить. Не умею объясняться. И не хочу.

Он не достоин моих объяснений. Он предал меня. Бросил. Оставил одну с неродившимся малышом, а теперь ещё и бьёт его гибелью по лицу. Больно так бьёт. Будто душу наизнанку выворачивает.

Захожу на кухню, стол уже накрыт. Еда здесь появляется таинственным образом, и я никак не могу застать того, кто её сюда приносит. Приносят из ресторана, судя по контейнерам с фирменным знаком. Из ресторана Самира... Ещё совсем недавно я ужинала там с Захаром и даже не подозревала, что прежний владелец жив.

А Захар? Что теперь будет с ним? Быть может, он уже поплатился за то, что помог мне. Вполне возможно, Сабуров убил его или искалечил.

Сжимаю руки в кулаки, так сильно, что раню ладони ногтями. Как страшно... Я ведь сейчас не испытываю никаких сожалений и судьба друга волнует меня не больше, чем моя собственная. Что с тобой, Настя? Разве ты была такой?

Сажусь на стул,двигаю к себе первый попавшийся контейнер, открываю. Ем руками, даже не удосужившись взять приборы. С некоторых пор мне абсолютно всё равно, что будет завтра или даже сегодня часом позже. Но я не собираюсь погибать от голода на радость врагу. Если мне нужно есть для того, чтобы однажды отомстить — я буду есть. Буду давиться едой, вкуса которой не чувствую. Буду заталкивать её в себя, пока не полегчает. Пока не отпустит эта проклятая апатия, а потом... Я не знаю, что будет потом. Не знаю. Но обязательно найду в себе силы, чтобы растоптать Сабурова, как растоптал меня он.

— Приятного аппетита, — позади звучит его голос, и я застываю с не донесённым до рта куском.

Я не слышу шагов, а значит, он остался стоять у двери. Набираю в лёгкие побольше воздуха, но не чтобы ответить ему, а чтобы выдохнуть и продолжить трапезу. Игнорирую его так же, как это делал он почти год. Не хочу говорить, не хочу видеть его. И запах его ощущать тоже не хочу.

Самир всё же подходит. Слышу по стуку трости, сам же он передвигается, как и раньше, бесшумно.

— Вижу ты уже освоилась? Хорошо. Я пока занят, ищу твоего возлюбленного супруга, — так значит, Захар не попался? Сбежал? Отчего-то сомневаюсь. Не мог он оставить меня в руках Сабурова. Вот так просто бросить не мог. — А потом, когда вырву ему кишки, мы с тобой поговорим ещё раз. Я тебе предложу пару вариантов развития твоей судьбы, Анастасия. Ты ведь жаловалась когда-то, что я не дал тебе выбора. Теперь он у тебя будет.

Не выдержав, хмыкаю.

— Кто ты такой, чтобы решать мою судьбу? — поднимаю голову и встречаюсь с ледяным взглядом. — Тебя нет. Ты привидение. Единственное, что ты можешь сделать — убить меня. Но и это решать не тебе. Ты такая же пешка в руках Судьбы, Самир Сабуров. Всего лишь фигура на шахматной доске. И я тебя уже давно не боюсь, поэтому не утруждайся, избавь нас обоих от этого бессмысленного разговора, — есть, конечно же, больше не хочется и я поднимаюсь из-за стола. Вернее, пытаюсь, но не удаётся. Его тяжёлая ручища надавливает на моё плечо, заставляя сесть обратно. С силой, почти до боли.

— Осмелела, говоришь? Дерзкой стала, Настенька? — раньше моё имя звучало на его устах как песня, как самый приятный комплимент. Теперь же напоминает ругательство. И это бьёт по нервам, обижает. Всё ещё обижает... А я ещё пять минут назад думала, что больше не могу чувствовать. Наивная Настя. Ты всегда будешь гореть в его огне, всегда будешь чувствовать боль, которую он причиняет тебе намеренно. Всегда будешь его любить так же сильно, как и ненавидеть.

— Представь себе, — хватаюсь за стакан с водой, лишь бы унять дрожь в руках. — Ты уже однажды убил меня, так чего мне бояться ещё? Мм? — поднимаю подбородок кверху, растягиваю губы в настолько препоганой ухмылке, что его ехидное выражение лица меркнет по сравнению с моим.

— Ещё нет, Настя. Это только начало. Ты будешь просить меня, чтобы избавил тебя от мучений, — говорит так тихо, что я еле разбираю слова, но каждое выбивается кровавой татуировкой на подсознании.

— И что же ты сделаешь? Будешь пытаться? Избивать? Держать взаперти, пока не сойду с ума? Что из этого, Самир? — на его имени мой голос дрожит. Потому что почти целый год я произносила его лишь во сне.

— Хуже, Настенька. Намного хуже. Мне незачем тебя избивать и пытаться. Всё самое худшее ты сделала себе сама. Теперь же будешь пожинать плоды.

«... и я буду пожинать вместе с тобой», — хочется добавить, но заставляет себя замолчать.

Целых пять дней он не подходил к ней и всячески старался избегать. Думал, придёт в чувство, первые эмоции угаснут, и станет легче, но не стало. Как пытка её пребывание здесь. И отпустить, выбросить эту суку из своей жизни тоже не может. Она под кожей, в крови, в каждом его вдохе и каждом выдохе. За то время, что возвращал в себе ненависть к предавшей женщине, он не смог её разлюбить. В то время, как мозг уничтожил о ней все хорошие воспоминания, сердце не отпустило. Сохранило долбаный огонь. Теперь в нём не только греется, но и горит.

— И что же придумал твой извращённый разум? Что ты задумал? — в её глазах страх, хоть она и утверждает, что не боится. Боится и сильно. Но его, увы, этот факт не радует. Вообще.

— Я верну тебя в реальность, которой ты никогда не хотела. От которой бежала. Ты будешь жить со мной и воспитывать моего ребёнка. Разве не ад? — оскалился скорее от боли, чем от радости. Уж точно последнего он давно уже не испытывал.

После его слов я окончательно потеряла покой. О чем говорил Самир? О каком ребёнке шла речь? Что задумал этот нелюдь? Решил ранить меня тем, что доставит наисильнейшую боль?

Впредь я не покидала свою комнату. Если бы была возможность, заперла бы дверь, да знала, что Сабурова это не остановит. Монстра ничто не остановит. Пули не смогли, взрыв не смог. Я только зря выла по ночам в подушку, оплакивая его. Этим трауром и убила своего сыночка. Всё из-за Сабурова, всему виной он. Он один.

Если бы чуть ранее мне сказали, что я буду так его ненавидеть, я не поверила бы. Даже представить не могла, что могу настолько кого-то ненавидеть. В особенности его, моего Самира.

Но этот человек больше не мой Самир. Этот ублюдок, предавший не только меня, но и моего сына — не он.

Подходил к концу седьмой день моего пребывания в заключении. От голода тянуло и побаливало в желудке, а я не находила в себе силы, чтобы выйти из комнаты. Потому что видеться с ним не могла. Слишком больно и тяжело. Все еще тяжело. Если бы я думала головой, умом, как в случае с Захаром — было бы гораздо проще. Но о Самире я думаю сердцем. Говорю с ним сердцем, чувствую его сердцем. А сердце кровоточит и сжимается. Оно не остыло, не зажили старые раны. Сабуров же открывает новые раз за разом, полосует одними словами, будто острым лезвием.

Я не готова слышать его голос, видеть его. Это сродни пытке — видеть оболочку некогда любимого мужчины, за жизнь которого отдала бы свою, и знать, что там внутри сидит совершенно другой человек. Тот, из-за кого рухнула вся моя жизнь, мечты, надежды.

Вспоминая день, когда тот, кого считала отцом, продал меня Самиру, как какую-то зверушку, пытаюсь представить, какой могла бы стать моя жизнь, если бы этого не случилось. Что было бы, если бы отчим оказался человеком и за свои долги расплачивался бы не мной. Что было бы, если Самир отказался взять меня себе. Что было бы тогда?

Закрываю глаза и вижу чудную картинку, где я заканчиваю университет, получаю диплом. Эта картинка сменяется следующей, где я уже взбираюсь вверх по карьерной лестнице, а в свободное время пишу на природе пейзажи или книгу о любви. Новый кадр: я бегу по весеннему парку, рядом со мной мчится, прижав уши к голове, мой песик... А навстречу нам бежит ОН. Мужчина моей мечты, принц из сказки, о котором читала еще в детстве. Мы приближаемся друг к другу, его взгляд застывает на мне, и внутри начинают порхать бабочки. Влюбленность, взаимоуважение, свадьба, счастливые, а главное живые дети... Это все могло бы быть у меня. Если бы в тот злополучный день Сабуров провалился в преисподнюю.

Со вздохом открываю глаза, возвращаюсь в реальность. И вздрагиваю, потому что надо мной возвышается Сабуров. Его лицо искажено злобой, и по телу расползается страх. Парализует от жути, что исходит от него плотным туманом и окутывает меня. Он достает из-за пояса пистолет и направляет дуло мне в лоб. Я вижу, как дрожит его палец на спусковом крючке, и слышу выстрел...

Вскрикнув, вскакиваю и со стоном вдохнув, цепенею. Надо мной, как и во сне, стоит Самир. Но в его руке нет пистолета, и лицо не выражает ни единой эмоции. Только по

глазам можно понять, как сильно он желает выстрелить мне в голову. Желает, но сдерживается, потому что убивать меня в четвертый раз ему уже неинтересно. Хочется чего-то нового, более болезненного. Сабуров знает толк в развлечениях.

— Встань, — приказывает стальным тоном.

Я не двигаюсь и не смотрю на него. Там, на глубине его зрачков, увижу лишь погибель.

— Ты оглохла, Анастасия? Встань и иди на кухню, поешь. Ты не ела два дня. Если планируешь заморить себя голодом и таким образом избавиться от меня, то зря. Я прикажу кормить тебя силой.

Разумеется. Разве он может себе позволить лишиться меня? Такой удобной жертвы.

— Привези мою собаку. Тогда поем.

Слышу, как хмыкает, прохаживается к окну и, распахнув тяжелые портьеры, тихо спрашивает:

— Думаешь, что можешь диктовать мне свои условия? Ошибаешься, Анастасия. Я жду ровно час. За это время ты поднимешься с кровати, спустишься вниз и поешь. В противном случае я пришлю за тобой охрану.

Он уходит, а я крепко, до боли в веках зажимаюсь.

— Ты пожалеешь, Самир. Клянусь, что будешь так же проклипать тот день, когда увидел меня впервые, как проклипаю его я. Клянусь, что будешь гореть в том же огне, в котором горю сейчас я. Клянусь.

И снова неизвестность и ожидание. Долгое, тягучее ожидание чего-то страшного и садистски болезненного.

Не знаю, зачем я здесь и как долго будет тянуться время до первой пытки. Наверное, именно так себя чувствует заключённый, которого приговорили к казни.

Мне всё ещё страшно, хоть я и пытаюсь делать вид, что ко всему равнодушна. Мне всё ещё больно слышать по вечерам его шаги в коридоре, как он останавливается у моей двери, стоит там несколько минут, а потом проходит дальше. Слышать, как закрывается дверь его комнаты и понимать, что всё вот так и останется... Никак. Он будет мучить меня, истязать ледяным равнодушием, а после нанесёт последний удар. Контрольный. Удар, от которого я не смогу оправиться.

Я слишком хорошо знаю Сабурова, чтобы поверить, что он остановится или примет свою вину. Нет. Никогда и ни за что. Ведь он Самир Сабуров. Он не признаёт свою вину, не просит прощения. Он живёт по своим законам, ни перед кем не отчитывается и никого не щадит.

Однажды меня опоили и чуть не изнасиловали в кафе какие-то отморозки. И я очень хорошо помню, чем за это поплатилась. Помню и то, как Сабуров убил мужчину, что попытался меня изнасиловать. Теперь же я вышла замуж за другого. Такое мне с рук не сойдёт, и причины моего поступка никого не интересуют.

Я больше не закрываюсь в своей комнате и не объявляю голодовок. Не хочу, чтобы он или его охранники прикасались ко мне. Достаточно всего того, что уже произошло, подобного унижения я не выдержу.

Целый день брожу по дому в поисках чего-то, что чудесным образом поможет мне отсюда выбраться. Но всё зря. На окнах решётки, дверь, естественно, заперта. А если бы и была открыта, мне некуда идти. Нет никого, кого бы волновала моя жизнь. Кроме Самира...

И даже если он вдруг решит меня отпустить, я не уверена, что смогу уйти.

Он — мой ад. Моё проклятье. Мой личный инквизитор. Тот, чью боль мне теперь необходимо увидеть, чтобы моя отпустила хоть на время. Я не сбегу, даже если появится такая возможность. Я останусь, чтобы превратить его жизнь в жуткое пекло.

Вот только немного отойду. Совсем чуточку передохну и отдышусь.

Наступает вечер, и я возвращаюсь в комнату. Сажусь на кровать и жду. Самир проходит мимо моей спальни примерно в одно и то же время. Несколько мгновений зубодробильного напряжения, а потом я выхожу и иду в конец коридора к панорамному окну. Там, за ним, вижу огни города. Сажусь на пол и наблюдаю за ними до глубокой ночи. Представляю бабочку, летящую на свет, без которого она не может жить, а добравшись до желанной цели, сгорает. Её убивает любовь... Меня тоже.

Шаги Самира сегодня бесшумные. Слышу лишь постукивание трости. Он приближается к двери, останавливается. Сейчас уйдёт... Но в этот раз не уходит. Словно в замедленной съёмке наблюдаю, как ручка уходит вниз, и дверь открывается. На секунду замирает.

Нет... Не входи. Не нужно. Не мучай меня. Сцепив руки в замок, не моргая, смотрю, как он заходит.

Шагает ко мне, закрывает за собой дверь, а я, не в силах взглянуть на его лицо, опускаю глаза на трость.

— Не спишь? — спрашивает хриплым голосом, и я понимаю, что он пьян. Об этом свидетельствует и запах его любимого коньяка.

Только этого мне сейчас не хватало. За всё время, что я знаю Самира, видела его пьяным только раз. Сейчас вот второй. И вроде бы не заметила тогда за ним буйства... Но то было тогда. Как оказалось, я недостаточно хорошо знала своего мужа. Кто знает, что придёт ему в голову сейчас, когда он ненавидит меня почти так же сильно, как я его, и явно борется с желанием свернуть мне шею.

Муж... Да, он был моим мужем. Любимым, самым дорогим и единственным родным человеком. Я простила ему Светлану, простила все измены. Я бы прощала и дальше всё на свете. Потому что он был моим мужем.

А кто мы друг другу сейчас? Бывшие? Нет. О бывших забывают и вычёркивают их из своей жизни. Друзья? Точно мимо. С такими друзьями и врагов не надо. Точно... Враги. Мы теперь враги. Ведь только враги уничтожают друг друга с особой жестокостью, нанося раны, несовместимые с жизнью. Мы враги. Те, у кого лишь одна цель. Не уйти, не оставить, пока есть хоть малейшая надежда, что я или он сможем существовать по отдельности, а возможно, и обрести счастье.

Я не позволю ему жить дальше и радоваться каждому дню. Не после всего, что мне пришлось пережить по его вине. Потому что моё сердце сгорело в агонии и превратилось в чёрный пепел, когда я потеряла своего сына. А он будет жить дальше? Нет уж! Будет полыхать вместе со мной в этом пламени.

И он не позволит мне начать новую жизнь. Он мог отпустить меня, выслать из города или страны. Мог бы убить на худой конец. Но не сделал ни того, ни другого. Потому что так же, как и я, хочет уничтожить медленно, болезненно, по-садистски растягивая этот момент.

Мы теперь похожи. Оба горим от желания отомстить, раскромсать, покалечить. Хотя последнее ему уже удалось сделать. Я калека... Как ещё назвать мать, потерявшую своего ребёнка, свою частичку? Свою кровь и плоть? Это как лишиться части тела. Ужасно, страшно, невыносимо больно.

Не дождавшись ответа, он берёт меня за лицо и приподнимает вверх. Кожу, где его пальцы соприкасаются с моими щеками, нестерпимо жжёт, и я уворачиваюсь, скривившись.

Он приближается вплотную и ловит мой подбородок.

— С ним тебе было хорошо. Его прикосновения были приятными. От него ты так нос не воротила, да? — на его лице жёсткий оскал, а тёмные глаза пронзают ненавидящим взглядом насквозь. Я физически чувствую его ненависть. Нет, он не причиняет мне боли. Но знаю, что хочет. Хочет сотворить со мной то, после чего я либо сама в петлю полезу, либо сойду с ума. И это необязательно физическая расправа. Не насилие. Он сделает это без оружия. Самир Сабуров умеет убивать без единой пули. — Грязная шлюха.

Что-то щёлкает, и перед глазами всё плывёт красным туманом. Ненависть, как кипящая в жерле вулкана лава, в одно мгновение выплёскивается из меня, и я вскакиваю.

— Да, мне было хорошо с ним. Лучше, чем с тобой. И дело не в Захаре. Дело в тебе. Мне было бы лучше, чем с тобой, с кем угодно, — шиплю ему в лицо, задрав голову кверху.

Сабуров резко поднимает руку к моему лицу, но не бьёт. Выдохнув и обуздав себя, медленно зарывается пальцами той же руки в мои волосы и несильно тянет на себя. В его движениях нет грубости, но это обманчивая картинка. На самом деле он копит в себе злобу, чтобы потом утопить меня в ней.

Он ничего не говорит, пару минут смотрит мне в глаза, а потом так же резко отпускает и выходит, захлопывая за собой дверь.

— Самир... — шепчу вмиг онемевшими губами и, вцепившись дрожащими пальцами в переноску, крепко зажмуриваюсь. Снова открываю глаза, но он всё также передо мной.

Другой. В нём что-то изменилось. И это не шрамы на лице и трость. Это что-то другое. Оно в его глазах.

— Здравствуй, Светлана, — голос всё тот же, такой родной... Голос, который я уже не мечтала слышать.

— Самир... — покачнувшись, опираюсь одной рукой о машину, а в переноске начинает хныкать Лиза.

Он приближается, хромя, кивает водителю, и тот садится в машину, оставляя нас наедине. Самир склоняет голову, долго смотрит на дочь, а я на него. По щекам текут слёзы, под грудной клеткой сильно жжёт, и воздух стал таким горячим, что обжигает лёгкие.

— Моя, значит, — произносит тихо и касается пальцем Лизиной щеки. Дочка тут же затихает, взирает на него своими глазками-бусинками, будто чувствует папу. Самир усмехается, и взгляд его меняется, теплеет. — Дочь. Дочь у меня, значит. В руках врага была, — и медленно перетекает взглядом на меня.

— Прости. Прости меня, — только и могу из себя вытолкать, потому что горло сжимает железными щупальцами. Я до сих пор не верю своим глазам. Не верю, что передо мной стоит он. Не верю, что он настоящий, а не галлюцинация. Быть может, я до сих пор в той клинике, действительно сошла с ума и под воздействием лекарств вижу галлюцинации? То, чего на самом деле нет.

— Пойдём, — он забирает переноску, кладёт руку на мой локоть, и я, почувствовав его тепло, судорожно хватаю воздух. Он настоящий. Не бред. Не игра моего воображения. И не сон. Мой Самир жив. Жив!

Перед нами открывается дверь дома, и я останавливаюсь на пороге.

— Это для нас?

— Для вас, — кивает Самир и, пропустив меня внутрь, заходит с Лизой. — Для моей дочери.

Внутри уже всё обустроено, он явно готовился. Я оглядываюсь по сторонам, расстегиваю пальто.

— Твою мать привезут завтра. Я поставил охрану, вам ничего не угрожает. Елисеев сбежал, но это ненадолго. Скоро его найдут. Главное, что вы здесь и вы в безопасности, — играет желваками, отводит от меня взгляд.

— Спасибо, — шепчу, шмыгая носом, как нашкодившая школьница.

— Но объясни мне, зачем ты соврала тогда? Почему скрыла, что беременна от меня? — всё-таки срывается, но, взглянув на Лизу, понижает голос.

Я ждала этого вопроса всю дорогу домой. Ждала и знала, что он спросит. Как спрашивал тогда. А я солгала и сама загнала нас с малышкой в ловушку.

— Я боялась, что ты заберёшь у меня моего ребёнка. Очень боялась. Я не могла представить, как переживу такое. Я свыклась с мыслью о твоей жене и нашем расставании. Но с тем, что моя дочь будет расти с другой женщиной, называть её мамой и, возможно, даже не узнает о той, кто её родила, я смириться не могла.

— И поэтому лишила меня моего ребёнка? — спросил, глядя на меня исподлобья. — Ты влюбилась в него? Или просто сбежала от меня? — не выдержав его взгляд, опускаю глаза, и Самир хрипло выдыхает. — Оставь меня с дочерью наедине. Иди пока, осмотри дом. Запиши, чего не хватает.

Я киваю и с трудом заставляю себя сдвинуться с места. Слишком рано. Мы не готовы пока.

Глядя на засыпающую кроху, понял, что всё это время жгло душу. Дети. Его дети. Один — от жены, второй — от бывшей любовницы. И обоих он растерял. Потерялся сам и потерял свою женщину. Всё потерял и вернулся к тому, с чего начинал. Только тогда у него было всё целым внутри, а сейчас клочья да ошмётки.

— Дочь моя, — взял её на руки и, сев в кресло, прижал к себе маленький, сопящий комочек. Он даже имя ей не дал. Не видел, как появилась на свет.

А сын до сих пор где-то в чужих руках, с чужими людьми. Продан, как кусок мяса. Пока он валялся в отключке, его детей растаскивали, как котят. Всё потерял.

Он просидел с ней на руках несколько часов и поднялся, лишь когда в кармане завибрировал телефон. Уложил дочь обратно в переноску, вышел из комнаты, прикрывая за собой дверь.

— Да?

— Самир Камалович, ваша жена хочет вас видеть. Сейчас... Так она сказала.

Сбросив звонок, прислонился лбом к стене и, услышав позади тихий шорох, напрягся.

— А ты сам как, Самир? У тебя теперь всё хорошо? — голос Светы дрогнул. Жаль. Очень жаль, что всё так вышло. Жаль, что он полюбил не Свету, которая, несмотря ни на что, до сих пор любит его.

— У меня теперь никогда и ничего не будет хорошо.

— Не говори так. Ты жив, а это главное. У тебя есть жена и дети... Всё наладится. Ты иди к ней. Иди. Я осмотрелась, здесь всё в порядке, всего хватает. А потом, когда станет

легче, приходи, поговорим. Знай, что в этом доме тебе всегда рады. Пусть не ко мне, к Лизе приходи.

Оттолкнулся от стены, сжал в руке трость и, обернувшись, едва рассмотрел её из-за пелены, застилающей глаза.

— Дочь переложу в кроватку. Обживайтесь. Спокойной ночи, Света.

Она улыбнулась, молча проводила его до порога и уже перед самым уходом тронула за запястье.

— Разрешу тебя обнять. Это моя единственная мечта за последний год. Просто обнять, Самир.

И он позволил. Сам не обнял. Не смог. Чувствовал знакомый запах, исходящий от её волос, да и тело, прижимающееся к его груди, в общем-то тоже знакомое. Они знают друг друга, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой знает их. Но не смог.

— Спокойной ночи, Самир. Я рада, что ты жив.

А он был рад? Или это существование больше не жизнь? Тот ад, в который он окунул себя, своих женщин и детей?

Она ждала его, сидя на подоконнике с бокалом в руке. Рядом бутылка коллекционного вина, работает телевизор. А он уже и забыл о существовании винного погреба. Когда-то Самир отстроил после пожара этот дом для отца, а тот, как известно, любитель хороших вин. Только отец отказался от дома, сказал, что похоронил в нём какие-то свои мечты.

Теперь Самир делает то же самое. Запечатывает в проклятом доме, где жила когда-то его мать, свои мечты.

— Ты спускалась в подвал, — окинул её взглядом, и в груди защемило от гребаной тоски.

Она сидит в белой ночнушке, согнув ноги в коленях и обняв их, а по спине и худым предплечьям струятся белокурые, слегка волнистые локоны. Он так давно не касался их своими руками, не пропускал их сквозь пальцы.

Подошёл ближе, чтобы хотя бы украдкой ощутить её запах, а Настя вскинула на него заблестевшие от алкоголя глаза, вздернула подбородок.

— А что, нельзя было? Так ты и туда охрану поставь, — ответила с вызовом.

— Зачем звала меня? — спросил резко, злясь на себя за слабость, которая пробуждается в нём, когда смотрит на неё. Любую другую убил бы за предательство. Даже Светлану. А на эту суку не поднимается рука. Он тысячу раз представлял, как сдавливают её шею и слышит хруст позвонков, но так и не смог.

— Поговорить хотела.

— Ну?

— Как долго я буду сидеть здесь взаперти? Чего ты ждёшь? Ты же собирался меня наказать, да? Так в чём дело? Почему тянешь резину? — начала воинственно, зло, глядя ему прямо в глаза. На дне её зрачков увидел своё отражение.

— Мучительно ждать удара, да, Настенька? — сжал руку в кулак, потому что она непроизвольно потянулась к её лицу.

— Да, мучительно. После того, что я пережила по твоей вине, мне всё мучительно. Каждая минута, каждый вздох вот здесь болью отдаётся, — положила ладонь на сердце. — Чего ты хочешь от меня? Хочешь, чтобы страдала? Так я уже никогда не буду счастливой, не

волнуйся. Из моей груди сердце вырвали, душу с мясом и кровью! Чего ещё тебе нужно?! Убей меня, — вскакивает с подоконника, роняя бокал на пол, и тот разлетается на сотни мелких осколков, окрашенных вином, будто каплями крови. — Давай! Достань пистолет и прострели мне голову! Я отправлюсь к своему сыну, а ты живи дальше! Живи и знай, сволочь, что всё это твоя вина! — кричит до хрипа, схватив его за лацканы пиджака.

Взяв меня за запястья, больно сжал и отшвырнул от себя с презрительной миной. Ноздри затрепетали, словно он с трудом сдерживается, чтобы не выполнить мою просьбу.

— Сука, — подавшись вперёд, склонил голову так, что наши лица оказались напротив. — Ты думаешь, я не знаю, что ты сделала? Ещё и на жалость давишь моим сыном, — шепчет зло, будто задыхается. Упирается руками в стену по обе стороны от меня, тем самым блокирует пути отступления. Губы кривятся в злобной гримасе, верхняя чуть приподнимается в оскале.

Я начинаю бояться. Даже алкоголь и огонь, что сейчас проносится по моим венам, не заглушают чувство самосохранения. Потому что я не видела его раньше таким. Тот Самир, который был моим мужем, никогда не говорил со мной с таким презрением, и не было такой ярости в его взгляде. Даже тогда, когда я стала свидетельницей убийства насильника.

— И что же я сделала? Потеряла по твоей вине ребёнка? Похоронила его из-за того, что ты бросил меня? Скажи, где ты был, Самир? Где? С очередной любовницей? Пока я пыталась выжить в стае голодных шакалов, ты где был?!

Сабуров с рыком врывается кулаком в стену прямо у моей головы, и большая его рука хватается меня за горло.

— Похоронила, значит, — стиснув зубы, отрывает меня от земли, и я хватаюсь за его запястье. — Моего сына ты похоронила? Хорошо, Настя. Хорошо! — выдыхает мне в лицо, резко отпускает, так, что еле удерживаюсь на ногах. — Хорошо, — он уходит так быстро, будто сбегает, а я опускаюсь на пол, обнимаю себя руками.

Он винит меня в смерти сына. Меня! Ту, которая единственная о нём заботилась и ждала своего малыша. Меня, которую убили в минуту его рождения одним страшным, невероятно жестоким словом.

Опускаю ладони на паркет, скольжу по нему ногтями и, кажется, раздираю пальцы в кровь, но боли почему-то не чувствую. Единственное ощущение — желание вот так же разодрать лицо Сабурову. Вонзиться в него и разорвать на куски.

Закрываю глаза, пытаюсь прийти в чувство. Я не должна срываться. Не должна показывать ему свои слабые места. Иначе он раз за разом будет по ним бить.

Распахиваю глаза, когда кто-то произносит моё имя и чувствую, как стекленеет взгляд. На экране плазмы крупным планом моя фотография и слова ведущей новостной программы начинают стучать пульсом в висках:

— Трагедия развернулась в одном из офисов в центре столицы. Жена крупного бизнесмена Самира Сабурова, которого несколько месяцев считали погибшим, была убита неизвестным, личность которого пока не установлена. Правоохранительные органы...

С визгом швыряю в экран бутылку с вином, что-то разбивается, дымится, а я снова падаю на колени.

— Будь ты проклят! Слышишь?! Будь проклят! — горло саднит от крика, но я продолжаю вопить, оставляя на полу кровавые разводы. — За моего сына будь проклят! Я

уничтожу тебя! Уничтожу каждое воспоминание о тебе! Я вырву тебя из своего сердца и сожгу в памяти даже твоё имя!

Где-то вдалеке хлопает дверь, а через минуту двор освещает свет фар. Мой голос срывается, и спасительная темнота забирает в свои объятия...

— С документацией всё нормально. Сабуров Самир Камалович официально жив, — нотариус хлопнул папку, подвинул её Самиру, а тот молча кивнул, не глядя закинул её в ящик стола. — Самир Камалович?

— Можешь идти, Евгений Павлович.

— Самир Камалович, вы на меня рассержены? — мужичок поднял на него виноватый взгляд, на что Сабур лишь усмехнулся уголком губ.

— Если бы я рассердился на тебя, сам знаешь, сейчас передо мной не сидел бы.

— Самир Камалович, я действовал исключительно в интересах Анастасии и то, что произошло между ними с Лазаревым позже, случилось уже без моего участия. Я, правда, не знал, что...

— Закрыли тему. Ты можешь идти, — повторил уже с нажимом. — И позови ко мне Карама, он там, за дверью.

Со вчерашнего дня его жрали подозрения и ярость, раздирая пополам. Одна половина хотела поверить её лживым, крокодильим слезам, другая — разодрать предательницу на клочья.

Он сам, своими глазами видел доказательства её предательства. Всё изучил по сотне раз, каждый раз сгорая в адовом пламени.

Но вчера, когда она кричала ему о сыне, а по её щекам текли крупные, злые слёзы, он засомневался. Это сомнение дало такую червоточину, что уже около суток не мог думать ни о чём другом.

Настя, конечно, могла соврать, чтобы надавить на жалость или воззвать к его совести. Показать, что она действительно считает сына погибшим — единственный здравый выход из ситуации. Но что, если всё не так? Что, если он что-то упустил?

— Звали, шеф? — Карам прикрыл за собой дверь, вытянул руки по швам.

— Звал. Нужно ещё раз перепроверить всё, что касается Насти и моего сына. Я должен знать всё: что происходило до родов, во время родов и после. Каждую минуту. Что-то здесь не то. Я нутром чую подвох.

Помощник молча кивнул, ему не привыкать выполнять самые ненормальные поручения Сабура. И хоть со стороны это выглядит, как попытка оправдать неверную женщину, Самир не мог упустить такой шанс. Можно до бесконечности наказывать и её, и себя. Но от этого его дети не станут счастливее.

— Собери всю информацию для меня заново. Нужно найти своего человека в банке-посреднике, через который прошли все платежи по больнице. Собери мне весь персонал, который работал в тот день. Я хочу видеть и допросить каждого. Врачи, медсёстры, охранники, уборщицы и даже парковщики. Все, кто присутствовал там. Женщины, которые рожали там и их дети. Обо всех я должен знать.

Карам поджал губы, видимо, представив, какая работёнка ему предстоит, но снова согласно кивнул.

— Для того, чтобы проверить всех, кто там был, понадобится время, но я возьму побольше людей и постараюсь выполнить быстрее. Какие ещё будут указания, Самир Камалович?

— Что там по Елисееву и Лазарю?

— Елисеева вычислили по карте. Он воспользовался ею при оплате номера в гостинице, но когда наши люди приехали, его там не оказалось. Администратор гостиницы сказал, что он оплатил онлайн, но так и не появился. Он что-то задумал. Скорее всего, хотел нас запутать. Глупо было бы не иметь запасного плана и пользоваться своими официальными данными в то время, когда его ищут все возможные структуры. Несмотря на эти игры, думаю, вскоре найдём. А Лазарева уже нашли. Он в Р***, это в паре часов езды от столицы. Вы сказали, не трогать сразу, мы его ведём. Что дальше?

Самир покрутил в руке зажигалку, чиркнул, высекая кремнем искры и, уставившись на пламя, задумался.

Лазарь вовремя нашёлся. Теперь можно устроить очную ставку. И узнать, наконец, у кого какая роль в этой игре. Но для начала нужно найти концы, куда подевался его сын и кто помог ему исчезнуть. Лазарев — одна из главных фигур в этой партии. Рано или поздно его мотивы станут понятны. Но больше всего Самира волновала именно Настя. Если отбросить всю ненависть, которая связала им ноги и забила в глотку, лишив возможности нормально разговаривать и верить друг другу, то можно докопаться до правды.

Самир пока не знал, какой она окажется. Правда эта... Может, она, наконец, снимет с него этот груз. А может, раздавит неподъёмной тяжестью. В любом случае, он должен всё перепроверить, перевернуть вверх дном и, если понадобится, вырвать истину у кого-нибудь из глотки.

— Пока не спускайте с него глаз. Я скажу, когда он мне понадобится.

В коридоре послышался испуганный возглас секретаря, и до ушей Самира донёлся голос, владельца которого ему сейчас видеть хотелось меньше всего. Дверь кабинета резко распахнулась, являя взору разъярённого отца. Карам склонил голову и, уловив краем глаза кивок Самира, быстро удалился.

— Самир! Ах ты ж, щенок! — старик хрипло закашлялся, а когда выровнял дыхание, прищурился, пытаясь рассмотреть сына. Старший Сабуров недавно перенёс операцию — Самир слышал об этом. Но о здоровье отца как-то не справлялся. Они уже очень давно не в тех отношениях. — Так ты живой, гадёныш? Живой! Конечно же, живой... — облокотившись о стену, мотнул головой. — А я узнаю об этом из СМИ. Из СМИ, чтоб тебя нечистый побрал! — запал старика быстро угасает, и тот медленно приближается к столу. Самир поднимается, чтобы отодвинуть для него стул, и от отца не укрывается его хромота. — Ты был ранен. Где ты был вообще все эти месяцы? Что с тобой? Почему молчишь?

— А с тобой что, отец? Что за истерика вдруг? Ты был спокоен, когда узнал о моей гибели, так чего так разнервничался, когда узнал, что я жив? — дождался, пока старик присядет, сам обошёл стол и присел напротив. Робко заглянула секретарь, вопросительно посмотрела на Самира. — Два кофе принесите, — дал ей указание и закурил, двигая к себе пепельницу, уже полную окурков.

— Откуда ты знаешь, как я себя чувствовал всё это время? Ты отказался от своей семьи, а теперь упрекаешь меня в равнодушии? — подался вперёд, вглядываясь в лицо Самира. — Что с тобой, сынок? Посмотри на себя. В кого ты превратился? Кем стал? Ты ведь был моей гордостью, ты был...

— А что случилось потом? — отцом назвать его не мог. Пытался и не раз. Но так и не смог. — Что стало с тем, кого ты называл сыном? Расскажешь мне?

Старик закрыл глаза, покачал головой.

— Ты ошибаешься, сын. Я не вычёркивал тебя из своей жизни, как сделал это ты со своей семьёй.

— У меня никогда не было семьи, — так же подался навстречу, схлестнулись взглядами. — Моя семья — та, которую я назову женой и те, кто от меня родится. Не твой род. Мы с тобой чужие и по духу, и по крови. Поэтому не называй меня сыном.

— И кого же ты назовёшь своей женой? Ту шлюху, что выскочила замуж за твою прислугу, стоило тебе попасть в передрагу? Такую слабую женщину ты назовёшь своей семьёй? А своими детьми назовёшь тех, кого она родит от другого мужика? Я знаю, что девка жива. Ты решил устроить показательную казнь, чтобы через время жениться на другой. Только этой другой будет твоя якобы погибшая от случайного выстрела жена. В таком случае ты не потеряешь имя и авторитет, а она сохранит жизнь. Не смотри на меня так, Самир. Я же не идиот, два и два пока что в состоянии сложить. К тому же, я сам когда-то сделал это для тебя и твоей матери, забыл? Несмотря на её предательство, я принял тебя, дал свою фамилию и назвал сыном. Я дал тебе имя и жизнь, хоть и не был биологическим отцом. Так кого ты хочешь обмануть? Меня? — безрадостно усмехнулся, взглянул на тлеющую в руке Самира сигарету. — Давай поговорим, сын. Это единственное, чего я прошу.

Сердце в груди делает кульбит, когда в замке поворачивается ключ.

— Самир, — радуюсь, словно маленький ребёнок новогодним подаркам, хотя и понимаю, что пришёл он только ради дочери.

— Привет, — проговорил шёпотом, остановившись взглядом на спящей в моих руках Лизе. — Как дела? — так же тихо, осторожно прикрывая за собой дверь.

— Нормально, спасибо, — тут же осекаюсь. Он не у меня спросил... — Только ночью немного капризничала. Недавно уснула.

— Почему капризничала? Заболела? — видеть в глазах Самира тревогу мне непривычно. Сколько знаю его — ни жалости, ни сочувствия, ни страха. Иногда мне казалось, что его сердце никогда не сможет полюбить. Никого. Только и жила мечтами. Сейчас же он любит. Пусть не меня, но нашу дочь. Хотя бы так...

А ведь я едва не лишила их друг друга. Дочь — отца, а отца — дочери. Добровольно уехала с убийцей-психопатом и чуть не поплатилась за это самым дорогим, что есть в моей жизни.

— Нет, переела, видимо. У нас такое случается. Она любительница потрапезничать.

— Грудью кормишь или смесями?

На мгновение застываю с еле заметной улыбкой. Самир Сабуров спрашивает о таком? Он что же, интересовался этим? Ну точно, пропал наш папка.

— Грудью.

Он снимает пиджак, бросает его на тумбу, протягивает ладони. Принимает из моих рук Лизу, берёт её уверенно, крепко, но аккуратно. Так, будто всю жизнь с грудничками нянчился. Вот что значит отец.

— Вы идите на кухню, я сделаю кофе, — с улыбкой наблюдаю, как он уносит дочь, и иду следом.

Пока готовлю завтрак, исподтишка наблюдаю за Самиром. Осунулся, исхудал. Трёхдневная щетина дополняет образ уставшего человека. Никогда раньше таким его не видела. Даже в самые сложные дни он всегда выглядел идеально.

— Как у тебя дела? Как жена? — интересуюсь осторожно. Не то чтобы мне и вправду было интересно, что там между ними происходит, но Самир ведь неспроста сам не свой. И это вряд ли связано с усталостью или плохим настроением.

Он поднимает на меня ничего не выражающий взгляд, снова опускает глаза на мирно посапывающую дочь.

— Ты разве не видела новости? Она погибла.

— Да я как-то не смотрю телевизор... Что?! — до меня, наконец, доходит смысл его слов, и из руки выпадает деревянная лопаточка. Лиза мгновенно просыпается и начинает хныкать, недовольная тем, что её разбудили.

Самир вздыхает, награждает меня укоризненным взглядом и, поцеловав дочь, передаёт её мне.

— Уложи. Я пошёл.

Присев на подоконник, обхватываю обеими руками чашку с горячим чаем и устремляю взгляд на улицу, туда, где за высоким забором кипит-бурлит жизнь. Только в этих стенах она остановилась. Застыла. Как и мы.

Двор освещает свет фар — внедорожник Самира заезжает в гараж. Внутренне сжимаюсь в комок, глотаю горячий напиток, не чувствуя вкуса. Кажется, обжигаю язык и нёбо.

Слышу, как открывается входная дверь, его приближающиеся шаги. Сегодня он ступает тяжело, будто предупреждает о своём приходе. Но я прятаться не собираюсь. И бояться тоже не стану.

— Здравствуй, жена. Ждёшь мужа? — он снова выпил. Причём крепко. И всё же походка ровная, уверенная, если не считать хромоту. Интересно, как он выжил тогда? Ведь я сама видела тот взрыв, от него даже стёкла из машин повывлетали. На какое-то мгновение сердце больно сжимается. Ему было больно? Эти шрамы на его лице... Они кровоточили так же, как моя душа?

Сабуров подходит к подоконнику и, опираясь на стекло обеими руками, застывает надомной.

— Красиво, да? Ты будто смотришь на город со стороны, а все эти мелкие людишки даже не подозревают, что за ними наблюдают. Возможно, где-то там решаются чьи-то судьбы. А ты смотришь издалека и понимаешь, насколько далека от них. Знаешь почему, Настя? Потому что твоя судьба уже предрешена. Правда, пока я сам не знаю, каким будет исход нашей с тобой истории.

Я поднимаю на него равнодушный взгляд, пожимаю плечами.

— И что, Сабуров? Разве ты в состоянии наказать меня ещё больше?

Оттолкнувшись от окна, опускает взгляд вниз. Пристальный взгляд, колющий.

— Расскажи мне свою правду. Что там произошло? — спрашивает уже без тени ухмылки. — Я хочу услышать от тебя.

— О чём ты? — я не уверена, что хочу знать ответ на этот вопрос, но всё же жду.

— О моём сыне. Что произошло в клинике?

Он не пытается сделать мне больно или как-то задеть. Вряд ли. Даже для такого подонка как Сабуров это слишком жестоко. В конце концов, речь идёт и о его ребёнке тоже.

— А что, ты до сих пор не понял, что там произошло? Мой сын там умер. Из-за всего,

что ты заставил меня пережить, он погиб! — не сдерживаюсь, взрываюсь. Сжимаю кулаки, чтобы не наброситься на него, отворачиваюсь к окну.

— Это случилось при родах или до? — его голос не выражает никаких эмоций, будто робот со мной говорит. Только слышна хрипотца, как бывает, когда он злится.

— До! — рывкаю, стиснув зубы. Возвращаться мыслями в тот день — пытке подобно. Я не позволяю себе этого даже наедине с собой. Слишком больно, слишком травмирует.

— Ты видела его? Держала на руках?

Этот вопрос как нож в сердце. Невыносимо.

— Нет, — по щекам стекают первые слёзы, и я быстро смахиваю их, чтобы не утонуть в истерике. Только не при нём. — Они не дали. Сказали, что могу с ума сойти, если посмотрю.

Сабуров молча возвышается надо мной ещё несколько минут, а потом медленно уходит. Вот так вот, разбредив и без того незаживающую рану, удаляется, а я остаюсь со своими убийственными воспоминаниями наедине.

Нет, нельзя. Нельзя поддаваться. Делать что угодно, только не расклеиваться. Я не подарю врагу такую радость.

— Забудь... Забудь, — хватаюсь за голову, зарываясь пальцами в волосы и сильно, до боли тяну. — Забудь. Не думай...

— Забудь... Забудь, — она хватается себя за волосы, плачет. Тихо очень, но в его голове этот плач звучит сиреной, взрывает и без того воспалённый мозг. — Забудь. Не думай...

Самир слышит чей-то рваный выдох и спустя несколько минут понимает, что принадлежит он ему. Уперевшись лбом в стену, ударяет по ней кулаком: раз, два, три. Не проходит. Жжёт там, в груди, словно кто-то орудует ножом с упорством и опытом серийного убийцы.

Оторвав занемевшее тело от стены, быстро идёт назад, хватается её за плечи и с силой тянет вверх.

— Всё! Всё, сказал! Хватит! — прижимает её к себе рывком, так, что Настя испуганно охает и пытается отстраниться, но, поняв, что он не собирается причинять ей боль, на какое-то время расслабляется и позволяет себе выплакаться.

Нет, нельзя так играть. Она могла бы соврать в чём угодно, но только не в этом. Ему очень хочется в это верить. Так, что в глотке появляется болезненный ком, будто проглотил булыжник.

Что-то не так во всей этой истории.

Содрогания и всхлипы прекращаются, Настя отстраняется, отталкивая его.

— Я не нуждаюсь в твоей жалости, так что не стоит, — обеими руками смахивает слёзы, а Самир, наконец, приходит в себя и делает шаг в сторону. — Лучше объясни, зачем ты меня убил? К чему этот спектакль на публику? Чтобы меня никто не искал, и ты мог делать всё, что душе захочется?

Сабур вскидывает брови, усмехается её заключению. Забавный вывод.

— А мне кто-то может помешать, Анастасия?

Она вздёрнула кверху подбородок, холодно улыбнулась.

— Так значит, ты решил убить меня понарошку, чтобы не потерять свой авторитет? И я теперь не существую, так?

— Почти так. Я убил тебя понарошку, чтобы не убивать по-настоящему.

На какое-то мгновение я сдалась. Захотелось побыть слабой и поплакать. И спустя пять минут, конечно же, пожалела. Я не должна показывать ему своё отчаяние. Достаточно того, что уже пережила, моих слёз он больше не увидит.

Но они всё скатывались по щекам, оставляя на коже солёные дорожки и привкус горечи во рту. Я кусала губы в кровь, пытаюсь изо всех сил сдержать предстоящую истерику, но воспоминания самого ужасного дня моей жизни наваливались камнями и пришибали к земле, стоило хоть немного поднять голову. Самир не дал зажить моей ране, ещё и солью её посыпал. Чтобы жгла и кровоточила, чтобы не затягивалась подольше. Дурак. Она и так никогда не заживёт, ведь это не просто рана. Это зияющая дыра на месте, где когда-то билось сердце. Любило, горело от счастья и неприятностей.

Кое-как дошла до комнаты, упала на кровать и, свернувшись калачиком, закрыла глаза, чтобы через минуту провалиться в беспамятство. Чёрный провал без сновидений и мыслей. Почти как пьяный обморок, с той разницей, что на утро ты проснёшься в том же аду, и таблетка аспирина не поможет.

Сабуров, судя по абсолютной тишине в доме, ушёл рано утром, и я не слышала его шагов, что уберегло от очередного стресса. Его слишком много в последнее время. Моя психика уже не справляется.

Спустилась вниз, приготовила себе завтрак и села за стол, намереваясь затолкать в себя яичницу, вкуса которой, конечно же, не почувствую. Говорят, человек теряет аппетит, когда влюбляется. У меня наоборот: потеряв любовь, я потеряла и аппетит, и вкусовые качества, и даже желание двигаться исчезло.

А любила ли я? Задаюсь вдруг этим вопросом и начинает казаться, что схожу с ума. Ведь я точно помню, как ждала его по вечерам, как страдала, когда расстались, и радовалась, когда он, несмотря ни на что, пришёл ко мне на Новый год, чтобы отметить наступление праздника со мной. Не с любовницей, не на своей обожаемой работе. Со мной. И это тогда так много значило... Что же случилось с нами? Что будет дальше? Так и будем ненавидеть друг друга?

На этот вопрос я не знала ответа, увы. Но уверена в одном: мы не сможем начать новую жизнь поодиночке. Потому что не выдержим счастья друг друга с кем-то другим.

Моё уже такое родное одиночество вдруг нарушает стук во входную дверь. Самир? Он обычно не приходит так рано. Тем более, сейчас, когда король решил заявить о своём возвращении всему городу. Охрана вообще не появляется в доме. Думаю, им был дан приказ только снаружи стеречь. Но тогда кто? Может, владелец тех заботливых рук, что приносят сюда еду?

Я выхожу, чтобы посмотреть на гостя и растерянно застываю, встретившись лицом к лицу с Карамом. Разве он не погиб тогда в больнице? Я видела, что его ранили, и думала... А, впрочем, неважно. Разве осталось хоть что-то, чему я ещё могу искренне удивиться?

— Добрый день, Анастасия. Самир Камалович сказал, чтобы я вывел вас на улицу.

— Здравствуй, Карам, — отвечаю вежливостью на вежливость, не более. Тёплых, радостных чувств по поводу его появления не испытываю. Что он, что его хозяин — оба

хороши. — И зачем же меня выводить на улицу?

— Чтобы вы подышали воздухом. Самир Камалович беспокоится о вас и вашем самочувствии, — выдаёт на полном серьёзе, и я прыскаю от смеха.

Карам, правда, никак на это не реагирует, смотрит всё так же, куда-то в область моей переносицы. Станный он какой-то. Когда Самир якобы погиб, мне казалось, что Карам сочувствует и даже испытывает боль. Мы почти друзьями стали. Но теперь понимаю, что это была всего лишь игра.

— С чего вдруг он забеспокоился? Боится, что я слягу раньше, чем он закончит со мной? — спрашиваю ядовито.

— Я буду ожидать вас на улице, Анастасия, — Карам разворачивается и уходит, будто не слышал мой вопрос. Видать, хозяин не велел болтать. Что ж. Прогулка мне пойдёт на пользу в любом случае.

Киваю сама себе и спешу наверх за одеждой.

Осень наступила как-то слишком резко, враз пожелтели и осыпались листья, воздух стал колюче холодным. Я прошлась по жухлой траве, вдохнула полной грудью. Внутри поселилось приятное ощущение умиротворения. словно всё то, что мне пришлось пережить за последний год, осталось там, в мрачном доме Сабурова. А ведь я когда-то мечтала о таком огромном, шикарном особняке. Рисовала в своих фантазиях, как наши дети хохочут и радостно что-то выкрикивают, бегая вот по такому двору, а там, за домом, мы собственноручно посадили бы деревья и цветы.

Поёжилась, обнимая себя руками. Безмятежность и покой снова сменились щемящим чувством, сосредоточившимся где-то в районе желудка. Иногда мечтать ещё больнее, чем терять. Особенно когда знаешь, что этим мечтам никогда не стать реальностью.

— Вы замёрзли? Я могу принести плед из дома, — послышалось позади.

— Нет, спасибо. Я люблю холод. Немного подышу и пойду в дом, — ответила, не поворачиваясь. — Так ты, значит, выжил, — не удержалась всё-таки.

— Да, — Карам, как всегда, лаконичен.

— Я рада.

— Спасибо.

— А меня вот уничтожили. Убили. Все понемногу. Самир, его сестрица, ваш проклятый бандитский мир. Пережевали и выплюнули. И ты меня бросил, — резко поворачиваюсь к нему и ловлю на себе взгляд Карама. По его лицу, как обычно, трудно понять, какие эмоции он сейчас испытывает, но я хочу, чтобы ему было больно. Чтобы всем, включая Самира, было здесь невыносимо больно.

— Я не бросал вас. И никогда не брошу, Анастасия. Пока вы в сердце Самира Камаловича, моё сердце тоже бьётся ради вас! Я защищу вас ценой своей жизни, если потребуется! — произносит отрывисто, глядя мне в глаза.

На миг замираю, а потом недоверчиво хмыкаю.

— Да ну? А если твой хозяин прикажет не защищать, а уничтожить? К примеру, выстрелить мне в голову? Что будешь делать в таком случае?

— Это будет единственный приказ, который я не смогу выполнить, — отвечает без всяких раздумий.

— Ну, конечно. Охотно верю, — настроение окончательно испорчено, и прогулка

больше не радуется. — Я ухожу. Благодарю за компанию, — отвернувшись от Карамы, запахиваю кардиган и спешу к дому.

— Но я вас не предавал! И Самир Камалович вас не бросал! Он всегда был с вами!

Горько усмехаюсь, на ходу смахиваю слёзы. Какая теперь разница? Имеем, что имеем. Мою боль не излечить сожалениями и поисками виноватых.

— Как она?

— Анастасия прогулялась и вернулась в дом.

— Мне что-нибудь передавала? — идиотский вопрос. Конечно же, нет. Он ведь знает об этом. Даже если она будет погибать от жажды, не попросит у него глотка воды. Но надежда — она такая упрямая, попирающая все факты и доказательства штука, что хочешь не хочешь, а будешь верить.

— Нет, Самир Камалович.

— Хорошо. Ты принёс записи?

— Всё здесь, — Карам водрузил на стол несколько пакетов. — Записи с камер видеонаблюдения, списки рожениц, персонал...

— Давай, скажи, пусть принесут кофе. Мы здесь надолго.

Спустя два часа просмотра видеозаписей начало рябить в глазах. Самир устало откинулся назад, со вздохом потёр переносицу.

Бесконечные хождения по коридорам и кабинетам больных, посетителей, медсестёр, врачей, охранников. Ни одного знакомого лица кроме Насти и Лазарева. Последний только часто мелькает. То с пакетом фруктов, то с цветами. Прямо типичный папаша в ожидании родов. Поставив на паузу, Самир уставился на его лицо, прищурился.

— Какой была его цель?

— Вы о чём, Самир Камалович? — Карам оторвался от бумаг, поднял на него взгляд.

— Лазарев. Чего он хотел от Насти? Ведь ясно же, что не по большой любви на ней женился. Сейчас бы рвал и метал, узнав, что она погибла. А он вон спокойно отдыхает себе за городом.

— Ну так, из-за наследства же...

Самир цокнул языком, усмехнулся.

— Нееет, Карам. Нет. Деньги для него были, скорее, средством, нежели целью. У него была возможность урвать лакомый кусок и свалить подальше, оставив Настю на съедение другим шакалам. И не одна. Сотни возможностей. Но он не использовал их.

— Думаете, что-то личное?

Сабуров кивнул, наполнил бокал коньяком.

— Ладно, об этом потом спросим у самого Лазарева. Продолжаем поиски.

Вернулся домой уже поздней ночью и, увидев Настю все там же, у окна, остановился рядом.

— Я бы спросил, ждёшь ли ты меня, но ведь ты скажешь, что нет?

— Нет, — ответила ему эхом. — А ты остановился, потому что...

— Мимо проходил, — бросил уже на ходу, направляясь в свою комнату.

Время тянулось так медленно, что иногда возникало ощущение, будто оно и вовсе

остановилось. День сменяла ночь и наоборот, а они с Настей всё так же оставались врагами. Хотя, нет... Враги всё же что-то чувствуют, как-то реагируют друг на друга. Ненавидят, пытаются сделать больно. А Настя не пыталась. Она, погружённая в свои раздумья, его просто не замечала.

Он не ждал, конечно, что она будет бросаться на шею и радоваться его возвращению домой, как когда-то. В утопию Самир уже давно не верил. А потому домой приходил поздно ночью, а рано утром снова уходил. Чтобы встречаться с ней как можно реже, не жечь, будто раскалённым железом, ни её, ни себя.

Залив в себя тройную дозу кофеина, как обычно, занялся расследованием. Дело продвигалось медленно, но никому, кроме Карама, его доверить не мог. Вдвоём они проверяли всех, кто так или иначе был замешан в этой истории, возможно, сам того не ведая, или просто находился рядом с Настей. Когда с персоналом было покончено, перешли на рожениц, но и среди них не обнаружили ни одной, кто бы дал хоть какую-то зацепку. Пока не обнаружили.

— Кто там у нас остался? — Самир повертел в руке пачку с сигаретами. Вторая за сегодня.

— Некая Амина Каримова и Татьяна Нефёдова. Обе рожали в ту же ночь, что и Анастасия. И всё. Остальных проверили.

— Давай, поезжай к Насте, пусть прогуляется. А я сам к этим женщинам наведуюсь, — нужно отвлечься. Хоть чем-нибудь заняться, чтобы не оставаться наедине с мыслями. — Карам? — позвал помощника, когда тот уже вылез из машины. — Заедь в питомник, щенка с собой прихвати. Отвези его Насте.

Самир, конечно, не простил её, как и она его. Между ними такая пропасть, что одним добрым делом её не преодолеть. Если вообще возможно всё это дерьмо преодолеть.

Но видеть её каждую ночь на том подоконнике, смотрящую куда-то в темноту, оказалось невыносимым для него. Её мучения не приносят ему ни облегчения, ни удовольствия. Наоборот, чем глубже она погружается в себя, тем паршивее ему.

Всё, что случилось с ними, изначально его вина, он не отрицал. Он не должен был соглашаться на сделку с её отцом, жениться на ней. Даже знать её не должен был. Самир всегда шёл по чётко продуманному плану и никогда не сворачивал с намеченного пути. Но всё пошло проебом, когда в его жизни появилась Настя. Всё наперекосяк. Весь мир его перевернула. А он теперь как по минному полю шагает. И идет не в ту сторону.

Приехав по первому адресу, осмотрелся вокруг и снова сверился с записью Карама. Видимо, ошибся. Решив разобраться с одной из женщин попозже, поехал к другой. Ею оказалась мать-одиночка с розовощёким сыном на руках.

Открыв дверь, вопросительно взглянула на Самира, а тот уставился на ребёнка. Интересно, его сын такой же? Пухлый и симпатичный? Белокожий, как Настя, или смуглый, как отец? Какой он, его сын, которого ни разу не держали на руках родные родители? В груди уже знакомо заныло, защемило.

А что, если этот ребёнок и есть его потерянный сын? Маловероятно, конечно, но вдруг?..

— Простите, вам кого? — девушка чуть прикрыла дверь, оставляя небольшой зазор. Испугалась, наверное.

— Я ищу Татьяну Нефёдову. Это вы?

Девушка нахмурилась, сильнее вцепилась в ручку двери, явно жалея, что не спросила,

кто пришёл.

— Вы из банка, что ли? Я же просила отсрочку. У меня сейчас нет денег... — окинул взглядом её одежду, прихожую тесной квартиры. Нет, у неё точно нет таких денег, чтобы купить ребёнка. — Материнский капитал вот только оформила, подождите хоть немного, — говорила негромко, видимо, чтобы не испугать розовощёкого, но Самир заметил, как задрожали ее руки. Скорее всего, достали коллекторы. Нашли, кого пугать.

— Я не из банка, Татьяна. И никаких плохих намерений у меня нет. Просто ответьте мне на один вопрос, — достав фотографию, показал девушке. — Вы видели её? Она рожала с вами в одной клинике.

Татьяна медленно кивнула. Неуверенно так, будто сомневалась, говорить или нет. Осмотрела его с головы до ног и попятилась.

— Нет, я не знаю её. Знаете, мне нужно малыша покормить, я пойду, — дёрнулась, пытаюсь захлопнуть дверь, но Самир схватился за неё и замер, стараясь не делать резких движений, чтобы не испугать.

— Ты знаешь. Расскажи мне, и я уйду. Обещаю.

— Вы что ненормальный? Я же сказала, что не знаю! Отпустите дверь! — Татьяна повысила голос. Всё-таки испугал.

— Я не могу отпустить эту дверь, Таня, — проговорил тихо. — Потому что, возможно, за ней находится одна-единственная нить, которая приведёт меня к моему исчезнувшему сыну. Скажи мне, что ты знаешь — а ты знаешь, я вижу — и я уйду. Даю тебе слово мужчины.

Девушка прищурилась, словно не веря ему. Он и сам не поверил бы, если бы всё это дерьмо случилось не с ним.

— Ладно, — не выдержав борьбы взглядами, первой отвела глаза. — Я видела эту девушку. Пару раз пообщались, попили чаю.

— Расскажи мне, о чём вы говорили? Она рассказывала о себе?

Девушка задумалась.

— Мой парень бросил меня перед самыми родами, уже когда лежала в клинике. Просто позвонил и сказал, что не сможет быть отцом. Не готов, видите ли... Помню, я стояла у окна в коридоре и плакала. Думала, что будет дальше, как я с ребёнком одна останусь. Я жила за счёт парня и даже оплатить услуги медицинского центра была не в состоянии. Ко мне подошла девушка, протянула коробку с конфетами. Разговорились, пошли за чаем. Я ей поплакалась, а она — мне... Правда, не знаю, что там у неё произошло, она лишь сказала, что потеряла единственного родного человека.

В этот момент что-то острое и обжигающее вонзилось в сердце. Сжал кулаки, медленно выдохнул:

— Что ещё она рассказала?

— Да, в общем-то, ничего больше и не успела, пришёл какой-то мужчина, я подумала, что муж. С ней так ласково говорил, елейно, а на меня как зыркнул — земля из-под ног ушла. Нехороший человек. Вроде улыбается, цветы жене вручает, а сам смотрит на неё, как зверь какой, будто растерзать хочет. Мы потом с Настей ещё раз виделись, вместе пообедали. Она мне толстый конверт дала, сказала, чтобы открыла после родов. А там деньги были, представляете? И на клинику хватило, и на питание с памперсами. Я отблагодарить её хотела, но уже не нашла. Сказали, у неё ребёнок мёртвым родился, и она уехала домой. Вот и всё, собственно... Жалко, конечно, очень. Она то и дело живот гладила,

да приговаривала, что назовёт сыночка в честь отца. — В висках запульсировало, сдавило голову, будто стальным обручем. — А что там с вашим ребёнком? Вы, если Настю в чём-то подозреваете, то очень зря. Она хороший человек, никому плохого не сделает. Я её, конечно, знаю всего ничего, но уверена, что зла в ней нет.

Устало помассировал пальцами переносицу, выдохнул.

— Спасибо, Татьяна. Всего доброго, — развернулся, чтобы уйти, но что-то остановило. Вернее, кто-то. Розовощёкий захныкал, а у меня все нутро перевернулось. — Подожди, — ринулся назад, достав из кармана портмоне. — Я забыл тебе передать кое-что от Насти, — протянул девушке карту. — Здесь достаточно денег, чтобы оплатить твой кредит и не знать нужды, пока не разберёшься с проблемами. Пин-код на обратной стороне. Возьми.

— Но...

— Бери, — сунул карту девушке и, развернувшись, быстро пошёл вниз, сжав трость до хруста пальцев.

— Привет, — Света встречает его в красном пеньюаре, с распущенными волосами, струящимися по плечам, и лёгким вечерним макияжем. Она умеет быть красивой.

Его ждала? Ответ и так ясен. Кого же ещё? И Самир ловит себя на мысли, что был бы не против. Пусть бы встретила кого-нибудь. Он бы даже делал вид, что ничего не замечает. Всё-таки она молода, красива.

Но тут же всплывает одно жирное «НО». Его ребёнка не будет растить чужой мужик. Исключено.

— Привет, — на неё не смотрит, делая вид, что не заметил всего этого. Он мог бы, в принципе, догадаться, что так будет, когда объявил о Настиной лжегибели.

— Дочка где?

— Она спит уже... Но если хочешь, можешь пройти к ней, — в её голосе отчётливо слышится разочарование и, возможно даже, обида. И он её, конечно, хорошо понимает. Теперь, когда его отвергает Настя, более чем понятно, что чувствует Света. Только он с собой ничего поделать не может. Ни одна женщина не легла в его постель после покушения. И он уверен: больше не ляжет. Никто, кроме Насти. А последней, как известно, лучше яду выпить, чем дышать с ним одним воздухом. Об остальном даже речи не идёт.

Малышка сладко спала, раскидав маленькие ручки в стороны. В груди уже привычно стало горячо. Трогать её не стал, не хотел разбудить. Лишь склонившись, поцеловал маленькую головку.

Света ждала его на кухне, накрыв на стол.

— Вино будешь? Твоё любимое, — улыбнулась, демонстрируя тёмную бутылку. — Даже пыль на ней коллекционная.

— Нет, Света. Я не буду. Послушай, — начал было со вздохом, но она остановила его еле заметным движением руки.

— Пожалуйста... Не говори ничего. Я знаю, что ты любил её. И честно говоря, всё ещё завидую этой бедной девушке. Вот такая вот я идиотка... — поставила не откупоренную бутылку на стол, сделала шаг навстречу. — Я все понимаю и уважаю твои чувства. Не навязываюсь и не заставляю тебя, признав нашу дочь, признать и меня, как жену. Возможно, этого не случится никогда, и я готова к такому исходу. Но подари нам обоим эту ночь. Пожалуйста, Самир. Не уходи, — её руки ложатся на пояс халата, распахивают полы, и шелковая ткань, скользя по точёной фигуре, падает на пол. Красива. Даже очень. После родов стала ещё привлекательнее и сексуальнее. От такой женщины любой бы с ума сошёл. Неудивительно, что Дениса на ней заклинило. Но Сабур ничего не почувствовал. Пусто. Ничего к ней нет, кроме уважения. Любовь, может, и есть, но точно не та, которая ей сейчас нужна. Скорее, как к другу, как к матери его ребёнка. Но не как к женщине.

Она ждёт его действий, и он обязательно отреагировал бы. Чуть больше года назад...

Склонился к ней, ниже и ещё ниже. Света закрыла глаза и изумлённо распахнула их, когда Самир накинул ей на плечи халат.

— Извини. Но я уже тебе говорил однажды и повторю: ничего не будет. Закончилось. Уже давно. Ты должна начать новую жизнь. Без меня. Я буду всегда рядом с дочерью, но только с ней, — каждое слово чётко, отрывисто. Без малейшей доли ласки. Лучше отрубить одним махом, чем мучить её раз за разом.

Самир ушёл прежде, чем она произнесла хоть слово. Потому что знал, что поступает жестоко, ранит её. Но и врать нет смысла. Никакой секс не даст ей то, чего никогда не было.

Амур тихо посапывал, сложив голову и лапки на мои колени. За время, что мы были в разлуке, он заметно подрос и поправился, шёрстка стала лоснящейся и более жёсткой. Растёт мой мальчик.

Я бы очень хотела сказать так и о своём сыночке, но...

Когда во дворе блеснул свет фар, щенок поднял голову, зарычал, будто говоря мне, чтобы не боялась, что он защитит. Такой смелый и забавный.

Самир поднялся на этаж, приблизился сзади. Я увидела его отражение в окне, и запах его туалетной воды тут же проник в ноздри, отчего сжалась диафрагма. Амур неуверенно вильнул хвостиком, а потом, словно распознав в Сабурове своего хозяина, с повизгиванием бросился ему под ноги. Я повернулась, удивлённо уставилась на то, как Самир поглаживает прыгающего на него щенка между ушей.

— Я навещал его в приюте, — пояснил зачем-то, и я пожала плечами. Мне, наверное, никогда не суждено понять этого человека.

— Сначала запер его там, а потом навещал? Как благородно. Хорошо, что Амур не понимает этого, иначе, его сердце тоже было бы разбито, — как и моё... Раскрошено в пыль.

— Настя... — слышу, как он набирает в лёгкие воздуха, собираясь что-то сказать, но так ничего и не произносит. Потрепав Амура за загривок, уходит. Снова. Как обычно.

— Самир? — зову его тихо, втайне надеясь, что не услышит. Так было бы проще... Но нет. Он слышит. Останавливается, чуть поворачивает голову в сторону. — Спасибо. За Амура спасибо, — я не это хотела сказать. Я вообще не знаю, что хотела сказать ему. Его имя само сорвалось с губ, будто к чему-то подтолкнул внутренний голос.

Сабуров кивает и уходит, а я медленно выдыхаю, расслабляясь.

— Что ты так на меня смотришь? — на этот раз обращаюсь к Амуру, который, склонив голову набок, с интересом рассматривает меня. — Я просто его поблагодарила. Вежливость ещё никто не отменял.

Амур громко тявкает, будто потешаясь над моей нелепой отмазкой, и, повиливая юрким хвостиком, убегает вниз, видимо, к своей миске. Когда Карам его привёз, я сначала не поверила своим глазам. Думала, начались галлюцинации. А потом от радости принялась закармливать бедное животное вкусняшками. С Карамом мы больше не разговаривали, даже не смотрели друг на друга. Он прохаживался позади, пока мы со щенком бегали по двору и играли с мячиком. Амур, в отличие от меня, привык к дому мгновенно, ничуть не смущаясь, пометил все углы, благо только со стороны улицы. А я... Мне просто стало легче. Не так, чтобы очень, но теперь рядом был хоть кто-то, кто меня любит искренней любовью. Кто никогда не предаст и не забудет о моём существовании. И не бросит.

Приняв душ, залезла в кровать, а Амур бухнулся рядом на ковёр и тут же громко засопел. Умаялся, бедненький. Свесившись вниз, не сдержала улыбку. Хоть кто-то в этом доме чувствует себя счастливым.

На пол неожиданно упала полоска света из коридора, и я вскинула взгляд на Самира, что застыл в проёме. Сев на кровати, потянула одеяло вверх. Он шагнул в темноту, и я не сразу заметила, что в его руке, которой он по обыкновению держит трость, теперь была ботылка с коньяком, а походка стала более неровной.

— Не помешаю?

Глядя на Сабурова с ожиданием, молча подвинулась, когда он присел на край кровати и опустил голову, уперевшись локтями в свои колени. В глазах нет хмеля, лишь тоска тёмная. Наверное, такая же живёт и в моём взгляде.

— Я хотел... — шумно, тяжело вздохнул. — Выпьешь со мной? — протянул вдруг бутылку, посмотрев в глаза. — Давай.

Я приняла коньяк, сделала глоток прямо из горлышка и скривилась, когда пищевод обдало ароматной горечью. Тут же стало горячо в желудке, и алкоголь мгновенно ударил в голову. Что и говорить, пьяница из меня так себе.

— Крепко для тебя, да? — усмехнулся по-простому, без издевки.

— Ага... — передала ему бутылку и дёрнулась в тот момент, когда его горячие пальцы накрыли мои. Одёрнула руку, отчего-то устыдившись своего глупого сердца, что заколотилось о рёбра.

— Я хотел спросить у тебя кое-что. Ты ответишь мне?

Снова приняла бутылку и, предвидя, что вопрос будет не из лёгких, сделала несколько обжигающих глотков. Закашлялась, прикрывая рот ладонью.

Самир поставил коньяк на тумбочку, придвинулся ближе.

— Как ты думаешь, мы смогли бы когда-нибудь переступить через всё это дерьмо и пойти дальше? Вместе. Рука об руку. Смогли бы?

Горько (а может, пьяно) засмеялась, покачала головой.

— Нет, Самир. Не смогли бы. Потому что я ненавижу тебя так же, как и ты меня. Наша ненависть, как и любовь, взаимна. И она так крепко вросла в нас, что даже с мясом не вырвать. Ты не простишь меня, потому что я вышла замуж за другого, а я не прощу тебя за то, что по твоей вине я потеряла сына.

Он быстрым движением хватает меня за лицо, сжимает его в своих ладонях и хочет что-то сказать, но, открыв и закрыв рот, так и не решается.

— Видишь? Ты сам понимаешь, что это так, но продолжаешь пытаться нас обоих! — толкаю его в грудь, а Сабуров грубо толкает меня на подушку и набрасывается на мои губы. Отдалённо слышу стук когтей о паркет — куда-то убегает Амур. Мне не хватает воздуха, и кружится голова, а в следующий момент я понимаю, что отвечаю на поцелуй Сабурова.

Оторвавшись от меня, он застывает взглядом на моём лице, продолжает удерживать. Кожу жжёт не то от его прикосновений, не то от слёз, что бегут по щекам. Он стирает их большими пальцами, приближается своими губами к моим.

— Не надо. Не плачь, — снова целует, прикусывая нижнюю губу и, проглотив мой негромкий вскрик, наваливается всем телом.

В ушах шумит, и глаза застилает пелена. Мне больно, так невыносимо больно внутри, в том месте, где, видимо, находится израненная в кровь душа. И знаю, что станет ещё больнее, если он сейчас отпустит и уйдёт.

Хватаюсь за его плечи, обтянутые белой футболкой, вонзаюсь в них ногтями. Ударяемся друг о друга зубами, на языке чувствуется сладковатый привкус крови, но мы уже не можем остановиться. Как озверелые, потерявшие вмиг человеческий образ, хватаемся друг за друга и прижимаемся телом к телу.

Трещит одежда, сдираемая его руками, слышится звон пуговицы, отлетевшей от его джинсов и покотившейся по полу.

Впопыхах спускает штаны, срывает с меня пижамные шорты и рывком входит. Я стону

от пронзившей промежность и низ живота боли, обхватываю его ногами и, запрокинув голову, реву во весь голос. Реву, потому что меня разрывает, оттого как сильно он нужен мне в этот момент. Кричу, потому что ничего уже не изменить, не вернуть, не построить заново, не склеить рассыпавшиеся осколки... И мне так хочется, чтобы его рваные движения во мне не прекращались.

Он останавливается, упирается лбом в мой лоб, тяжело и хрипло выдыхает в лицо:

— Я не могу отказаться от тебя. Забыть не могу. Выкинуть тебя из головы и своей жизни — не могу!

А потом, схватив меня за ноги, широко разводит их в стороны и, заполнив меня до упора, изливается внутрь.

Падает рядом, закрыв глаза, а я поворачиваюсь набок, обнимаю себя руками и долго смотрю в стену напротив, рисуя на ней невидимые узоры.

Просыпаюсь, будто от сильного толчка, и, резко распахнув глаза, снова впериваюсь взглядом в стену. Сзади чувствуется какое-то шевеление, и я про себя прошу, чтобы это оказался Амур. Но когда слышу шуршание одежды и звук застёгиваемой молнии, понимаю, что это Сабуров.

Не показываю, что проснулась, жду, когда он уйдёт, и облёгченно вздыхаю, услышав, как закрывается дверь. Радуюсь, что он ушёл, и нам не придётся видеться сейчас. Слишком тяжело, потому что я не знаю, что на меня вчера нашло. Да и он, подозреваю, тоже.словно какое-то помутнение.

Можно ли назвать наш спонтанный, абсолютно неожиданный секс перемирием? Хотя бы временным? Мне бы, правда, этого хотелось, потому что я зверски устала от войны, которую не начинала.

Простила ли я его? Нет. Простил ли он меня? Смешон даже этот вопрос. Но что-то незримо изменилось в тот самый миг, когда я ответила на его поцелуй. Не могу сказать, что мне вдруг стало легче, и обида отступила. Нет. Стало ещё хуже... Потому что я поняла, как сильно люблю своего палача. Ничего не прошло и не остыло. И мы не изменились. По крайней мере, не настолько, чтобы разлюбить и отпустить хотя бы в душе.

От выпитого накануне коньяка слегка побаливает голова, и хочется пить. Я выжидаю некоторое время, а потом спускаюсь на кухню. У двери меня встречает довольный и, судя по округлившемуся пузику, очень даже сытый Амур. Виляя хвостиком, стучится им о холодильник и носом пихает мне свою пустую миску, словно показывая, что его уже накормили.

— Ах, ты ж проказник, — треплю его за холку. — Выпросил таки еду у Сабурова, да?

— Сабуров не такой изверг, как ты думаешь, — слышится вдруг из-за барной стойки, и я скидываю взгляд на Самира, что, облокотившись о глянцевую поверхность, безмятежно потягивает кофе.

Обычно его в это время дома не застать... Зачем остался? Хотел посмотреть на мою реакцию? Поиздеваться? Сказать что-нибудь колкое, спустить с небес на землю и показать мне моё место? Извини, Сабуров, представления не будет. Я уже не та наивная Настенька, что когда-то. Уже давно ни на что с твоей стороны не рассчитываю и не претендую.

— Именно такой, как я думаю, — ворчу, пытаюсь скрыть смущение, потому что стою посреди кухни в одной футболке, еле-еле прикрывающей попу, а Сабуров беззастенчиво

рассматривает мои ноги. Мне особо стесняться нечего, да и мы видели друг друга голыми и раньше, но сейчас это кажется каким-то предательством с моей стороны. Я предаю память сына, которому пообещала, что все, кто виновен в его гибели, понесут наказание. Предаю себя — ту Настю, что осталась в прошлом, но всё ещё живёт внутри меня и нет-нет, да напоминает о себе и своей боли.

Открываю холодильник, придирчиво осматриваю содержимое и достаю последний йогурт. Когда-то я приучила Самира есть по утрам натуральные йогурты, и с тех пор мне всегда достаётся последний.

Про себя улыбаюсь. А ведь у нас было и хорошее. Было же. Но так ничтожно мало этих приятных моментов, что даже не сразу удаётся их вспомнить...

Беру ложку и сажусь за стол, где уже стоит блюдо со свежей выпечкой, и не выдерживаю:

— Кто приносит продукты? Каждое утро здесь появляется свежая выпечка, фрукты, — и если поначалу, когда в моей голове жила навязчивая мысль сбежать, я радовалась, что однажды, быть может, этот кто-то мне поможет, то сейчас незримое присутствие чужого человека меня настораживает. Я разучилась доверять людям.

— Карам, — отвечает коротко, и чувствую кожей, на которой вдруг выступили «мурашки», что он смотрит на меня.

Сама не поворачиваюсь, всем своим видом показываю, что его присутствие меня никак не беспокоит, но руки ужасно дрожат.

— У меня есть небольшая просьба... — жду, что он сразу же ответит отказом и, возможно даже, грубо, но Самир молчит, видимо, в ожидании самой просьбы. — Меня может «выгуливать» кто-нибудь другой? Не беспокойся, сбегать я не планирую. Мне некуда идти.

Сабуров ставит чашку в посудомоечную машину, неспешно прохаживается вдоль стойки и приближается ко мне.

— А чем тебя не устраивает Карам? Он проявил неуважение? — он оказывается слишком близко, отчего я начинаю нервничать ещё сильнее. Что-то странное со мной происходит сегодня.

— Нет. Он вежлив и услужлив. Но я его терпеть не могу. Он предал меня. Если можно...

— Хорошо, я дам тебе другого охранника, — неожиданно легко соглашается Самир. — Но ты ведь знаешь, что он не предавал тебя? Он просто был верен мне. И будет, — добавляет зачем-то.

— Ладно, спасибо, — аппетит окончательно исчезает, и я, отложив ароматную булочку с маком на тарелку, встаю из-за стола. Пытаюсь обойти Сабурова, но тот преграждает мне путь.

— И всё?

— Что? — бормочу, блуждая взглядом где-то в районе его бороды.

— Это всё?

— Да, всё.

— И ты больше ничего не хочешь мне сказать?

— А должна что-то сказать? — набравшись смелости, всё-таки смотрю ему в глаза.

— То, что было вчера...

— Ничего не меняет для нас, я знаю, — перебиваю его и обхожу стороной. Ни к чему эти объяснения.

— Хорошего дня, Настя! — доносится до меня его голос, звучащий так, будто он мне всех мук ада желает.

— И тебе удачи! — отвечаю резко и захлопываю за собой дверь.

Мама смотрит на нас с дочкой с нежной улыбкой, по щеке стекает прозрачная слеза.

— Я так рада, что вы вернулись... Ты не представляешь, что я пережила тогда. Я так за вас испугалась. И до сих пор не понимаю, что тогда произошло. Ведь Денис выглядел таким влюблённым — и тут на тебе, маньяк.

— Мам, — вздыхаю, пропуская по телу дрожь. Одно упоминание адовой клетки, из которой я чудом спаслась, приводит в ужас. — Всё уже. Забудь. Он больше не появится в нашей жизни. Самир нас защитит.

При упоминании имени Сабурова мама недовольно поджимает губы.

— И что теперь будет, дочь? Ты снова с этим мужчиной? Будто ничего и не было? Вы ведь ещё до его исчезновения расстались, помнишь? Ты вся в слезах ко мне пришла. Беременную бросил... А теперь вдруг совесть разыгралась? О дочери вспомнил?

— Не начинай, — обрываю её. — О дочери он и не забывал с тех пор, как узнал о ней. А я... В прошлом осталась, мам, — голос предательски дрожит, и мне не удаётся скрыть истинные эмоции. — Мы вчера поговорили об этом... Коротко. Он расставил все точки над «i» и объяснил мне, что я лишь мать его ребёнка. Не более. Так что, можешь, не переживать. У нас больше ничего не будет.

Она вздыхает, видимо, чувствуя мою боль, а я прячу слёзы, склонившись и целуя лобик Лизы.

— Может, оно и к лучшему, а, Свет? — начинает осторожно мама. — Ну что за будущее с таким мужчиной? Каждый день перестрелки, взрывы... А ты не одна теперь. Дочка вон какая хорошенькая. Отец, конечно, всегда хорошо. Но мама — лучше. Ты должна сейчас жить ради этой крохи. А мужчина... Знаешь, однажды ты встретишь своего человека.

«Нет уж. Достаточно мне мужчин», — подумала с грустью и вздрогнула от дверного звонка, который ни разу до этого не слышала. Самир всегда негромко стучит, чтобы не разбудить Лизу, а больше к нам никто и не приходит.

— Кто это? — нахмурилась мама, принимая из моих рук уснувшую Лизу.

— Сейчас посмотрю, возьми её.

Вышла в коридор, на цыпочках добежала до двери и включила видеокамеру домофона. Я всё ещё видела в ночных кошмарах Елисеева и то, как он душит меня, сжав горло своими холодными пальцами. На мгновение растерялась, увидев на дисплее Карама, а потом набрала комбинацию из нескольких цифр, открывая входную дверь.

— Здравствуй, Света, — Карам совсем не изменился, всё такой же серьёзный.

— Привет... Рада тебя видеть.

Он коротко улыбнулся, протянул мне несколько бумажных пакетов.

— Здесь одежда для ребёнка, Самир Камалович передал. Он сказал, что не сможет сегодня заехать.

Да уж... После моего вчерашнего «подката» — неудивительно.

— Хорошо, спасибо. Зайдёшь? Мы с мамой чай пьём... Давно не виделись, поболтали бы.

Карама я знала много лет, наверное, ещё с тех пор, как познакомилась с Самиром. Он

всегда был молчалив и угрюм, и какое-то время я даже побаивалась его, но вскоре мы нашли общий язык и даже подружились. Насколько это, конечно, возможно с человеком, вроде Карама. Он не имел друзей и проводил свободное время в абсолютном одиночестве, вдали от всех. Иногда мы пересекались с ним в гостинице, обменивались несколькими фразами и парой улыбок. А потом всё случилось, как случилось...

— Если только ненадолго, — ответил после непродолжительной паузы и всё-таки шагнул внутрь.

— Простите, к Самиру Камаловичу нельзя сейчас! — из приёмной доносится испуганный голос секретаря, и тут же резкий ответ отца:

— Пошла вон! Я к сыну пришёл!

Настежь распахивается дверь, и он появляется на пороге.

— Здравствуй, сын! Уделишь мне минуту своего драгоценного времени?

— А если скажу, что не уделю? Ты ведь всё равно не уйдёшь?

В ответ Камал с грохотом захлопывает дверь и, пройдя к столу, упирается кулаками в глянцевою поверхность.

— Твоя сестра пропала! Вместе с детьми!

Самир даже бровью не повёл, лишь отставив чашку с кофе в сторону, сцепил руки в замок.

— А я здесь при чём?

— Ты что, сынок, оглох? Ты слышишь, что я тебе говорю? Сестра пропала! Вместе с моими внуками! Возможно, их кто-то похитил! Сейчас не время для ваших личных обид!

Ну, ясно. Камал в своём репертуаре. Вспомнил о сыне, когда понадобилась помощь.

— А может, она от тебя сбежала? Помню, как-то навевалась ко мне с жалобами. Говорила, что ты её достал, — Самир обычно проявлял уважение к отцу, но сейчас пробрало. Он уже несколько месяцев не спит, сбился с ног, пытаюсь отыскать своего сына. Он Настю потерял. Он сам себя загнал в угол.

— Тебе смешно?! Как ты можешь быть таким бессердечным, когда дело касается твоей семьи?! — вскипел старик.

— Во-первых, она не моя семья. Во-вторых, у неё есть муж. Вот пусть он её и ищет. Мне плевать, что будет с твоей дочерью. Не исключено, что это очередная её игра, чтобы привлечь твоё внимание. В общем, как я уже сказал, мне плевать.

— Сынок... — отец тяжело вздохнул, опустил на стул. — Я знаю, что ты не ладишь ни с Алимой, ни с её мужем, но...

— Нет, отец, не так. Чтобы не ладить, нужно кем-то быть друг другу. А эти алчные шакалы — не больше, чем просто пыль под моими ногами. Пусть скажут спасибо, что я позволяю им ползать по этой земле, после всего, что они сделали с моей женой. Уясни, наконец. Я не помощник им. Я могу только стать их бедой. И похищением, будь уверен, не ограничусь.

Камал устало провёл рукой по лицу. По его виду можно было бы предположить, что, и правда, сильно переживает. Если бы Самир не знал его, как свои пять пальцев. Этот человек не может любить. Не умеет. В принципе, тут они с Самиром похожи.

— Сын... Я понимаю тебя, но сейчас речь идёт не о них, а о моих внуках. Самый маленький ещё грудной. Совсем беспомощный. Помоги не им, помоги моему внуку.

— Насколько я знаю, у Алимы уже большие дети, нет?

— Так она же родила недавно. Ещё даже года нет... я тогда по тебе горевал, даже не поздравил её толком. А потом как взглянул на него, все перед глазами поплыло. Он точь-в-точь вылитый ты в детстве. Даже странно... Вы ведь не по крови родственники, а оно вон как... Этот малыш мне отдушиной стал. Я же думал, что потерял сына, — в глазах старика заблестели слёзы. — Самир, сынок, ребёнок же ни в чём не виноват. Он всего лишь ребёнок.

Сабура что-то опять накрыло. Невыносимо жить и не знать, где твой собственный ребёнок. Это ежедневная, ежеминутная пытка. Он знает это, прочувствовал каждый оттенок этой каторги.

— Меня это не касается. Больше с проблемами своей дочери ко мне не приходи. Сейчас все мои люди задействованы в поисках моего сына. Чужого я искать не собираюсь.

Старик вскочил, в бешенстве затряс головой.

— У тебя совершенно, что ли, ничего человеческого внутри не осталось?! Какого твоего сына?! Он же умер! Или ты совсем уже рехнулся?!

— Я занят, отец. У меня нет времени на твою семью. — Он свою, разбитую на осколки, никак собрать не может.

Вышла на порог дома, осмотрелась вокруг. У ворот, как обычно, несколько охранников, все как один отвернулись, увидев меня. Выдрессированные.

Карам так и не пришёл, и я осмелилась выйти на улицу вдвоём с Амуром. Он тут же принялся радостно носиться по территории, а я прошла в беседку, кутаясь в тёплый плед. Никто не посмел сказать мне, чтобы зашла в дом, видимо, запрета на мои прогулки как такового не существует.

Через щель в приоткрытой двери увидела подъехавшую машину, из которой вышла какая-то женщина, и один из охранников пропустил её внутрь.

Та окинула серьёзным взглядом двор, увидела меня и уверенным шагом направилась к беседке.

— Добрый день, Анастасия Ивановна. Меня зовут Инна, и я прибыла, чтобы работать у вас, — Инна доброжелательно улыбнулась, вытянулась по струнке, будто ожидая приказа. На вид около сорока лет, очень опрятная, немного полноватая, но ей очень идёт. Эдакая премилая хозяйюшка.

— И кем же? — я не сдержала смехок. — Надзирательницей?

— Простите? Самир Камалович прислал меня в качестве домработницы. В основном, чтобы выполняла ваши поручения, — женщина, похоже, немного растерялась. — Я привезла с собой все необходимые документы, справки и рекомендации. Самир Камалович всё изучил, но вдруг и вы захотите...

— Спасибо, Инна, но я этими вопросами здесь не занимаюсь. У нас всё решает Самир Камалович. А я так, временная гостья, — ответила ей немного едко. Значит, Сабуров избавил меня от Карама, но прислал его женскую версию? Мило. Особенно то, как Самиру нравится издеваться надо мной.

— Ноо... — она, видимо, уловила в моём голосе неприязнь. — Ваш муж сказал, что здесь хозяйка вы, и в мои обязанности входит выполнять ваши указания.

Хмм... Очередной спектакль одного актёра? Сабуров шутник у нас, оказывается? Хозяйка я тут, как же. Ну, а с другой стороны, он же не скажет новой работнице, что прячет в своём доме ту, которую все считают погибшей. Прячет, потому что сам не смог убить, а теперь держит у себя «для потрахаться».

— Что ж, тогда приготовьте мне кофе и что-нибудь на ужин. И учтите, я питаюсь правильно. Самир Камалович тоже, — мужем его назвать не повернулся язык.

Вопреки моим ожиданиям, Инна не стала настаивать на том, чтобы я пошла с ней в дом, но за её спиной вырос охранник.

— Хорошо, Анастасия Ивановна. Зураб покажет мне кухню, и я всё сделаю.

Амур подбежал ко мне, ткнулся влажным носом в колени, а я, провожая взглядом женщину, почувствовала себя неловко.

— Может, зря я ей нахамила, а, Амур?

Щенок завилял хвостом, весело гавкнул, мол, будь проще. Я и сама устала видеть во всём и во всех подвох. Устала от постоянных сражений и войны с тем, кого до сих пор люблю. От ненависти, что гложет душу, устала.

— Может, мне попытаться как-то наладить с ней отношения? Всё не так скучно будет, а?

Амур облизал мне руки, ласково потёрся о ладонь.

— Ну ладно, ладно. Пойдём, поможем Инне с ужином.

Встав у панорамного окна, направил взгляд вдаль, где уже замерцали вечерние огни. Снова весь день потратил на поиски свидетелей и тех, кто участвовал в «сделке» купли-продажи его сына. И снова только впустую потраченное время и привкус горечи во рту.

Пора ехать домой, чтобы успеть увидеть Настю, пока та не легла спать, но ноги почему-то не идут. В последнее время ему вообще невыносимо её видеть. Наверное, оттого всё, что он больше не верит в её предательство. В то, что сына продала, не верит. Кто угодно мог так поступить, но только не она, не его Настя. Он же не мог не видеть, как её глаза при упоминании сына становятся влажными. Не мог не заметить, как вчера она обнимала его, как цеплялась за него, не отпуская от себя ни на миллиметр. Даже потом, когда отвернулась, позволила себя обнять и так уснула. Она в нём нуждается сейчас. А он... Что он может дать ей? Даже самое необходимое — ребёнка — никак вернуть не может.

— Самир Камалович? Вы ещё не уехали? — услышав Карама, сунул руки в карманы брюк, шумно вздохнул.

— Как видишь. Нашёл эту женщину?

— Нашёл. Но вы будете удивлены.

— Рассказывай, — открыв бар, достал оттуда откупоренную утром бутылку коньяка, плеснул себе в бокал. — Ты будешь?

— Нет, спасибо. А вы выпейте. Выпейте и присядьте.

— Ну? — взглянув на помощника, нахмурился. — Что расскажешь?

— Я всё тщательно проверил, менты предоставили всю информацию. Никакой Амины Каримовой в природе не существовало. Вернее, есть несколько Амин Каримовых в Москве, но все они не имеют к той никакого отношения и в нашей клинике никогда не рожали. Медицинская книжка, страховка, паспортные данные — всё фальшивое. Девушка, говорят, из палаты не выходила, но я достал записи с видеокамер того дня, когда она приехала в клинику. Самир Камалович, я узнал эту девушку.

— И?.. — от осознания, что вот-вот он услышит то, что приведёт его к сыну, заставило задержать дыхание и застыть.

— Это Алима.

И как гром среди ясного неба вспышки воспоминаний сегодняшней встречи с отцом. Он сказал... Алима родила. Совсем недавно, года ещё нет... Внук... Совсем маленький, грудной...

— Алимааа... Алима. Алима! — заорал, опуская кулак на стол.

— Что теперь? Ты, наверное, захочешь детей, да? — и, затаив дыхание, замолчала в ожидании ответа.

— А ты хочешь детей сейчас? — ответил невозмутимо, поглаживая меня по обнажённой спине.

— Честно?

Он поддел мой подбородок пальцем, заставляя снова заглянуть в его глаза.

— Со мной нужно только так.

— Ну, если честно, то не очень... Нет, я, конечно, хочу детей. Но не сейчас. Через несколько лет хотя бы... — было трудно и страшно об этом говорить, но раз уж он спрашивал меня, глупо молчать. Я, действительно, не была готова к подгузникам, пеленкам, распашонкам. Нет, я не чайлдфри. Вовсе нет. Но сама ещё ребёнок в душе. Да мне всего девятнадцать! Какие тут дети? Я даже не знаю, как за ними ухаживать. А ещё, говорят, после родов появляются растяжки, и обвисает кожа. И зубы портятся. О моральной стороне вопроса и вовсе молчу. Я пока даже толком не знакома со своим новоиспечённым мужем.

— Вот и замечательно. Пока будем наслаждаться друг другом, — словно с груди свалился невероятной тяжести камень. Еле удержалась, чтобы не смахнуть со лба воображаемую испарину.

— Правда? — всё же выпалила на радостях, и Самир засмеялся.

— Я современный человек. Беременная, голая на кухне — это, бесспорно, хорошо, но я бы хотел, чтобы ты продолжала развиваться, радоваться жизни. Мне будет приятней видеть рядом счастливую жену. Ты не закончила учёбу, не обрела своё дело. Я не посмею лишить тебя всего этого.

И я снова расплылась в идиотской улыбке. Может, не всё так плохо? И он не плохой? А вдруг я смогу стать счастливой с этим мужчиной? Ведь он вон какой хороший. О счастье моём заботится.

Самир чмокнул меня в лоб, потрепал за щеку.

— Забавная.

— Забавная? Или смешная? — застеснялась, опустила глаза.

— Нет, не смешная. Ты меня радуешь. Это разные вещи.

Я тогда позволила себе влюбиться и забыть наше знакомство, когда отец обманным путём продал меня богатому мужику, как мешок картошки. Я поверила ему, в его любовь, в его бескорыстие и желание подарить мне счастье — то, чего в родном доме никогда не видела.

Бедная, глупая, маленькая девочка. Ты даже не подозревала, с каким грохотом обрушится твой розовый, придуманный мирок. Обрушится прямо на твою голову... А потом, когда шмякнулась о жестокую реальность, взвыла от боли и возненавидела себя за ту слабость, что превратила тебя в жертву.

— Анастасия Ивановна? — склонившись к моему лицу, Инна обеспокоенно заглянула в глаза. — Вам плохо?

— Нет... Всё нормально, — проморгавшись, помассировала виски. — Голова что-то

побаливает сегодня.

Инна поставила на стол поднос с чайником и двумя чашками, а я растерянно взглянула на идущего в сторону беседки Самира. Он что это, чай со мной распивать тут собрался?

— Ну вот, сейчас я принесу булочки и омлет; вы поедите, и всё пройдет. Завтракать на свежем воздухе полезно. Ваш супруг сегодня решил поесть с вами, — прошептала заговорщицки и подмигнула мне.

Инна, разумеется, за неделю пребывания в этом доме не могла не заметить, что мы не совсем обычная семейная пара. Сабуров за эту неделю приходил домой всего пару раз и то ночью, а утром снова уходил. Он не приближался ко мне и, кажется, даже избегал. Думает, видать, что я стану на что-то надеяться после того вечера.

Вот уж нет. Спасибо.

— Я безумно рада, — проговорила язвительно, уже придя в себя после воспоминаний, что до сих пор причиняли боль и вызывали во рту ядовитый привкус обиды.

— Может, вы хотите чего-нибудь ещё, Анастасия Ивановна?

— Я же просила тебя называть меня по имени и на «ты», — подарила женщине ответную улыбку, и та просияла.

— Да, точно. Я и забыла. Так ты хочешь чего-нибудь ещё?

— Нет, спасибо, Инна. Достаточно будет омлета.

За семь дней мы успели подружиться и даже пару раз поболтали. Инна, действительно, оказалась очень милой, хозяйственной и приятной женщиной. Ей хотелось верить, однако я пока не готова кому-либо открываться. Мы не говорили о наших с Самиром отношениях, но она, думаю, и так поняла, что любовью и взаимопониманием в этом доме даже не пахнет. Однажды, сидя на своём излюбленном подоконнике, я в отражении окна поймала на себе её сочувствующий взгляд, но Инна быстро ретировалась, оставляя меня наедине с мыслями. Она словно чувствовала, когда меня нужно оставить в покое, а когда поговорить. И за это я ценила её. Ненавязчивость и молчаливая поддержка — самое то для израненной души. Вот только я должна была получать всё это от родных... Ну, или от того единственного, кого считала родным.

Поздоровавшись с Инной, Самир присел напротив, наполнил сначала мою чашку чаем, затем свою. На меня почему-то не смотрел. Настолько отвратительна?

Как ни странно, это предположение отдавалось где-то глубоко внутри глухим конфликтом. Быть может, просто задето женское самолюбие. Ведь когда-то я была для него чистой, невинной Настенькой, а теперь — шлюха, вышедшая замуж за другого и раздвинувшая перед этим другим ноги. Саднило. Болело. Хоть я и пыталась скрывать, но чувства ведь никуда не делись. Они всё ещё там, в моём сердце.

Сабуров достал из внутреннего кармана пиджака какую-то бумагу, сложенную вчетверо, и швырнул её мне, так и не посмотрев в глаза.

— Что это?

— Посмотри, — буркнул угрюмо.

Вздыхнув, взяла лист, развернула его.

— Это... Свидетельство о браке? И что? — Наше с Лазаревым свидетельство. — Не поверишь, но я уже видела, — отвечаю с сарказмом.

— Вряд ли. Если бы видела, то поняла бы, что это фальшивка, — на сей раз усмехается он.

Приглядываюсь к печати и замечаю, что на ней нет герба.

— Тут с печатью что-то не то...

— А что такое? Огорчилась? — наконец, поднимает глаза, и по телу проходит мандраж. Что-то изменилось в его взгляде. Что-то, чего пока я объяснить не смогла, но там нет злобы и ярости, как раньше. Скорее... Боль какая-то затаённая.

— Нет. Это был ненастоящий брак. Фиктивный, — отвечаю ему прямо. — Ничего удивительного.

Хотя, конечно, очень странно, ведь я думала, что наш брак законный. Да и расписывались мы в ЗАГСе. Как там могли заключить ненастоящий брак и поставить левую печать?

Сабуров приваливается к спинке резной скамьи, смотрит на меня, почёсывая бороду.

— Почему ты не говорила об этом раньше?

Пожимаю плечами, невесело усмехаюсь.

— Ради принципа, наверное. От злости. Ты ведь думаешь, что я с ним спала. Вот и ладно.

— А тот факт, что ты целовалась с ним посреди города? Обнималась? Ужины по ресторанам? Ты подписала на него доверенность, хотя до этого сражалась за бизнес, как волчица, это как понимать? Вы жили вместе в его доме. Продолжать?

— Пожалуй, хватит, — со стуком возвращаю чашку на блюдце. — Лучше расскажи, где ты был всё это время?

— Надо же! Тебе это, правда, интересно? Неужели? Если сейчас спросишь, как мне удалось выжить, то я, клянусь, буду сильно удивлён! — в его голосе появилась грубость. — Ну, давай! Я расскажу тебе, как несколько месяцев валялся без ног! Ещё могу рассказать, как выжил. Меня Карам спас! Правда, собирали по кускам два месяца! И знаешь что, я раньше не любил! Не умел до тебя! И с тобой не вышло! Потому что всегда, Настя, слышишь? Всегда думал головой! — постучав пальцем по своему виску, упёрся кулаками в столешницу. — Я не знал, что мне делать! Поступать как Самир Сабуров, или как твой муж и отец твоего ребёнка! Я, блядь, растерялся, да! Я совершил ошибку, когда не забрал тебя, понадеявшись на твой разум! Я ошибся, потому что думал в тот момент уже не головой, а сердцем! — он стукнул кулаком себя по груди, резко встал, схватил чайник и запустил его в стену за моей спиной. Чай расплескался, посыпались осколки. Инна, вышедшая из дома с подносом, поспешила обратно, а я улыбнулась, медленно поднимаясь со скамьи.

— А я была в плену у твоей больной на всю голову сестрицы. Знаешь, что они с муженьком хотели со мной сделать? Они хотели вырезать из меня ребёнка, забрать его и твой проклятый бизнес себе, а меня убить. Я была вынуждена бежать, прятаться, а потом выйти замуж за Лазарева. Я была вынуждена встать во главе холдинга, чтобы иметь возможность дать отпор твоим родственникам и врагам. Чтобы мой ребёнок мог нормально жить, а не прятаться по углам до скончания веков. Тебе всё ещё интересно, почему я целовалась и обнималась с Лазаревым? Да потому что нравилась ему. Потому что хотела быть ему другом, но он воспринял всё по-другому, как делаете все вы! И не спрашивая моего на то позволения, целовал и обнимал! Я ни разу не дала ему повода думать, что между нами что-то может быть! Я не спала с ним и не ночевала под одной крышей! Он приходил только для того, чтобы создать видимость счастливого брака! — постепенно мой голос становился всё громче, и я начинала задыхаться, но остановиться уже не могла. — А доверенность я подписала, потому что больше не было сил! Ради сына я бы сражалась и дальше! Нашла бы в нём силы и дух, но его не стало! В один миг я превратилась в мумию без души и сердца! Всё

у меня забрал ты! Из-за тебя всё! Ненавижу тебя! — последнюю фразу прокричала уже ему в лицо, потому что Сабуров схватил меня за плечи и с силой притянул к себе.

— Он жив, Настя. Жив. Наш сын жив. Я в это верю, и ты верь.

«Сказали, у неё ребёнок мёртвым родился, и она уехала домой. Вот и всё, собственно... Жалко, конечно, очень. Она то и дело живот гладила, да приговаривала, что назовёт сыночка в честь отца...»

Слова Настиной подруги из клиники все ещё стучали в висках, причиняя боль.

Он уже не подозревал и не задумывался. Он знал, что Настя не продавала сына. Её отчаяние невозможно сыграть. Равнодушное, пугающее своим молчанием, оно пропитало её полностью. Как и его.

Неделю не появлялся дома, не в силах посмотреть ей в глаза, нарушить эту проклятую тишину, которая звучала в его голове невыносимым, нечеловеческим криком. Её криком, как тогда, когда они занимались любовью. Она плакала, да так истошно кричала, что до сих пор нутро узлом скручивало. А он ещё так эгоистично надеялся, что наутро что-то изменится. Не изменится, пока он не найдёт сына, пока не искупит перед ней все грехи. А искупит ли, покажет только время.

За неделю перевернул вверх дном весь город и, узнав, что Алима покинула пределы страны, решил, во что бы то ни стало, прочесать весь мир. Даже если ему придётся искать эту тварь всю свою жизнь, он не остановится. А до тех пор он не имеет никаких прав на Настю.

— Что ты... Что ты говоришь? — голос Насти стал тише ветра, что безжалостно трепал сейчас её волосы. — Ты что... Как же ты можешь? Он же и твой сын. Нельзя, Самир, нельзя... Только не так. Не причиняй мне боль моим ребёнком. Нельзя... — замотала головой, опускаясь прямо на землю, но он рванул вверх, встряхнул её.

— Я говорю это не для того, чтобы сделать тебе больно, Настя. Наш сын жив. И я его найду.

— Скажи мне, чего ты хочешь? — Самир присел на стул, достал сигарету и хотел её прикурить, но, взглянув на меня, передумал.

— В смысле? — кусок сочного мяса мгновенно застрял в горле, и я вопросительно уставилась на мужа.

— Ну, может, что нужно? Или хочется чего-нибудь? Огурцов или мороженого с чесноком?

Я засмеялась, чувствуя, как потихоньку расслабляется тело, и желудок наполняется приятной тяжестью. Наелась.

— Нет, ничего такого. Нормальной еды вполне достаточно. Да и не влезет в меня больше, — глотнув гранатового сока, промокнула губы салфеткой и смутилась, взглянув на Самира.

Он пристально наблюдал за мной, внимательно разглядывал, будто пытался что-то прочесть по моему лицу.

— Тогда сними это платье и иди ко мне...

— Настя? Посмотри на меня! Ну? Воды дайте! — рявкнул на кого-то и приложил к моим губам холодный стакан. — Давай, попей.

Я сделала пару глотков ледяной воды, по телу прошёл озноб.

— Посмотри на меня, — голос Самира был обеспокоенный, не такой, как обычно. Не злой. Скорее, испуганный. И это довольно странно.

Я даже подумала, что мне это чудится или снится, открыла глаза и встретила с ним взглядом. Сабуров нависал сверху, держа в своих руках моё лицо, рядом с ним стояла Инна со стаканом, а я на диване...

— Что со мной?

Он сделал знак Инне, и та поспешила удалиться, а сам сел прямо на пол рядом с диваном. Провёл рукой по своему лицу.

— Как я мог поверить в то, что ты продала сына? Как? Я не знаю. Честно. Не понимаю, как мог наделать столько ошибок.

Где-то под ложечкой опять заныло, закровоточило сердце. Губы затряслись в немом плаче, и я громко всхлипнула.

— Ты не соврал? Он, правда, живой? Мой малыш, он живой, да?

— Да, — устало вздохнул и, схватившись за голову, склонил её.

— И ты знал? Знал об этом всё время? — Он молчит, но ответ уже и не требуется. Знал. Знал и молчал! — Какой же ты подонок! — вскакиваю, хватаясь за журнальный столик, дёргаю его за край, и он с грохотом опрокидывается. Что-то разбивается, под ногами хрустят осколки, а я, сжав кулаки и челюсти, направляюсь к двери. Уже у неё меня перехватывает Самир, крепко обвивая рукой талию и оттаскивая назад.

— Угомонись! Куда собралась?

— К сыну! К моему ребёнку я собралась! Пойду и задую твою гадину-сестру! Удавлю эту суку своими руками! Отпусти! — рвусь из его рук, но они только сильнее смыкаются на животе, удерживая стальным обручем.

— Я знал, Настя! Да, знал! Но у меня была информация, что ты сама продала нашего сына!

— Ты! Ты подонок! Ты же мог сказать мне после того, как узнал, что я невиновна! Я же считала, что его больше нет! — разворачиваюсь в его руках и с силой прикладываюсь ладонью к его лицу. Оглушающий звук пощёчины приводит в чувство, только не его, а меня. Сабуров перехватывает моё запястье, больно сжимает его.

— Не мог! Я не знал, что с ним и где он! Хотел сначала найти его, чтобы не давать тебе ложных надежд! Поняла?! — орёт на меня, толкая к дивану. — А теперь сядь! Ты не найдёшь Алим, раз уж я не смог за неделю!

— Но... Мой сыночек... Он же у этой психопатки! А вдруг она мучает его? А вдруг она что-нибудь с ним... — стону от боли в грудной клетке и, прижавшись к Сабурову, утыкаюсь в его грудь. Крепко держусь за лацканы пиджака и тихо вою. — Мой малыш...

— Она ничего с ним не сделает. Ты же говоришь, сама её слышала. Ей был нужен мой сын, — тяжёлая рука ложится на мой затылок, поглаживает. Но, несмотря на его показное спокойствие, я чувствую, как рука дрожит.

— Верни мне моего малыша, Самир. Верни! — бью кулаками по его груди, а Сабуров отрывает меня от пола и несёт к дивану.

— Верну. Клянусь, что верну. Все, кто причинил тебе боль, поплатятся. Как я. Клянусь. Я опустила взгляд вниз, на разбитую вазу и рассыпавшиеся по ковру цветы.

— *Эти цветы не живут в нашем климате больше двух месяцев. Их посадили специально к твоему приезду. Надеюсь, нравятся? — он остановился, приобнял меня за талию.*

Для меня? Серьёзно? Даже растерялась немного.

— *Да... Красивые. Но что будет через два месяца? Они завянут?*

— *Увы, — беззаботно пожал плечами и, наконец, отпустив меня, сунул руки в карманы своих светлых брюк. В сочетании с его смуглой кожей белая одежда контрастировала как-то по-особенному. — Но, если ты захочешь, их посадят снова.*

— Карам? Привет... А ты чего пришёл? Ой, то есть... Ну, ты проходи, — посторонилась, пропуская его внутрь, а вышедшая из кухни мама наградила меня многозначительным взглядом.

— Я принёс подгузники и продукты, — показал мне огромные пакеты.

— Да вы проходите, не стесняйтесь, — мамочка тут же взяла в оборот потенциального зятя. И хоть все мужчины, кто хоть один раз, хоть мельком взглянул на меня, были её потенциальными зятями, этот ей нравился больше всех. В прошлый раз, когда он приходил по поручению Самира, мама решила, что именно этот человек мне подходит, и теперь убедить её в обратном практически невозможно. Такая вот моя мама. Любящая, заботливая, всё ещё верящая в чудеса и принцев. Хотя с её и моей историей — это довольно странно.

Карам бросил на меня косой взгляд, расстегнул куртку.

— Я вообще-то ненадолго. Мне нужно ехать.

Однако моя мама была непреклонна и всё же затащила его на кухню. Очень странная женщина, честно. Неужели она подумала, что между нами с Карамом может что-то быть? Смешно... И немного дико. Хорошо, не немного...

— Присаживайтесь, Карам. Вот у нас и пирожки уже подоспели. Света пекла, — а вот это наглая ложь.

— Пирожки пекла мама, — шепнула ему негромко, пока «тёщенька» доставала

противень из духовки.

— Зачем же ты так? Мама ведь хотела, как лучше, — Карам улыбался очень редко, но на этот раз таки хмыкнул. И задержался взглядом на моих губах. Совсем ненадолго. На секунду всего. Но я отчего-то испугалась и подсознательно приняла его взгляд в штыки.

Нечего на меня пялиться! Ни один мужчина больше меня не коснётся. Это позволено лишь одному, но ему до меня нет дела. А мне нет никакого дела до других.

— Извини, я пойду. Мне нужно к дочери, — вскочила и пронеслась мимо растерявшейся мамы. Лица Карама я не видела, но, как только пришла в себя, вспыхнула от стыда.

Да он, скорее всего, просто посмотрел. Людям глаза на то и даны. А я повела себя, как истеричка какая-то. Теперь подумает, что я в плену у маньяка сошла с ума. Хотя мне, казалось бы, не должно быть никакого дела до того, что подумает Карам. Да и по поводу сумасшествия он будет прав. Я так давно не чувствовала себя нормальной, что уже и позабыла, как оно... Быть просто женщиной.

Прислонившись к стене, взглянула на себя в зеркало. А ведь я могла бы начать свою жизнь с чистого листа, как твердит мама. Я ещё молода, красива. Беременность не испортила фигуру и даже наоборот, после родов я стала выглядеть лучше. Но как вспомню Елисеева и то, через что пришлось пройти, опускаются руки и тускнеет взгляд.

— Он ушёл! Можешь выходить! — из-за двери послышался мамин голос. — Всё испортила, дурочка. Эх...

Теперь я каждый вечер ждала прихода Самира, как преданная собачонка. И каждый раз верила, что именно сегодня он приедет с моим малышом на руках или хотя бы с хорошими новостями. Пусть хоть маленькая зацепочка появится. Но время шло, а изменений не было. Да и сам Самир после того нашего разговора появлялся крайне редко. Мог отсутствовать двое суток, а потом прийти домой на пару часов и снова исчезнуть.

И вот снова сижу у окна в ожидании его приезда, тереблю пальцами книгу. Кажется, какой-то любовный роман. Инна любит их нежной любовью и мне дала почитать, чтобы я отвлеклась от своих мыслей. Я раз сто перечитала первую страницу. Но так и не поняла смысла слов, что чёрными буквами сливались в одну пёструю массу.

Двор освещает свет фар, и я, бросив книжку, мчусь по лестнице вниз. Каждая такая пробежка для меня будто глоток надежды. До тех пор, разумеется, пока снова не увижу в глазах Самира усталость и немую боль. Пока не мотнёт еле заметно головой, говоря, что, нет. Пока не нашёл.

Встречаемся на лестнице, он нехотя останавливается, вздыхает. А я снова ударяюсь лицом о реальность и опускаюсь на ступеньку.

— Инна сказала, что ты снова ничего не ешь, — сбросив пальто и повесив его на перила, садится рядом. — Думаешь, заморив себя голодом, ты поможешь сыну? — от него пахнет морозом и свежестью, а я забыла, когда в последний раз мыла голову. Да и пахнет от меня уж точно не фиалками.

С тех пор, как узнала о сыне, не могу спать, не могу есть, шевелиться не могу. Дышу с трудом, зная, что мой малыш где-то там, с сумасшедшей Алимой. А я здесь, абсолютно беспомощная, не могу забрать его, не могу даже увидеть.

Как я могла поверить в то, что он погиб?! Как?! Почему не требовала, чтобы они

показали мне его? Как я могла так безоговорочно довериться Лазареву? А этот подонок... В какую игру он со мной играл? Зачем?

— Что молчишь? — а Сабуров, похоже, не собирается оставлять меня в покое. Давит своим присутствием, взглядом своим тяжёлым.

— А ты думаешь, мне кусок в горло полезет? Теперь, когда я знаю, что мой малыш жив и находится в руках твоей психопатки-сестры? — посмотрев ему в глаза, обнаружила вдруг, что в них нет злости, несмотря на грубый тон. Надо же, какая забота...

— Но ведь он жив, Настя! Жив! Это самое главное! Ты убивалась, когда думала, что его нет, теперь-то что?! Я трачу все силы, чтобы найти его, а ты тут голодовку устроила! — ловит моё лицо пальцами за подбородок. — Посмотри на себя. Ты с ног валишься, синяки под глазами. Когда ты мылась в последний раз? Ещё немного и...

— И что, Самир? Что? Будешь кормить меня силой, как обещал? Принудительно? Так же, как сделал со своей женой и матерью?

— Что ты несёшь? — рычит, резко отпуская, почти отталкивая. — Что-то я не припоминаю, чтобы насиловал тебя. Забыла, как пыталась скрыть от меня беременность? Что? Я заставил тебя? Это было твоё решение. И я, если помнишь, принял его.

— Это из-за тебя его похитили! Ты позволил этому случиться! Теперь не строй из себя заботливого, любящего супруга! Ты эгоистичный, подлый...

Он затыкает меня поцелуем, не дав договорить, а через пару секунд отрывается и, оперевшись на трость, встаёт.

— Не один я виноват. Как бы тебе этого не хотелось, Анастасия. Из тебя вытащили моего сына и с твоего молчаливого согласия отдали Алиме, а ты даже не удосужилась убедиться, что твой новый муженёк говорит правду. Я виноват и осознаю это. Никогда не отрицал того, что и так очевидно. Но перед сыном виновата и ты. Ничуть не меньше меня. Мы можем винить друг друга вечность, от этого ничего не изменится.

Я осталась одна, погрузилась в тишину и долго смотрела в одну точку, пока кто-то не тронул меня за плечо.

— Настенька? Ты, может, поешь? В душ сходишь? А я тем временем поменяю тебе постель? — сочувствие и жалость в голосе Инны заставили внутренне сжаться, и где-то на задворках сознания забилась раненая гордость.

— Я не голодна, спасибо. А постель поменяй.

Она присела рядом, приобняла меня за плечи и почти силой прижала к себе. Так крепко, как когда-то прижимала мама. Как давно это было... Я даже не помню её лица. Сколько ни пыталась вспомнить, всё никак... Она осталась для меня светлым, тёплым воспоминанием. Немного размытым, но безумно уютным. И пахла точно как Инна. Молоком и цветами.

Я даже не сразу поняла, что плачу. Лишь когда Инна стёрла своими теплыми пальцами влажные дорожки со щек. Так тоже делала мама... Когда я разбивала коленки или теряла любимую куклу, она всегда жалела меня и успокаивала одним лишь своим касанием.

— Знаешь, моя сестра тоже так любила. Так сильно, что ради него бросила маму с папой, меня и сбежала из дома. Молодая была, глупая. Но любовь у неё была взрослая. Такая, что задыхалась без него. Больная, сумасшедшая любовь. Я была младше и не совсем понимала её поступки. Даже осуждала. И он её любил. Правда, как оказалось через несколько месяцев, не настолько сильно. Моя сестра забеременела, а он сбежал, написав на прощание записку, что не готов к детям и свадьбе. Мол, хорошо нам было, да только я ещё

молод и жизнь свою на пелёнки-распашонки тратить не собираюсь. Сестра вернулась домой. Помню, как сильно страдала. Мне было жаль, но чем помочь я не знала. А наш отец... Он был мужчиной старой закалки и строгих правил. Как о ребёнке узнал, быстро подыскал достойного по его мнению парня и выдал её за него замуж. Как сейчас помню лицо сестры на свадьбе... Будто манекен без чувств. Она так и не смогла полюбить своего мужа, да и он оказался далеко не принцем на белом коне. То и дело попрекал бедную ребёнком: нагуляла, мол. Но он не уходил, потому что очень любил деньги нашего отца. Последний в итоге половину своего имущества ему завещал. А я не могла больше наблюдать эту несправедливость. Уехала в другой город... Это я к чему... Ты ведь так же любишь, как моя сестра любила. Только ситуации у вас разные. Ведь Самир любит тебя ещё сильнее. Уж поверь, на это у меня глаз намётан, — кивнула в подтверждение своих слов. — А когда такая любовь есть — ничего не нужно бояться. Всё у вас будет хорошо, вот увидишь.

Я оторвалась от неё, устыдившись своих слёз, быстро смахнула их.

— Ты просто не знаешь, что у нас происходит. Всё очень сложно... Мы не просто поссорились, у нас... У нас ребёнка украли. А вдобавок ко всему ещё много обид и претензий друг к другу. Мы уже не станем прежними. И не простим. Ни он меня, ни я его.

Она почему-то не удивилась, лишь поджала губы. Так, словно знала...

— Всё пройдёт, Настенька. Я с тобой и муж с тобой. И мы тебя... — Инна вдруг спохватилась, словно сболтнула лишнего, отстранилась от меня. — Я пойду, постель поменяю. А ты пока сходи поешь, нельзя же так себя истязать.

Схватившись за перила, поднялась, посмотрела ей вслед. Мне показалось, или она что-то скрывает? А может, это я уже привыкла видеть во всех врагов... Решив отправиться в душ, поднялась за Инной и в тот же момент услышала стук и негромкий хлопок двери. Она зашла в комнату Сабурова? Или мне показалось?

— Ты сказала ей? — услышала, прижавшись к двери, как полоумная старушка, подслушивающая своих соседей.

— Нет пока... Рано ещё. Она ко мне не привыкла пока, да и без этого хватает переживаний. Вот когда ребёночек ваш найдётся, она в себя придёт, я всё и расскажу. А сейчас ей нужна не моя поддержка, а твоя. У вас сейчас сложный период, не убегайте и не отворачивайтесь друг от друга. Будьте вместе.

Я отпрянула от двери, обхватила себя руками и попятилась. Врезавшись в стену, закрыла глаза. Именно сейчас я узнала её голос. Узнала, потому что слышала его... В детстве.

Дверь вдруг открылась, и я встретилась взглядом с Сабуровым. Он тяжело вздохнул, посторонился, пропуская Инну.

— Девочка моя... — прошептала та и бросилась ко мне, а я выставила руки ладонями вперёд, защищаясь.

— Не подходи. Не надо. Не трогайте меня сейчас. Оставьте меня в покое, — оттолкнувшись от стены, по которой меня, казалось, размазало догадкой, поковыляла в свою комнату.

Я вспомнила её. Эта женщина, тогда ещё совсем юная девушка, приходила к нам домой, когда я была маленькой. Она брала меня на руки и совала в руки пакет с шоколадными конфетами. Моими любимыми, с орехом. Я обнимала её за шею и втихаря вдыхала запах

солнечных волос. Они пахли мёдом и молоком. И счастьем... Так пахла и мама в те дни, когда не впадала в депрессию. К сожалению, таких моментов становилось всё меньше. Я тогда не понимала, почему она грустит, и всячески пыталась её развеселить. Она печально улыбалась и задумчиво гладила меня по голове. Теперь я знаю, отчего она была несчастной. Она жила с чудовищем, а любила другого. Подонка, что однажды предал нас. Бросил. Вся мамина жизнь насмарку... И всё из-за меня и моего отца.

А вот тётя всегда улыбалась и красиво одевалась. Я видела такие замечательные вещи только в кино. В шкафу у мамы они тоже были, но она предпочитала надевать что-нибудь серое и мешковатое.

Тётя брала меня в кино на мультики, в парк есть мороженое или кататься на каруселях. Она была моей подругой и примером для подражания. Я мечтала вырасти такой же красивой, как она: с длинными золотыми волосами и синими бездонными глазами. Волшебница — так я её называла...

А потом тётя исчезла. Я долго ждала её, каждый день писала письма и отдавала их маме с просьбой отправить, но ответ так и не пришёл.

А когда не стало и мамы, я осталась одна. Совсем одна в этом большом, несправедливом мире. Мне пришлось резко повзрослеть, потому что не было того, кто бы пожалел или заступился. Побой отца, приход мачехи, с которой у нас с первой же встречи возникло лишь одно взаимное чувство — ненависть. Я забыла о тех, кто когда-то любил меня и кого любила я. А они были... Были. Но бросили меня. Оставили одну с совершенно чужими людьми. Скинули, как лишний балласт.

— Настенька, открой, прошу тебя! Позволь мне всё объяснить. Мы собирались тебе рассказать, но...

— Открой, Настя! — Сабуров громко постучал в дверь. — Не вынуждай меня высаживать дверь!

— Не нужно. Оставь её. Пусть отдохнёт. Завтра поговорим, — слышался взволнованный голос тёти, а я закрыла глаза. Уснуть и не думать... Уснуть и не слышать их. Тех, кто предал, кто бросил. Не знать и не задаваться вопросом, почему они это сделали. Зачем вернулись спустя время. Мне это неинтересно. Не хочу знать...

Проснувшись посреди ночи, вскакиваю с постели и бегу на детский плач. Мой малыш плачет, а я в абсолютной темноте не вижу его и не могу найти. Обо что-то ударяюсь, падаю и снова поднимаюсь. Тяну к нему руки, зову, но его голосок отдаляется, гаснет во мраке.

Рывком открываю дверь и, обо что-то споткнувшись, падаю. Меня подхватывают знакомые горячие руки, крепко обнимают.

— Тихо. Это я. Тихо. Всё хорошо, маленькая. Тебе просто приснился сон. Всё хорошо, — голос Самира возвращает меня в реальность, успокаивает. Одновременно с осознанием происходящего возвращается и боль.

— Не хорошо... Всё плохо. Я схожу с ума. Я хочу его увидеть. Разве я так много прошу, Самир? Почему у меня забрали моего ребёнка? За что? Я всего лишь хочу прижать его к груди. Мне больше ничего не нужно.

Он убаюкивает меня, согревает своим дыханием и, касаясь губами виска, тихо произносит на ухо:

— Знаю. Я всё знаю. Я верну его. Уже скоро. Мы вышли на след Алимы. Она во Франции. Теперь её обнаружение дело времени. Ты ждала много месяцев. Осталось совсем немного.

Я всхлипываю, крепко обнимаю его за шею и тихо вою, впиваясь пальцами в плотную ткань его пиджака. Вздрагивая от рыданий, позволяю Сабурову подняться и взять меня на руки. А ведь это я об него споткнулась. Он ночевал под моей дверью.

Утром не обнаруживаю Самира рядом, хотя помню, что засыпала на его груди. Рядом с кроватью стоит тележка с завтраком и чашкой ароматного кофе. Чувствую себя лучше, чем вчера, и даже появляется аппетит. Ровно до тех пор, пока в комнату, негромко постучавшись, ни входит Инна. Тётей её назвать как-то не получается, хотя теперь уже узнаю её. Удивительно, как я не заметила знакомые черты раньше? Ведь мы даже похожи.

— Доброе утро, красавица моя, — она тепло улыбается, подходит ближе. — Ну, как ты?

Как я? Да никак. Наверное, я должна сейчас радоваться или ненавидеть Инну. Должна чувствовать хоть что-то. Но в душе пусто. Лишь где-то на самом её дне плещется глухая обида.

— Если собираешься рассказать мне какую-нибудь слезливую историю о том, что мы потерялись, и ты не могла меня найти долгие годы, то не стоит. Я не требую объяснений. Равно как и не просила тебя о возвращении, — отрезаю кусок яичницы, заталкиваю в рот. Сабуров прав. Я не имею права впадать в уныние. Я должна бороться и терпеть ради своего малыша.

— Да, ты не просила. Но я всё же расскажу тебе одну историю. Быть может, она слишком банальная и не вызовет у тебя слёз, но ты хотя бы поймёшь меня, — она присела на край кровати, не нарушая моё личное пространство. Сложила руки на коленях и вздохнула. — Ты, наверное, думаешь, что я сбежала и бросила вас с мамой... Что ж, в некотором смысле это так. Я бросила. Не потому, что вы были мне безразличны, а потому, что не могла больше видеть её слёзы. Я предлагала сестре забрать тебя и сбежать вместе со мной. Мы уехали бы в другой город, начали бы новую жизнь. У нас всё получилось бы. Но она не захотела. Она опустила руки и сдалась. Твой отчим... Он бил маму. Бил так, чтобы не оставалось следов, и она не смогла бы пожаловаться нашему отцу. Да даже если бы и были доказательства... Твой дед слыл жестоким человеком. Для него авторитет и репутация были превыше дочерей. Я думаю, что он знал обо всём. Знал, но не пожалел мою сестру. И я уехала. С тех пор я не общалась ни с твоей мамой, ни с бабушкой. Теперь понимаю, что зря тебя бросила. Ты осталась совсем одна, а отчим продал тебя, как какую-то вещь. Я долго искала тебя... Не знала, как посмотрю тебе в глаза, что скажу... Но очень хотела тебя увидеть. Ты же моя кровиночка. Я потеряла сестру, а ты — маму. У нас больше никого не осталось. А когда я слышала, что и ты погибла... В тот момент я осознала, что потеряла самое главное в своей жизни — свою совесть, свою надежду увидеть дочку сестры счастливой. Я пришла к твоему мужу, чтобы узнать, где могу повидаться с тобой в последний раз... А он сказал мне, что ты жива. Случаются ведь чудеса, — засмеялась сквозь слёзы. — Это ты моё чудо, Настенька.

— Ну всё, хватит. Что ты хочешь услышать? Что я прощаю тебя? Прощаю. Что-то ещё? — в горле образовался ком, я отодвинула от себя тарелку.

Инна поджала губы, поднялась, хлопнув себя по коленкам и, взяв поднос, улыбнулась. Как когда-то давно, тепло и нежно.

— Знаю, что не простила. Ещё слишком рано. Но я буду ждать тот день, когда ты снова назовёшь меня волшебницей. Ну, или хотя бы тётей.

Ближе к вечеру снова ждала Самира. Весь день порывалась ему позвонить, даже взяла у Инны телефон, но так и не решилась. Наверное, я уже привыкла жить одной надеждой. Когда больше ничего другого не остаётся, начинает казаться, что надежда — это много. Сегодня она цвела во мне буйным цветом, и сердце тревожно замирало в груди. Так, словно я чувствовала, что что-то должно произойти. А может, это всё из-за его слов, что они вышли на след Алимь.

Нервно теребя пальцами край вязаной кофты, я тихо всхлипывала, вспоминая, как, будучи беременной, вязала для своего малыша пинеточки. Они до сих пор лежат в тумбочке... Иногда я достаю их, чтобы прижать к сердцу вместо сына и в такие моменты чувствую, что он жив. Чувствую, как нуждается во мне, вижу, как тянет ко мне свои крохотные ручки.

Когда Сабуров вошёл в дом и вскинул взгляд на лестницу, я сразу почувствовала перемены. Вскочила со ступеньки, шагнула навстречу. На этот раз он смотрел по-другому, будто... Будто в глазах жизнь появилась. Они горели...

— Ты нашёл? — руки на автомате потянулись к лацканам его пиджака, а во рту стало сухо.

— Ещё утром. Но не хотел тревожить тебя раньше времени. Ждал, пока появится более точная информация. Наши люди нашли Алимь. Она в Париже. Сейчас вместе с детьми её везут домой. Наш сын в порядке, — последнее предложение вырывается из его горла с хрипом, и голос вибрирует болью. Рывком привлекает меня к себе, сильно стискивает. — Я сейчас в аэропорт. Утром они прилетают. Ты пока жди, — его слова доносятся глухим эхом, с трудом понимаю, о чём он говорит. По щекам льются крупные слёзы, а в груди так жжёт, что начинаю задыхаться. Отталкиваюсь от его груди, заглядываю в лицо.

— Сейчас? Мы поедem за ним сейчас?

— Насть, оставайся дома. Тебе не стоит...

— Я поеду, Самир! Я поеду за моим сыном, и меня не сможет остановить никто, слышишь?! Даже ты! — мчусь вниз, перепрыгивая по две ступеньки. — Пригони машину! — кричу охраннику, чисто на автомате надевая куртку, а он переводит вопросительный взгляд на Сабурова.

— Ты слышал? Пригони, — отдаёт приказ Самир, не спеша спускаясь ко мне. — Мы едем за сыном.

За сыном. Мы едем за сыном. Он жив, и его везут домой! Скоро я обниму своего кроху, вдохну его запах и, наверное, потеряю сознание.

— Ущипни меня, — произношу уже в машине.

— Что? — Сабуров отвлекается от мобильного, непонимающе хмурится.

— Ущипни. Я хочу убедиться, что это не сон.

Он привлекает меня к себе, тёплые губы касаются виска.

— Это не сон, Насть.

Я боялась, что всё это не явь, а какая-то галлюцинация. Боялась снова взлететь и упасть. Если подобное случится, встать уже не смогу. Не осилю эту муку.

Каждый шаг сопровождался громоханием в груди и головокружением. Я отчаянно цеплялась влажными пальцами за руку Самира. Он, в отличие от меня, выглядел спокойно и уверенно. Выдавал только неровный пульс и еле заметное подрагивание пальцев. Сабуров

тоже нервничал и боялся не меньше моего.

Нас встретил какой-то мужчина в строгом костюме, кивнул Самиру и пошёл впереди. Они не обмолвились ни словом, но уверенные шаги вселили в меня веру.

— Куда мы идём? — взглянула на Сабурова. Лицо сосредоточенное, взгляд серьёзный. Ступает твёрдо и решительно. Мне приходится бежать, чтобы успеть за ним.

— В комнату матери и ребёнка. Там подождём. Тебе нужно выпить чего-нибудь, согреться. И мне нужно.

— Во сколько рейс?

— В семь тридцать.

— Так долго... — с трудом представляла, как выдержу эту многочасовую пытку. А что, если что-то пойдёт не так? Если вдруг задержат рейс, или Алима что-нибудь сотворит? Зная эту сумасшедшую...

— Настя! — Самир сильно сжал своими руками мои плечи, тем самым привлекая внимание. Склонился, ловя мой взгляд. — Не грузись. Всё будет хорошо. Ты увидишь сына, я клянусь тебе.

— А Алима... Она...

— Она будет в наручниках. К нашему сыну больше не прикоснётся.

Я представила эту картину, и на какое-то короткое мгновение мне даже стало жаль эту женщину. Она по-своему несчастна. Счастливая не станет красть чужого ребёнка и сбежать от мужа. Счастливая не будет рыдать по ночам, сидя на полу в туалете. Счастливая никогда не поступит так жестоко с другой матерью. Я знаю, она любит Самира. И даже могла бы её понять, будь она как Светлана. Последняя хотя бы не вредила мне.

— Ладно... Давай и правда чего-нибудь выпьем?

Передо мной открылась дверь, сопровождающий пропустил нас внутрь.

— Присядь, — Сабуров указал на диван у стены, сам прошёл к небольшому окошку. — Сейчас всё принесут.

Комната походила на камеру предварительного заключения. Решётки у двери и на окнах, минимум мебели, серые стены. Прохладно и пахнет сигаретным дымом. Не представляю, какому ребёнку здесь понравилось бы.

Самир чиркнул зажигалкой, закурил. Медленно выпустил струйку дыма, что витиеватыми, неровными кольцами поплыл к приоткрытой форточке.

— Самир?

— Мм?

— А ты видел его? Нашего сына?

— Нет. Некогда было делать фотосессии. Я сказал, чтобы сразу везли их в Россию.

— А что, если...

— Насть, — выдохнул, швырнул окурок в окно.

— Да я просто подумала... А вдруг это не он? Не наш малыш? Может же быть такое?

Сабуров закрыл окно и направился ко мне, попутно хватая за спинку стул и ставя его напротив дивана. Краем сознания подметила, что он без трости, и хромота почти незаметна. Сел, внимательно посмотрел мне в глаза.

— Это наш сын. Я узнал, что после последних родов Алиме удалили матку. То есть, она в принципе не могла родить. Она ради нашего сына легла в клинику и ждала там твоих родов. Всё было спланировано и оговорено заранее.

В очередной раз ужаснулась жестокости окружающих меня людей. Как они могли так

поступить? Ладно я, но малыш... Чем провинился перед Лазаревым младенец?

— Я должна была проверить. Должна была посмотреть, когда они сказали, что... Но я испугалась. Я так боялась увидеть его таким... — закрыла лицо руками, а через мгновение услышала скрип дивана и почувствовала на себе его руки. Привлѣк к себе, положив руку мне на затылок, прижался губами ко лбу.

— Всё уже. Всё прошло. Нам только утра дожждаться, и ты возьмѣшь сына на руки.

Я заплакала. Впервые за долгое время эти слѣзы были от счастья, не от горя. Я представила, как прикоснусь к нему, как коснусь губами маленькой макушки, пахнущей молоком и солнышком; и вся боль, которую накапливала целый год, полилась из меня солѣными слезами.

— Я верю. Верю тебе.

Самир отстранился, улыбнулся мне. Вытер слѣзы большими пальцами, склонился к губам.

— Мы всегда будем верить друг другу. Больше никаких сомнений. Никогда. — Губы обожгло его дыханием, затрепыхалось в груди сердце. — Обещаю, — и накрыл своими губами мои.

Опрокинув меня на диван, наспех расстегнул куртку и, прикусив нижнюю губу, слегка её оттянул. Снова отстранился, заглядывая в лицо.

— Не надо... Не останавливайся, — притянула к себе, раскрывая губы для поцелуя, и Самир со стоном обрушился на них, хватая меня за запястья, с силой сжимая.

Прижав своим телом к скрипучему дивану, зашуршал одеждой, расстѣгивая молнию на моих джинсах. Сам лишь сбросил пальто, отшвыривая его на пол и снова накрывая меня собой.

Секс звериный, до боли жадный и быстрый, будто каждая минута украдена у вечности. Причиняя друг другу боль на протяжении последних недель, мы не заметили, как изголодались. Как забыли, что такое нормальные отношения. Как это — заниматься любовью, а не сношаться по-быстрому, в порыве помешательства. Мы перестали быть теми, кем были когда-то, но страсть не ушла. Она лишь усилилась и стала неуправляемой.

Он вбивается в меня, стиснув зубы и сжимая мои руки до красных отметин, а я мечусь под ним, зверея от болезненно-острых, мучительных эмоций... Мне нужно заполнить эту пустоту, что осталась в душе от одиночества. Мне нужно почувствовать себя любимой и желанной. Мне так нужно ощущать тяжесть его тела, что если бы сейчас оставил и ушѣл, наверное, окончательно сломалась бы...

Поджав колени, закрываю глаза. Рука Самира покоится на моей талии.

— Недалеко от аэропорта есть гостиница, если хочешь, могу отвезти тебя туда, а сам подожду здесь.

— Нет. Я с тобой, — отвечаю тихо, а он склоняется к моему уху.

— Поспи, — после поцелуя в висок мгновенно отрубаясь. Сквозь сон слышу, как он встаѣт, накрывает меня своим пальто и открывает кому-то дверь. Звон посуды, звук наливаемой в стакан жидкости. Снова засыпаю, а во сне слышу детский плач.

Стук в висках и дрожь в каждой клеточке. Я слышу собственное дыхание — хриплое, рваное. Горло душит спазмом, а глаза не видят из-за слѣз. Впереди группа людей, среди них я узнаю Алиму. Она бросается к Самиру, что-то крича, но несколько мужчин перехватывают

её и, заломив руки за спину, куда-то уводят. Всё происходит будто во сне, хотя я уверена, что не сплю.

Взглядом ищу переноску или коляску, а когда обнаруживаю маленький свёрток в руках женщины в форме, из глотки вырывается дикий вопль. Расталкивая людей, бегу к нему и в полуметре застываю. Меня словно бьёт по затылку, и подкашиваются ноги. Падаю на колени, протянув к женщине руки, и она, взглянув куда-то поверх моей головы, осторожно передаёт мне свёрток.

— Малыш... — шепчу сипло. Наконец-то смотрю на его личико, в чудные синие глазки и слышу, как крошатся в пыль все стены, что я так тщательно выстраивала у сердца, не позволяя боли пробраться в него и отравить кровь.

Держа в руках своё маленькое счастье, поднимаюсь на ноги, поворачиваюсь к Самиру, что застыл за моей спиной.

— Это он. Мой малыш. Это он, — на большее меня не хватает. Слов нет, нет мыслей. Лишь одно единственное желание — прижать его к себе как можно крепче. Но боюсь причинить крохе боль. В этот же момент осознаю, как оно... Быть мамой.

Сабуров протягивает ладони, а я вскидываю на него недоверчивый взгляд. Через какое-то время прихожу в себя, передаю ему малыша. Он молча смотрит на сына, долго, задумчиво. Наконец, прижимается губами к лобику и закрывает глаза.

Самир

Увидев сына, сразу же его узнал. Не мог не узнать. Хотя, честно говоря, после сомнений Насти и сам пропустил подобную мысль. Но взгляд мелкого отверг любые опасения. Его сын. Его!

Он смотрел на отца глазами матери и, кажется, даже улыбался, а Самир подумал, что испытывает это уже во второй раз. Впервые, когда взял на руки дочь. И теперь вот... Эти чувства невозможно описать словами. Невозможно воссоздать искусственно. Ты осознаёшь вдруг, что больше твоя жизнь тебе не принадлежит. Она теперь в этих маленьких ладошках. В этих глазах, что напоминают ему космос.

Глядя на Настю, мысленно снова переживал всё, что случилось с ними за последние месяцы, и ненавидел себя, насколько возможно ненавидеть вообще кого-либо.

Выпускать сына из рук не хотелось, но он должен Насте. Должен столько, что не сможет расплатиться и за годы.

Посадил её с сыном в машину, сам вернулся обратно. Пора воздать всем по заслугам их. Сабуров всегда возвращает долги.

Алима сидела на стуле, с пристёгнутыми наручниками запястьями и, опустив голову, тихо подвывала. Когда скрипнула дверь, вскинула на Самира взгляд, и лицо с потёками косметики скривилось в мученической гримасе.

— Ты жив... Мой любимый... Я знала. Знала, что ты жив. Посмотри, что они со мной сделали, — запричитала сбивчиво. — Глянь только. Они нашего сыночка забрали! Представляешь? — и зашипела, склонившись корпусом вперёд, насколько позволяла поза. — Они злые, мерзкие! Они говорили мне, что это не мой сын! Но ты ведь знаешь! Ты помнишь, как мы любили друг друга? Помнишь? Ты пришёл меня спасти, любимый? Спаси же! Верни нашего сыночка!

Самир перевёл удивлённый взгляд на одного из тех, кто сопровождал Алиму.

— Она всю дорогу так себя вела.

Сабуров хмыкнул, оскалившись в презрительной ухмылке.

— Думаешь, если прикинешься чокнутой, я тебя пожалею? Не угадала. Мне плевать. Даже если это правда, и ты окончательно рехнулась.

Наверное, во всём мире не существовало человека, которого он ненавидел бы сильнее, чем эту суку. Даже Лазарев с Елисеевым занимали в списке врагов не первое место.

— Я знаю, — она растянула губы в абсолютно сумасшедшей, неадекватной улыбке, часто закивала. — Знаю, почему ты так говоришь! Это всё из-за них, да? Они и тебе угрожали? Они забрали тебя у меня! И сыночка нашего забрали!

Кивнул сопровождающему, тот приблизился.

— Вывези её куда-нибудь за город. Там всё сделаешь. Я хочу, чтобы её никто никогда не нашёл. Ты всё понял?

Дверь позади кто-то резко толкнул, в комнату влетел отец и, оценив обстановку, тяжело привалился к стене.

— Успел... — выдохнул с сипением. — Слава Всевышнему, успел.

— Что ты здесь делаешь, отец?

— А ты как думаешь?! — гневно воскликнул старик. — Она моя дочь!

— И что? Теперь она может не отвечать за то, что сделала? Ты хоть понимаешь, что она натворила?! Она моего сына украла! А моя жена думала, что родила мёртвого ребёнка! Поэтому, я прощу такое? Ты сам что сделал бы на моём месте?!

— Нет, Самир! Нет! Нельзя, сынок! Не поступай так со мной. Я знаю обо всём. Знаю, что мои сын и дочь делали с тобой в детстве. Знаю, что совершила Алима. Мне так жаль, что тебе пришлось всё это пережить. Я прошу прощения у тебя за каждую минуту унижения и боли, через которые ты прошёл, будучи ребёнком. Я прошу прощения за то, что моя дочь сделала тебе и твоей жене. За внука прошу прощения. Я слишком поздно обо всём узнал, Самир. Мне так жаль, сынок, так жаль, — в глазах старика заблестели слёзы. — Знаю, что мне нет прощения, но осмелюсь просить тебя... Не убивай её. Ты убьёшь не её, ты убьёшь меня, Самир, — обессилено облокотившись на стену, склонил голову. — Я виноват. Во всём моя вина. Накажи меня, если тебе это так необходимо. Мою дочь пощади, она... У неё шизофрения, сын. С детства ещё. Она долгое время не принимала лекарства... Я, дурак, поверил, что с ней всё нормально, думал, так повлияла беременность. Прости меня, сын. Прости, — наверное, впервые в жизни Самир видел, как плачет отец. Жестокий, беспринципный подонок, которого не трогали ничьи слёзы, сам теперь выл от беспомощности.

— Вот как? Прощения ты просишь? А за мою мать? За неё ты тоже просишь у меня прощения? За то, что отнял её у меня? За то, что позволил своим ублюдочным детям называть её шлюхой? За то, что сам так называл её? За все унижения, через которые она прошла в твоём доме? За это ты тоже просишь прощения?

Старик склонил голову, обречённо вздохнул.

— И за это тоже. Я виноват. Я не смог простить ей измену. Тебя вот принял, а тот факт, что ты родился от другого, — нет. Не смог я, сын. Вот здесь всё полыхало! — постучав себя по груди, поднял на Самира глаза. — Горело здесь всё! Я же любил её! Так любил, что готов был жизнь за неё отдать! А она с другом моим...

— Но ты же отомстил! Ты убил моего отца! Чего ещё? За что ты загубил мою мать?! — с рёвом обрушил кулак на стену, и на пол посыпалась штукатурка. — Почему ты не прогнал нас?! Почему не вышвырнул за ворота своего дома?! Если мы напоминали тебе о позоре и предательстве?! Почему, отец?! — сорвался на хрип, в глазах защипало, а в висках яростно застучал пульс.

Старик горестно усмехнулся, положил свою руку Самиру на плечо.

— А ведь ты даже сейчас называешь меня отцом. Потому что я и есть твой отец. Не тот, кто родил, а тот, кто воспитал. Я не смог дать тебе нормальное, счастливое детство. Ты был изгоем в собственной семье... Но я отдал тебе весь бизнес, всё, что имел. Не тем, кто родные мне по крови. Пусть деньги ничто по сравнению с тем, в каком аду ты вырос. Но я хотя бы попытался всё исправить. А ты? Что делаешь ты, Самир? Называя меня отцом, собираешься убить мою дочь! Так спокойно отдаёшь приказ своему рабу, будто она не человек! Самир, сынок... Ты думаешь, я не знаю, что случилось с моим старшим сыном? Мм? Думаешь, не знаю, как вы враждовали, и что ты сотворил с ним? Я даже после этого от тебя не отказался. Я оставил тебя в покое, как ты того просил, и горел в своём аду один! А теперь ты хочешь добить меня? Хочешь уничтожить окончательно? Если ты что-то сделаешь с Алимой, тогда у меня не останется никого. Ни одного ребёнка. И тебя сыном больше не назову...

Привалившись к стене, схватился за голову. Сжал пальцами виски до боли, а после выдохнул:

— Так тому и быть, значит.

Теплые пальцы коснулись его руки, осторожно погладили. Распахнув глаза, встретился взглядом с Настей. Она стояла с сыном на руках, крепко прижимала его к себе. Снова заскулила Алима.

— Это она украла нашего ребёнка! Слышишь, любимый?! Это она! — дёрнулась встать, но охранник резко усадил её обратно.

Настя улыбнулась ему, как когда-то давно. В тот день, когда они поженились. Он помнил эту улыбку. Знал, как от неё теплеет внутри. Но никогда уже не ожидал увидеть снова.

— Я знаю, как это нелегко... Прощать. Знаю, как больно это. Потому что сейчас сама через это прохожу. Но я готова. Готова простить тебя. Самир, мы можем всё прекратить. Всю эту боль, обиды, ненависть и желание мстить мы можем выбросить из своей жизни. И если ты хочешь получить прощение, то должен начать с себя. Научись сам прощать. Ты сможешь?

Отец и Настя смотрели на него с надеждой, а он услышал только одно слово. За него и вцепился, хватаясь, удерживаясь на плаву. Одно только её слово...

— Ты готова меня простить?

— Я готова начать всё сначала. С тобой и нашим сыном. Но одна не смогу. Ты должен мне помочь. Ты сам должен встать на этот путь. Я не буду тебя уговаривать пожалуйть Алимину или своего папу. Я многого не знаю о ваших отношениях. Но я помню, как ты вынес мне приговор. Видела твои глаза в тот момент, когда ты наставил на меня пистолет. Там не было жизни. Я подумала в тот момент, что и тебя уже нет. Только ненависть осталась... Сегодня я увидела тебя с нашим малышом. Ты всё ещё жив, Самир. В тебе есть ещё душа. И только тебе решать, что будет с нами дальше.

Анастасия

Тихо плакала, глядя, как в руках Самира засыпает моё маленькое счастье, и не могла унять ту жгучую, почти неменяемую радость, которая поселилась в сердце. Я снова горела, только теперь уже от неистраченной материнской любви. Не могла насмотреться на него, не могла надышаться его запахом.

Самир не произнёс ни слова за час езды, лишь иногда склонялся и целовал сына в лобик. Он сделал правильный выбор. Он выбрал нас. И это главное. Об остальном говорить и даже думать не хотелось.

— Я должен кое-что сказать, Насть, — начал вдруг Сабуров, нарушая такую приятную тишину. — Ты знаешь, что у меня были отношения с другой женщиной. Я говорил тебе об этом.

— Со Светой. Я помню, — ответила как можно равнодушнее. Не могу сказать, что эта обида прошла. И боль от такой раны останется надолго. Но я пережила то время. И уже давно простила.

— У нас есть дочь. Моя дочь, — медленно поднимает на меня глаза. — Я хочу, чтобы ты знала об этом.

Я отворачиваюсь к окну, долго смотрю на пробегающие мимо деревья с белоснежными шапками снега. Что я чувствую в этот момент? Не знаю... Быть может, мой разум сейчас затуманен своим счастьем. А может, я не удивляюсь и не впадаю в истерику, потому что ещё тогда, при встрече в парке, поняла, чьего ребёнка носит Светлана. Я тогда отбросила эту мысль, но подозрения они ведь не мимолётны, их не выбросишь из головы.

— Ясно.

— Я хочу, чтобы между нами больше не было недомолвок.

— Как её зовут?

Самир на время замолкает, видимо, ожидал чего-то другого.

— Лиза.

— А нашего сына Алима назвала Самиром. Так, как я хотела назвать, когда думала, что ты погиб.

— Если хочешь, можем поменять.

— Нет. Не хочу.

Замолкаем. Сейчас сложно сформулировать мысль, чтобы объясниться. Да и объяснять, собственно, нечего. Но я всё-таки должна расставить все точки над «і».

— А Света?

— С ней покончено. У нас уже давно ничего нет.

— А другие... У тебя есть другие? Ты в последнее время часто ночевал вне дома, поэтому...

— Нет. У меня нет другой женщины. И никогда не будет. У меня теперь есть семья. И любимая женщина.

Нервно усмехаюсь.

— Оригинальное признание в любви.

— Я не романтик, — отвечает мне улыбкой и, приобняв за талию свободной рукой, притягивает меня к себе.

— Совсем не романтик, — кладу голову на его плечо. — Но нам с сынишкой сойдёт.

— Ну да, — тихо посмеивается. — Не выбрасывать же. Какой-никакой отец.

Наша история началась совсем не так, как бывает в красивых сказках о любви. Мы изначально выбрали не тот путь к счастью, и наши отношения были обречены со дня свадьбы.

Я думала, что больше ничего не вернуть, не склеить заново. Не после всего, что довелось нам пережить и почувствовать. Но взяв на руки сына, поняла, насколько сильно ошибалась. Всё в наших руках. Ну, или почти всё...

— А детская? — спохватилась вдруг, испуганно уставилась на сынулю. — У нас же нет детской!

— Тшшшш, — он слегка покачал малыша, а я подумала, что даже не умею быть матерью... Разоралась, ребёнка разбудила. — Всё будет, Насть. У нас всё впереди.

— Да... Впереди. Для начала нужно исправить свои ошибки.

— Ты о чём? — он бережно передал мне сына, достал из кармана сигареты, но тут же их спрятал, не решившись закурить в машине.

— Мне нужно поговорить с тётёй. В конце концов, не она виновата в том, что моё детство было таким...

— Это верно. Как ты там сказала? Нам нужно научиться прощать?

Коснулась своей щекой его щеки, улыбнулась, почувствовав, как он зарывается в мои волосы носом.

— Ай, колючий, — хихикнула, отстраняясь. — Знаешь, а я даже не представляла, насколько мы похожи.

— Не щетиной, надеюсь? — смешок утонул у шеи, и кожи коснулись горячие, влажные губы. Малыш на моих руках заагукал, схватился за палец Самира и скривился, явно собираясь заплакать. — Глянь-ка, кажется, наш парень проголодался.

Грусть снова сжала сердце своими цепкими, костлявыми руками. Сколько же всего я пропустила... Его кормила другая женщина. Абсолютно чужая. Качала его перед сном и, возможно, пела колыбельные... И всё из-за наших ошибок. Из-за недомолвок и обид, которые мы взращивали и копили в себе.

— Зачем он это сделал? Почему так поступил с нами?

— Ты про Лазарева? — голос Сабурова мгновенно стал жёстким, исчезли ласкающие слух приятные ноты тепла.

— Да. Я считала его другом...

— Он был собачонкой Елисеева. С последним у нас старые счёты. Когда-то мы сотрудничали, потом он поднялся, стали конкурентами. Ну и Светлана ещё... Лазарев, как оказалось, работал на него.

— Получается, в тот день, когда на тебя совершили покушение...

— Да, — утвердительно кивает. — У меня работали охранники Лазарева. Они всё и устроили. Лазарь не дурак. Он быстро смекнул, что я жив. Для них с Елисеевым моё возвращение значило бы гибель. Поэтому и попытались сбить меня со следа с помощью сына. Можно сказать, наш парень служил их щитом. А до того, как воспользоваться этим щитом, они прятали его у Алимы. Если я окажусь идиотом и не выйду на них, пусть сын останется Алиме, она же, в случае чего, и крайняя. Психопатка же, что с неё взять. А если соберусь их уничтожить, они будут меня шантажировать ребёнком. Ты сделала подарок Лазарю, когда обратилась к нему за помощью. Они собирались раскрошить мой бизнес и потихому забрать его из твоих рук. Опять же, после родов, думая, что потеряла ребёнка, ты была не в том состоянии, чтобы догадаться об их намерениях. Ту хакерскую атаку помнишь? Я тогда забрал пару десятков миллионов для вида. Чтобы они не заметили, что мой хакер в это время поменял коды в системе. Мы установили защиту от слива денег и установили слежку за ними. Ты не представляешь, как легко вычислить человека по следу из денег. Когда Елисеев понял, в чём дело, было уже поздно, и им пришлось разбежаться. Крысы гребаные, — прошипел сквозь зубы, и рука на моей талии потяжелела.

— И что теперь? Ты их нашел, а что дальше? — о помиловании этих сволочей я просить, конечно же, не собиралась. Если в случае с Алимой всё неоднозначно, то эти подонки заслужили всё, что с ними произойдёт.

— Не думай об этом. Ты больше не услышишь имена этих ублюдков.

Светлана

— Отлично погуляли. Спасибо тебе большое. Знаешь, я так скучала по родным паркам. А мороженое... Ты не представляешь, какое вкусное в России мороженое, — щёки слегка горят от мороза, а сердце до сих пор радостно трепещет в груди. Я уже и позабыла, как оно,

вот так просто развлекаться. Лет сто не каталась на каруселях. Лиза тоже была в восторге, то и дело вертелась и попискивала в коляске. Видимо, ей передалось моё хорошее настроение.

— Он тебя обижал? — неожиданно спросил Карам, останавливаясь.

— Что?

— Елисеев. Он обижал тебя?

От одного упоминания имени подонка кожа покрылась «мурашками».

— Почему спрашиваешь? — ответила как можно равнодушнее.

— Хочу знать.

— А если скажу, что обижал, что-то изменится?

Он потупился себе под ноги.

— Нет. Но я больше никому не позволю тебя тронуть. Даже Самиру Камаловичу, не то что там всяким Елисеевым.

Я улыбнулась его прямолинейности.

— И что же ты сделаешь?

Карам вскинул на меня твёрдый, тяжелый взгляд.

— Женюсь на тебе.

Спустя пару минут, когда ко мне снова вернулся дар речи, не удержалась, засмеялась.

— Хорошая шутка. Правда, уже не новая.

Я уже выходила замуж. Пожалуй, достаточно.

— А я не шучу, — ответил без тени улыбки. Смотрит в глаза и, похоже, сам верит в то, что говорит.

— Нам пора возвращаться домой, Карам, — разговор с ним начинал нравиться всё меньше.

Я вообще-то считала, что он гуляет с нами по просьбе Самира. Вряд ли последний поручал ему «подкатывать» ко мне. Я в курсе, что Сабуров не рассматривает меня, как свою женщину, но он ни за что не позволит, чтобы его дочь называла отцом другого мужчину.

— Я тебе не нравлюсь? Не хочешь быть со мной? — он настойчиво преграждает мне путь и как бы невзначай касается локтя. — Скажи, что тебе со мной плохо, и я больше не подойду, не притронусь.

Я опускаю взгляд на дочку, запускаю пальцы в волосы, массирую виски.

— Всё очень сложно, Карам. Дело не во мне и не в тебе.

— А в ком?

— Ты сам знаешь. Я не могу сказать, как мне с тобой... потому что я даже задумываться об этом не имею права.

Он отворачивается, долго глядит куда-то вдаль. А потом произносит то, чего я услышать никак не ожидала.

— Я давно в тебя влюблён. Сначала всё отрицал, не верил. А потом, когда ты исчезла... Я хотел тебя найти. Хотел поехать сам, правда. Но не мог оставить Анастасию. Я был в ответе за неё. Я поклялся Самиру Камаловичу, понимаешь?

— А что с Настей? — резко перебиваю его, потому что то, как прозвучало её имя из его уст, почему-то доставило неприятные ощущения.

— С ней ничего. Она в порядке.

— Ты тоже в неё влюблён? — спрашиваю с долей цинизма.

— Свет, — Карам улыбается, в мгновения ока оказывается рядом. Разглядывает моё

раскрасневшееся от мороза лицо и медленно опускается к губам. — Она для меня, как сестра. Я в ответе за её жизнь. Но я в ответе и за твою жизнь. В её случае из-за Самира Камаловича. В твоём...

— А в моём почему? Не по той же разве причине? Тебе же платят за твою работу?

Его эти слова не задевают, лишь смешат. Берёт в свои ладони моё лицо, большими пальцами поглаживает щеки.

— За тебя мне не платят. Эту обязанность я взял на себя по собственной инициативе.

Соврёт та женщина, которая скажет, что ей неприятно услышать подобное признание. Но я уже давно не мечтательница. Я живу в жестоком реале, где нет места инфантильности и пустым надеждам.

— Прости. Но... Ничего не получится. Мы не можем быть вместе. И дело тут не в нас. Просто так встали звёзды.

Убираю его руки и, вцепившись в коляску, трусливо убегаю. Слёзы на морозе быстро застывают, неприятно стягивают кожу, и Лиза начинает капризничать. А я спешу, тороплюсь, убегаю от самой себя, потому что нет другого выхода. Не получится. Нельзя.

— Стой, Света! — Карам ловит меня за локоть, мягко поворачивает к себе. — Я всё решу. Я поговорю с Самиром Камаловичем прямо сегодня. Только дай мне своё согласие. Слово мужчины, ты не пожалеешь об этом. Никогда.

— Моя дочь...

— Она никогда не назовёт меня отцом. В этом ведь проблема? Я буду её дядей.

— Хорошо. Я подумаю, — улыбаюсь уже про себя, уходя с коляской к дому. Не оборачиваюсь, потому что знаю, он идёт за мной. Тот, кого не замечала раньше. Тот, кто был всегда рядом...

Позже, спустя годы, вспоминая этот день и так же прогуливаясь уже с общим сынишкой, будем смеяться над собственной глупостью и моей нерешительностью. Но в одном Карам был прав... Я не пожалею.

КОНЕЦ